

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER– DECEMBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2025

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛОГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоизданию — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теория дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella Amatuzzi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vrančević), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guizhi), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н. профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насиурла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdžić), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Диосеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор Т.А. Пикусская

© Издательство Московского университета, 2025
© «Вестник Московского университета», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Пентковская Т.В.</i> Лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева (в связи с проблемой авторства перевода «Лето-денияй Церковных»)	9
<i>Гончаров А.А., Ярошенко П.В.</i> Как описывать имплицитные логико-семантические отношения: опыт создания набора данных на русском языке	24
<i>Жираковская А.А.</i> Метафорические и метонимические переносы в образовании номинаций лиц в молодежном сленге	36
<i>Заруднева А.А., Панич М.Б., Садковский Ф.А., Архипова М.Н., Федорова О.В.</i> Кумыкско-русская радуга: цветообозначения в речи кумыкско-русских детей-билингвов	46
<i>Полунина А.А.</i> Лексемы со значением ‘фиолетовый’ как единицы симптоматического словаря (на материале русского и французского языков)	61
<i>Борисова Д.С.</i> К вопросу о заимствованиях в интернет-языке Таиланда	73
<i>Артемова О.Г.</i> Об одном отзыве на маркемологическое исследование, или О правомерности обобщения в науке	81
<i>Сабанова О.Д.</i> Авторская графика в ранней прозе Э.В. Лимонова на страницах рукописей и изданий разных лет	92
<i>Оболенская Ю.Л., Баканова А.В.</i> Особенности формирования и изучения фольклорной традиции в Испании	105
<i>Лаппо-Данилевский К.Ю.</i> Поэма «Добрыня» Н.А. Львова как аполотия «русского строя»	125
<i>Сяося Да., Голубков М.М.</i> Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае	138

Ямпольская А.В. Образ города в романе А. Палаццески «Рим»	151
Толмачёв В.М. О символизме отца и отцовства в драматургии Х. Ибсена	161

ИЗ АРХИВА

Токарева М.С. Княгиня З.А. Волконская о статье А.С. Глаголева «Итальянцы»	181
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Макеев М.С. Рецензия на книгу: Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин и его современники. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2024. 295 с.	188
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Липгард А.А., Филатов А.В., Холиков А.А. Всероссийская научная конференция «Литературоведение: наука и “здравый смысл”: к 95-летию профессора Хализева Валентина Евгеньевича»	194
---	-----

Верижникова Е.В., Шешкен А.Г. Международная научная конферен- ция «Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте»	203
---	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вест- ник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2025 г. . .	210
---	-----

CONTENTS

ARTICLES

<i>Pentkovskaya T.V.</i> Linguistic Features of A.A. Matveev's Travel Diary (in Connection with the Issue of Authorship of the Translation of the <i>Annales Ecclesiastici</i>)	9
<i>Goncharov A.A., Iaroshenko P.V.</i> How to Describe Implicit Discourse Relations: The Experience of Creating a Dataset in Russian	24
<i>Zhirakovskaya A.A.</i> Metaphorical and Metonymic Transfers in the Formation of Person Nominations in Youth Slang	36
<i>Zarudneva A.A., Panich M.B., Sadkovsky F.A., Arkhipova M.N., Fedorova O.V.</i> Kumyk-Russian Rainbow: Color Terms in Kumyk-Russian Bilingual Children	46
<i>Polunina A.A.</i> Lexemes Meaning 'Violet' as Units of the Symptomatic Vocabulary (Based on the Material of the Russian and French Languages) .	61
<i>Borisova D.S.</i> On Borrowed Words in the Internet Language of Thailand .	73
<i>Artemova O.G.</i> On One Markemological Study Review, or on Validity of Generalization in Science	81
<i>Sabanova O.D.</i> The Author's Graphics in E.V. Limonov's Early Prose on the Pages of Manuscripts and Publications of Different Years	92
<i>Obolenskaya Iu. L., Bakanova A.V.</i> Features of the Formation and Study of the Folklore Tradition in Spain	105
<i>Lappo-Danilevskii K.Yu.</i> N.A. Lvov's Poem "Dobrynia" as a Praise of the "Russian Folk Versification"	125
<i>Di Xiaoxia, Golubkov M.M.</i> Pasternak's Novel <i>Doctor Zhivago</i> in China .	138
<i>Jampolskaja A.V.</i> The Image of the City in the Novel <i>Rome</i> by Aldo Palazzeschi	151
<i>Tolmatchoff V.</i> On the Symbolism of Father and Fatherhood in H. Ibsen's Dramatic Work	161

FROM THE ARCHIVE

- Tokareva M.* Princess Z.A. Volkonskaya on A.G. Glagolev's Article "Itali-
ans" 181

REVIEWS

- Makeev M.S.* Book review: Aldonina N.B., A.V. Druzhinin and His Con-
temporaries. Samara: Scientific and Technical Center, 2024. 295 p. . . 188

CHRONICLE OF THE ACADEMIC LIFE

- Lipgart A.A., Filatov A.V., Kholikov A.A.* All-Russian Scientific Confer-
ence "Literary Criticism: Science and 'Common Sense': For the 95th
Anniversary of Professor Valentin Evgenievich Khalizev" 194

- Verizhnikova E. V., Sheshken A.G.* International Academic Conference
"Macedonian Language, Literature and Culture in the Slavic and
Balkan Context" 203

- Articles and Reports Published in Lomonosov Philology Journal. Series 9.
Philology in 2025* 210

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА А.А. МАТВЕЕВА (В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ АВТОРСТВА ПЕРЕВОДА «ЛЕТОДЕЯНИЙ ЦЕРКОВНЫХ»). ЧАСТЬ II

Т.В. Пентковская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
slav_fil@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева, содержащего описание его дипломатической поездки из Гааги в Париж в 1705–1706 годах. Язык сочинения Матвеева сопоставляется по ряду лексико-грамматических черт с языком «Летодеяний церковных», которые представляют собой перевод польской сокращенной версии «Церковных анналов» Цезаря Барония в обработке Петра Скарги. Основанием для такого сопоставления служит устоявшееся представление о том, что Матвеев является переводчиком этого текста. Для решения вопроса о тождестве переводчика «Летодеяний церковных» и автора путевого дневника выявляются и рассматриваются лексемы и грамматические формы, частотные в одном из этих текстов, но не встречающиеся в другом. В результате проведенного сопоставительного анализа устанавливается несходство лексического и грамматического узуса путевого дневника А.А. Матвеева и «Летодеяний церковных».

Ключевые слова: А.А. Матвеев; путевой дневник; «Церковные анналы»; Чудовский книжный круг; сравнительный анализ; глагольные формы; лексические заимствования

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ, грант № 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-1

Для цитирования: Пентковская Т.В. Лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева (в связи с проблемой авторства перевода «Летодеяний Церковных») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 9–23.

LINGUISTIC FEATURES OF A.A. MATVEEV'S TRAVEL DIARY (IN CONNECTION WITH THE ISSUE OF AUTHORSHIP OF THE TRANSLATION OF THE ANNALES ECCLESIASTICI)

Tatiana V. Pentkovskaya

Lomonosov Moscow State University; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; slav_fil@mail.ru

Abstract: The article examines the linguistic features of A.A. Matveev's travel diary, which contains a description of his diplomatic trip from the Hague to Paris in 1705–1706. The language of Matveev's work is compared in a number of lexicogrammatical features with the language of the Church Slavonic translation of Caesar Baronius *Annales Ecclesiastici* from the Polish abridged version made by Piotr Skarga. The basis for this comparison is the well-established notion that Matveev is the translator of this text. To resolve the issue of the identity of the translator of the *Annales Ecclesiastici* and the author of the travel diary, lexemes and grammatical forms that are common in one of these texts but not found in the other are identified and considered. As a result of the comparative analysis, the dissimilarity of the lexical and grammatical usage of A.A. Matveev's travel diary and the *Annales Ecclesiastici* is established.

Keywords: A.A. Matveev; *Diarius privatae legationis*; *Annales Ecclesiastici*; Chudov monastery book circle; comparative analysis; verb forms; lexical borrowings

Funding: The research was carried out as a part of the Russian Science Foundation Project no. 24-28-00240 “Cultural and Linguistic Interaction in the Pre-Petrine Era: Translations from Polish by the Scribes of the Moscow Chudov Monastery”.

For citation: Pentkovskaya T.V. (2025) Linguistic Features of A.A. Matveev's Travel Diary (in Connection with the Issue of Authorship of the Translation of the *Annales Ecclesiastici*). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 9–23.

Настоящая статья посвящена рассмотрению языка путевого дневника («Записок») А.А. Матвеева в связи с повторяющимся в исследованиях мнением о том, что этот дипломат петровской эпохи перевел с польского языка «Летодеяния церковные» (рукопись РГБ, ф. 256 (собр. Н.П. Румянцева), № 15, 1689 г.), то есть «Церковные анналы» Цезаря Барония в сокращенном переложении на польский язык Петра Скарги. В первой части нашей работы рассматривались отдельные глагольные формы и конструкции, которые характерны для одного источника, но не характерны для другого, а также общие формы, различным образом функционирующие в двух этих текстах. Вторая часть работы посвящена сопоставлению лексики путевого дневника А.А. Матвеева и «Летодеяний церковных». И в первой, и во

второй части работы рассматриваются такие элементы, которые могут быть представлены как в русском, так и в церковнославянском языке, поскольку «Записки» А.А. Матвеева написаны по-русски, а «Летодеяния церковные» — по-церковнославянски.

По наблюдениям М.О. Новак, для переводчика Рум. 15 характерно «обилие composita, восходящих к калькам с греческого языка», в их числе активно проявляют себя образования с корнем **благ-**: **сему благожелате́ствоваше́ся** (л. 82 об.), **благораду́мный** (л. 175), **благосу́жный** (л. 187 об.), **благоповеде́ніе** (л. 163), **благу́лученіе** (л. 163 об.) [Новак 2024: 41]. Данные сложения у Матвеева не отмечаются, хотя в целом вошедших в лексический фонд русского языка сложений с корнем **благ-** он не избегает (как не избегает их и П.А. Толстой). Так, в его сочинении мы находим лексему *благовременство*, буквально переводящую франц. *bonheur*: к своему вечному благовременству — pour son éternel bonheur. Она, безусловно, имеет церковнославянские коннотации, причем ее употребление уместно в общем контексте эпитафии. Лексема *благовременство* ‘благополучие, благо-денствие’ встречается в более ранних источниках в составе клише: не тръяхуть зрѣти исполнения земля Русския и **благовременьства** христианьска (Сказание о нашествии Едигея, 1412–1414); не терпя зрѣти, ни слышати толикаго Божія милосердія во христоименитыхъ людехъ **благовременьства** исполненія земли Російскія и тишины христіяньскія («Книга Степенная царского родословия», 1560–1563); И тебѣ, государю моему, во благовременствѣ здѣ на премногая лѣта пребывания... приискренно желаю («Букварь» К. Истомина, 1691 г.) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 1: 196].

Не использует Матвеев характерные сложения, которые встречаются у чудовских книжников для передачи *szpital* ‘больница, бгадельня’: так, в «Слове о милости», переведенном ими с польского языка, слово **нищопиталицио/-е** зафиксировано более 40 раз, прил. **нищопиталициный** 2 раза, 6 раз отмечается **нищопрїятєлище** и один раз — **нищопрїемница**¹. При этом заимствование *шпиталь* в «Слове о милости» не употребляется ни разу; один раз в соответствии с этой лексемой отмечается слово **гостинница**². В Рум. 15 *szpital* переводится следующим образом: **бгадѣльня/ бгодѣльня** (4 раза), **страннопрїятєлище** (1 раз), **нищехранителница** (1 раз), **болница**

¹ По рукописи ГИМ, Син. 716 (XVII в.).

² Отметим, что, в свою очередь, лексема *богадѣльня* не зафиксирована в «Слове о милости», хотя в значении ‘дом для богомольцев-странников’ она встречается в переводе с польского языка «Путешествия в Святую Землю» князя Николая Радзивилла 1628 г.: *богадѣлни турской* — *szpitala Tureckiego*, а в значении ‘дом призрения’ известна многим памятникам XVI–XVII вв. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 1: 256].

(1 раз) [Новак 2024: 44]. У Матвеева сложения, подобные переводу «Слова о милости» и «Сказаний церковных» Барония, не встречаются: Обитель Шарите, или богаделия для соблюдения болящих. Октября в 10 [день] господин посол видел монахов закону светаго Ианна божественнаго, которой называется по французски *гопиталь де ля шарите, или богателия (!) милостыни*, построенной 1606 году, имеющей великия доходы денежныя из дач вкладчиков из земель, той обители уступленых, те монахи в рясах и в высоких куколях ходят (с. 69). В то же время Матвеев не употребляет и заимствование *шпиталь* из польск. *szpital* (< нем. Spital)³.

Эти данные могут быть сопоставлены с данными ряда текстов, близких сочинению Матвеева по времени и характеру языка. Так, в переведенном с французского языка печатном Коране 1716 г. это заимствование имеет несколько иной вид, не тождественный транслитерации Матвеева: Имѣютъ мечети, школы, и *гошпітални*, изрядно убраны — Ils ont des Temples, des Colleges & **des Hôpitaux bien rentés** [Пентковская, Бабаева 2022: 245, 555]; Велїкія созідатели мечетей, и госпіталенъ (с. 244) — ils sont grands fondateurs de Temples & d'Hôpitaux (с. 555).

В русских текстах петровской эпохи, и прежде всего в сочинениях самого Петра I, вариант *шпиталь*, напротив, употребляется очень активно: он 10 раз зафиксирован в «Артикуле воинском» 1715 г., 1 раз в «Плакате о зборе подушном и прочем». В «Путешествии» стольника П.А. Толстого по Европе данный вариант максимально частотен: по данным НКРЯ, здесь представлено 86 случаев его употребления, в том числе в сопровождении гласы: Был я в шпитале, то есть в болнице или в болнишном доме. Это заимствование встречается и в переведенной им «Гистории»: Осмые служебники ^{шпита}_х скисие пажеи болящи^х и всякои мѣры служебники симъ подоные. (л. 52 об.) — 8 I Seruidori per l'ospitali dellli Paggi ammalati (57); шпитали наванные тимараль кла^ю (л. 149 об.) — Ospitali chiamati Timaranclar (157); и построилъ многи спитали⁴ в кайре і въ вавилонѣ (л. 194 об.) — ed'eresse molte Case di Carità nel Gran Cauro, ed'in Babilonia (208) — здесь привлекает внимание сходство реалии, ср. вышеупомянутый *Hôpital de la Charité* (de Paris), что передано Матвеевым транслитерацией с внутритекстовой гласой (гопиталь де ля шарите, или богаделия милостыни).

В отношении лексических заимствований у Матвеева не наблюдается избирательный пуританский характерный для Чудовского книжного круга в целом, когда заимствования из латыни и польского

³ <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B3%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C>. Дата обращения 13.02.2025.

⁴ Издание 1741 г.: гошпітали.

языка не только не допускаются в тексты, но могут заменяться на книжные грецизмы. Такова ситуация и в Рум. 15, где устраняются латинизмы польского текста и заменяются различными славянскими эквивалентами или грецизмами. В частности, *przywilej* ‘привилегия; право, в том числе подтвержденное письменно’ переводится как **оу́рокъ, грамота подтвѣржаема, подтвѣрженіе, свидѣтельство-ванная грамота, благодать, прївилен**. При этом устойчивое сочетание *przywileje y wolnoſci* ‘привилегии и свободы’ переводится несколькими способами, от формально совпадающего **прївилен и волности** до устраниния первого элемента и распространения второго: **пи-менныя свободы** [Новак 2024: 43–45].

Подобная система не характерна для сочинения А.А. Матвеева. Так, он не употребляет полонизм *привилей*, а использует только латинизм, в грамматических параметрах которого имеется вариативность: имеет привилегии (с. 95, 129); привилегия королевская дана (с. 115), она имеют от короля привелегиум по своим договорам (с. 122), привилеги (с. 221). Употребление заимствования в полонизированном варианте в целом характерно для памятников XVII в. и более раннего периода, причем родовая принадлежность его также варьируется (привилей/привилий, привилье), например, по своим волностям и привилиям (Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, 1667 г.) [СлРЯзXI–XVII вв., вып. 19: 112; Гарбуль 2014: 138–139]. Таким образом, перевод, отраженный в Рум. 15, хорошо соответствует узусу своего времени.

В то же время в петровскую эпоху получает распространение вариант *привилегия*, который, по данным НКРЯ, активно используется в деловых и законодательных документах, в том числе и в текстах самого Петра I (Переписка и дела во время посольства Артемия Волынского 1716–1718 гг.; Регламент или устав главного магистрата 1721 г. и др. Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией 1721 г.), например: разные другие знатные провинции и области российскому скрипту подчинены... которые особливые *привилегии* имеют, того ради долженствует каждый коллегиум о том осведомиться и с *привилегии* их взять списки, и каждый народ по их подтвержденным от его величества правам и *привилегиям* управлять. [Петр I. Генеральный регламент (1720)].

Изменение предпочтения в выборе формы заимствования в данный период подтверждается также лексическим выбором еще одного дипломата Петровской эпохи, П.А. Толстого. В «Гистории управления настоящего империи Отоманской» полонизированный вариант (привилей) не встречается ни разу, а форма заимствования

обнаруживает тяготение к итальянской: **таковое привилегио**⁵ (л. 58 об.) — **tal Priuilegio** (65); за какое ни есть **привилегие особливое** (л. 108 об.) — **in virtù di qualche priuilegio particolare** (113). Форма ср. р. *привилегие*, которая в ед. ч. преобладает в переводе «Гистории», отмечается и в следующем контексте (ср. более раннее *привилье*): Римляне которые понавали ^зсёло добро прибы^х еже есть имѣти много людеи давали онымъ которые прибѣгали к' ^ини^м **едину привилегиу во^хности** которои называли **привилегио гра^дское** по като-рому гра^ждане бывали законные обладатели свои ^хвотчинъ уживали⁶ таки же привилеги и такои же во^хности как оные которые жили во гра^{де} римѣ **которое привилегие** позволялося фамилиемъ цѣлы^и. Во а глии **сие привилегие** навано природность яко и во фра^нции (л. 105) — *Li Romani che conosceuano molto bene l'avantaggio ch'è l'haueres molti huomini, dauano à que' che si ritirauano appresso di loro vn'ius di libertà, che chiamauano il ius della Città, per cui i Cittadini diueniuano legitti possessori de'loro beni, e godeuano gli stessi priuilegi, e le medesime immunità, di que' che abitauano nella Città di Roma.* **Il qual ius** si concedea alle famiglie intiere. In Inghilterra **questo ius** è chiamato naturalità, come in Francia (110). В данном случае она соответствует лат. вкраплению ср. р. *ius* ‘право, преимущество, привилегия’, чем может быть дополнительно подкреплен выбор рода. Отметим, однако, что в итальянском оригинале это вкрапление оформлено артиклем м. р. Зафиксирован также выбор переводчиком м. р.: для **мысленногѡ привилегия** турецкагѡ (л. 106) — *dell'imaginario priuilegio de'Turchi* (110).

Встречается у Толстого и устойчивое сочетание ‘привилегии и не-приосновенность’, в котором, в отличие от перевода «Летодеяний церковных», сохраняется первое заимствование: ё даль **все привилегии і свободность** которои просили (л. 84) — *le ammisse tutti li Priuilegi, e immunità, che dimandarono* (90); ^зпозволяя **привилегий свободности** городамъ малонаро^днымъ (л. 86 об.) — *concedendo priuilegi, ed immunità alle Città mal popolate* (93).

Таким образом, узус А.А. Матвеева в отношении выбора формы заимствования обнаруживает сходство (но не тождество) с узусом П.А. Толстого, а также с общей ситуацией в сочинениях первой

⁵ Выбирая род, переводчик исходит из того, что итальянское слово *privilegio* (м.р.) оканчивается на -о. Редакторская правка, отраженная в издании 1741 года, латинизирует финальную часть слова: прївілєгіумъ. В издании 1741 г. формы ср. р. исправлены на ж. р.: какую ни есть прївілєгію особливую... едину прївілєгію которую... прївілєгія градская... которая прївілєгія позволялася... Сія прївілєгія названа.

⁶ Издание 1741 г. («Монархия турецкая») устраниет полонизм: употребляли.

четверти XVIII в., и в то же время отличается от ситуации, представленной в переводе Рум. 15.

Не избегает Матвеев освоенных русским литературным языком полонизмов. В их числе лексема *звычайный* ‘обычный’ и ее производные (о ней см. [Гарбуль 2014: 58–59; СлРЯз XVIII в., вып. 8: 156]). Зафиксировано 57 случаев ее употребления, в частности: в делах звычайных, при звычайном собрании, мисса звычайная, при выходе церемониальных и звычайных короля, платье носят звычайное, звычайной ловли, звычайной охотник, псарай звычайных, звычайныя дни, три поклона звычайныя и т. д. Используется оно в устойчивых сочетаниях (в обозначениях должностей): звычайный советник, звычайный посол. Наречие *звычайно* встретилось 7 раз. Семантика этого прилагательного сближена с франц. *ordinaire*, прежде всего в тех случаях, когда речь идет о служащих королевского дома, ср. звычайно называются по французски жантюлом ординер, или звычайныя дворяне дому королевского; комисар ординарной, или звычайной (ср. *un gentilhomme ordinaire*)⁷.

Прил. *чрезвычайный*, его антоним, в свободных сочетаниях встречается 16 раз (художеством чрезвычайным, живописание чрезвычайное, чрезвычайным благополучием, на чрезвычайныи расходы, величества чрезвычайного и т. д.). Кроме того, несколько раз отмечаются устойчивые сочетания чрезвычайный посланник (6 примеров), чрезвычайный посол (6 раз), по одному разу отмечены сочетания чрезвычайный куриер и чрезвычайный гонец. Трижды зафиксировано наречие *чрезвычайно*.

У Матвеева оба прилагательных нередко встречаются вместе (прежде всего в устойчивых сочетаниях): второе есть послом звычайным и чрезвычайным; королевских чрезвычайных и звычайных послов, звычайных и чрезвычайных послов, послы звычайныя и чрезвычайный, дачи звычайной и чрезвычайной, на звычайное управление войны и на чрезвычайное.

Считается, что лексема *чрезвычайный* не старше XVII в. В.В. Виноградов полагал, что она возникла под влиянием польск. *nadzwyczajny*, «представляя собою своеобразную форму полузаимствования или скрещенного заимствования». Кроме того, под влиянием польск. *zwyczajny* ‘обыкновенный’ начинает употребляться и прил.

⁷ Это прил. употреблялось в составе обозначения придворных должностей применительно к тем, кто исполнял свои обязанности при дворе в течение всего года штатным образом (антоним *extraordinaire*). <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/advanced.exe?8;s=1504058850>. Дата обращения 17.02.2025.

необычайный (ср. старые *необычный, привычный, обычный*) [Виноградов 1994: 739–740]⁸.

Прил. *обычный* в сочинении Матвеева отсутствует, дважды отмечается еще прил. *обычайный* (тот суд разделяется в две разправы, на обыгайную и на чрезвычайную; позывы обычайные разсмотриваются в парламенте) и *заобычный* (Те люди, выборный из рейтар и из пехотных региментов, самыя лутчия и заобычныя).

Несмотря на то, что экспансия прил. *звычайный* в русский язык приходится на петровскую эпоху, высокая частность его употребления (даже за вычетом устойчивых сочетаний) у Матвеева привлекает внимание. Такая ситуация отмечается далеко не во всех памятниках большого объема соответствующего периода. Так, в «Гистории», переведенной П.А. Толстым, прил. *звычайный* не отмечено, а прил. *чрезвычайный* встречается только три раза: за услуги чре^звычайные (л. 232 об.) — *per causa dell'i feruiggi estraordinarij* (с. 285), о^т посла чре^звычайного (л. 255) — *dall' Ambasciadore estraordinario* (с. 288); не есть чрезвычайно (л. 201 об.) — *Non è straordinario* (с. 216).

Прил. *обычайный* в «Гистории» отсутствует, однако трижды встречается прил. и нар. *чрезобычайный/-но*, которое конкурирует с *чрезвычайный/-но* (вероятно, за исключением связанного словосочетания типа «чрезвычайный посол»): во время морового повѣтря чрезобычайного (л. 153) — *nel tempo d' una peste straordinaria* (с. 160); і в такои мѣре были богати чрезъобычайно (л. 174) — *di maniera che s'erano arricchiti estraordinariamente* (с. 183); сиї люди были... возвышенны чрезобычайно (л. 196 об.) — *inalzati sopra l'ordinario* (210).

Отсутствует в переводе «Гистории» и прил. *обычный*, однако один раз отмечается сравн. ст. прил. *заобычный*: Спаги азиатцкие суть лутчая конница нежели европская но европские заобычнее и смелее (л. 231 об.) — *Li Spahì dell'Asia sono meglio à Caualloche quelli dell'Europa; mà gli vltimi sono più lefti <'более ловкие', e valorosiper* (с. 257). Ср. *заобычный* ‘опытный, искусный, имеющий привычку к чему-л.’ [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 5: 253].

В «Путешествии» П. А. Толстого по Европе (1699) прил. *обычный*, по данным НКРЯ, не встречается, однако зафиксировано прил. *обычайный*: Того ж числа поехал в корете к морскому берегу и нанял филигу; в той филиге ездил по морю гулять, смотрил *обычайной* утехи неополитанской, как неополитанцы забавляются в году 4 месяца: июнь, июль, август и сентябрь.

⁸ Ср. написание «ничего чрезвычайного не видится» в рукописи сочинения Матвеева, которое показывает морфемную структуру данного слова так, как ее представлял себе писец и, вероятно, автор (чрез + звычайный). Такое же написание этого слова характерно и для «Гистории».

Отсутствует заимствование *звычайный* и в печатном переводе Корана 1716 г. Дважды в одном и том же контексте отмечается прил. *обычайный* при отсутствии варианта *обычный*: молїтес во время *обычайное* (с. 6, 9) — *Faites vos prières au temps ordonné* (с. 5). По одному разу встречается прил. *необычайный* и нар. *необычайно*: они возвеселїся *необычайно* (с. 75) — *ils s'en sont réjouïs extraordinairement* (с. 103); и послахомъ дождь *необычайныи* (с. 301) — *une pluie extraordinaire* (с. 418).

Словоупотребление печатного Корана в данном случае совпадает с «Путешествием» Толстого и его переводом «Гистории», однако отличается от словоупотребления Матвеева. В первой группе текстов точное заимствование *звычайный* не встречается в принципе, при этом вариант *обычный* также не используется, однако употребляется вариант *обычайный* и производные от него. Однако набор антонимов в «Гистории» и «Путешествии» шире, чем в Коране: в последнем засвидетельствовано только прил. *необычайный* (*extraordinaire*), тогда как в первых двух текстах этот вариант не используется, но имеется два варианта — *чрезобычайный* и *чрезвычайный* (*estraordinario*, *straordinario*).

Судя по всему, употребление заимствования *звычайный* в конце XVII — начале XVIII вв. тяготеет к языку деловых документов: словосочетание *звычайную пропѣжку* встречается в Ответах на статьи, поданные в Кенигсберге бранденбургскими министрами (1697.05.24), *свѣтлѣйшей рѣчи посполитой Венеційской звычайной при дворѣ цесарскомъ посолъ* упоминается в Союзном договоре между Россией, Священной Римской империей и Венецианской республикой (1697.01.29), *звычайнаго провозу и дани* отмечено в Союзном договоре с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III (1697.06.22). Два последних словосочетания характерны и для сочинения Матвеева.

Н.А. Смирнов отмечает употребление данного заимствования Петром I: к молитве и службе божией *звычайный* знак дан будет (Артикул воинский, 1715 г.); О чемъ любителю и братцки просимъ, якобы в государствѣ вашемъ поволное ему со всѣми при немъ будучими людми поводилось пребывание *звычайно* посолскими обычаемъ (Письма и бумаги Петра Великого) [Смирнов 1910: 116; СлРЯз XI–XVII вв., вып. 5: 358]. Параллельно с этим активно употребляется Петром I и его соратниками и прил. *чрезвычайный*: так, 17 примеров отмечается в «Гистории Свейской войны», частотно это прилагательное в документах В.Н. Татищева (по данным НКРЯ):

Вместе с тем, прил. *звычайный* не характерно для перевода Рум. 15. Сущ. *zwyczaj* ‘обычай, привычка, навык, нрав, образ’ [Linde 1814, VI: 1059–1060] переводится разными эквивалентами в зависимости от контекста: **по преданію Каѳоліческія церкви** (л. 21) — *wedle zwyczáiu*

Kátholickiego kościoła (с. 7); **Римляне же римскимъ глаголъ мъзыко^м, юкъдъ повѣствуетъ Греческии гагы, въ римѣ во швѣчаехъ не быти** (л. 28 об.) — в Rzymie w zwyczaiu nie był (с. 10); **Есть законъ, и обычай црковный извѣстными чинами: на достоинства духовныя Іеренскія посѣтати и поставляти свое (!) к семъ достойныя** (л. 69 об.) — Jeſt prawo u zwyczay kościelny (с. 30).

Различается в сочинении Матвеева и Рум. 15 выбор лексем для обозначения сакральной постройки. А. Матвеев не использует слово *храмъ*, характерное для никоновского и послениконовского периода, для обозначения здания церкви любой конфессии. В этом случае он употребляет лексему *церковь*⁹: *крещен в катедральной, или в соборной, великой церкви 1500 году февраля 25-го дня* — всего в 115 контекстах. Кроме того, 8 раз отмечается *церковь* в составе внутритекстовой гlosсы при описательной передаче франц. *chapelle*: *ездил в капелль, или в малую церковь*, называемую благодать пресвятая нашей богородицы; когда он, король, чиновно в торжественные дни входит в свою *капеллю, или сенную церковь*, или инуды; пришел с церемониею в королевскую *капеллю, или церковь сennую*; Ту церемонию отправя, король пошел в свои комнаты... потом с чином кавалерским шел около 12-го часа дни в свою *капеллю, или в сennую церковь*; В том разделении другом наверху с правой стороны *капелля, или церковь сennaia*, королевская видится; После того шел король около 10 часу до полудня в свою *шапеллю, или в церковь сennую*; Король, когда пришел *в шапелль, или в сennую свою церковь*, стал в среднем окне хор верхних; Из той полаты последними *к шапелле, или к церкви королевской*, есть сени мало меньши вышеписанной полаты. Последнее заимствование может употребляться и без гlosсы: От церкви вышеозначенной ныне строится изрядной и пространной архитектуры новая *шапелля* королевская.

Единственный раз лексема *храмъ* используется у Матвеева в назывании церковного праздника Введения: 1706 февраля в 2 день в торжество очищения, или входу во храм пресвятая девы бого родицы (с. 88).

В институциональном значении лексема *церковь* встречается 7 раз, в том числе в переведенной с латыни надписи на пьедестале конной статуи Людовика XIV работы Франсуа Жирардона: Христи аннейши и церкви перворожденны древния веры защититель (51) — Christianissimus et Ecclesiae primogenitus, Religionis antiquae vindex (с. 244) В этой же надписи *церковь* употреблена и в значении

⁹ Следует оговориться, что в сочинении Матвеева речь не идет о православных храмах.

сакральной постройки: триста церквей от основания создав украсил (51) — *Trecentas Ecclesias a fundamentis erexit, ornavit* (с. 244).

Однако в начальной части, в описании посольского пути в Париж, для обозначения сакральной постройки 25 раз употребляется слово *костел*: <Гент> В том же городе *костелов* и кляшторов, или монастырей, розных законов мужеска и женска полу с 70 быть сказывают. Этим словом обозначается, в частности, приходская церковь, почти всегда с глоссой: <Дермунд> В том же городе четыре ворот, 9 кляшторов, или монастырей, разных регул, или уставов законников, и *два костела, или церкви приходских*.

Такое распределение отражает, вероятно, разницу между частями текста: полонизм практически исчезает в описании города Парижа, для которого использованы французские источники (“Исторический словарь” Л. Морери и “Описания города Парижа” Ж. Бриса) [Матвеев 1972: 243]. Однако дважды заимствование *костел* встречается и здесь: Те *костелы* и монастыри древняго и новаго все каменного здания; В сем вышепомянутом городе изчисляются 51 *парохия, или приходских костелов римской католицкой веры* (с. 49) — ср. *On compte à présent cinquante trois paroisses dans cette Ville* [Brice 1725: 37]. По всей вероятности, выражение *костел, или церковь приходская*, отвечает франц. *l'église paroissiale*.

Единственный раз лексема *костел* встретилась в институциональном значении в следующем контексте: Началася после мисса того звычайная по чину *римского костела* (с. 75).

Иная ситуация складывается в Рум. 15. В польском оригинале Скарги во всех значениях используется слово *kościół*. В переводе, как правило, для обозначения церкви как институции, организации верующих этому соответствует слово *церковь*: *Сг̄ый Ап̄ль Мат̄фей поставленный на мѣсто Иуды предателя идѣ во Ефиопію, многія церкви во Індійскѣй земли соѣда* (л. 66) — *wiele kościołów* (с. 28); *и хже правѣднѣ стаѧ цркви ѿметаетъ* (л. 66 об.) — *Kościół święty odmiata* (с. 28).

Один раз четко обозначена конфессиональная принадлежность институции: *Сг̄я лѣта инакш Греки, инакш и римскій костель, инакш по Библии съ жидовскагш языка, инакш по седмидесяти изложеннїи* (л. 19 об.) — *Rzymſki kościół* (с. 6). Это словоупотребление — единственное общее с тем, что есть у Матвеева.

Для обозначения христианской сакральной постройки варьируются две лексемы — *церковь* и *храмъ*: *прѣтоль сеї проповѣдателныи стаꙗгш Петра въ римѣ еще даже до сихъ наши лѣтъ, въ єгѡ цркви на ватыканѣ соблюдеся* (л. 71) — *w iego kościele na Watykanie* (с. 30), но Рум. 15 *И ѿтъду до сегѡ времене оное мѣсто въ римѣ, идѣже*

до нї^т в есть храмъ престыя Бци, именується олтарь небесе (л. 14) — kościół Panny Näsietzey (с. 4)

Для языческих культовых построек используется лексема *храмъ*: тойже Кесарь, Аполлина своего бога, егоже имяше въ мѣсто отца... въ своем Палатѣ создалъ въ храмъ (л. 14) — kościół zbudował (с. 4); малъ нѣчто прежде ржѣтва хвѣ, вѣси, иже Паганъ преліщахъ, въ стволіяхъ, и въ храмъхъ, юже имъ социдахъ... пребывающи (л. 14 об.) — w ślupech u kościołów (с. 4). Эта ситуация отличает Рум. 15, в частности, от двух переводов «Метаморфоз», выполненных в начале XVIII в. с польского языка. В обоих переводах, наряду с другими вариантами, употребляется лексема *костелъ* (во втором переводе отмечается также *церковь*), однако лексема *храмъ* в них не отмечена [Матвеенко 2022: 177].

Иудейские сакральные сооружения обозначаются двумя вариантами (как и христианские): въ храмѣ Йеролимстѣмъ мѣста извѣстныя имѣша (л. 23) — w kościele Jerozolimskim (с. 9); и ѹвѣнъ бысть, какъ Гдѣ нашъ глагѣтъ: междѣ церковио и олтаремъ (л. 23) — między kościolem y ołtarzem (с. 8). Ср. Мф. 23:35.

В описании события, давшего название празднику Введения, в Рум. 15 использована лексема *церковь*, а не *храмъ*, как в названии этого праздника у Матвеева: Егда имѣ три лѣта, во цѣрковь введенна есть (л. 16 об.) — do kościoła ofiarowana ieſt (с. 5).

Словоупотребление Рум. 15 в данном случае имеет сходство с тем, что выявлено в «Скифской истории» А. Лызлова: в этом сочинении он также использует слово *храмъ* наряду со словом *церковь* применительно к христианским сакральным сооружениям¹⁰; в целом же А. Лызлов «воспроизводит практику, принятую в книжном кругу Епифания Чудовского 70-х — 90-х гг. XVII в.» [Бабаева 2024: 151–153; Пентковская 2019: 268–269].

Рассмотренные примеры приводят нас к следующим выводам. Язык А.А. Матвеева ориентирован на деловую традицию, прежде всего, на статейные списки. На это указывает выбор определенных глагольных форм и лексем, рассмотренных в данной работе.

Есть у А.А. Матвеева пересечения с П.А. Толстым, которые показывают общую ориентацию обоих авторов на практику делового письма. Однако полного сходства в выборе частотных лексических единиц у них не наблюдается (ср., например, отсутствие в языке Толстого прил. звѣчайный, характерного для «Записок» Матвеева, и, наоборот, отсутствие у Матвеева конструкции типа *еже бы + инфинитив*, о которой речь шла в первой части работы). Отсутствует

¹⁰ Однако в «Скифской истории» применительно к месту языческих культов используется и слово *капище* [Бабаева 2024: 153].

у Толстого в «Гистории» и форма *умре*, встречающаяся у Матвеева в определенных контекстах. При этом с Рум. 15 пересечений практически нет. В сочинении Матвеева и в переводе «Летодеяний церковных» реализуется разное отношение к лексическим заимствованиям, которыми богата рассматриваемая эпоха. Если Рум. 15 отражает избирательный запрет или ограничение на употребление заимствований из европейских языков (конкретно — из латино-польской традиции), то «Записки» Матвеева не показывают наличие подобных тенденций. Кроме того, в выборе формы заимствования *привилей/привилегия, привилегиум* прослеживается смена узульной ориентации с польского варианта, свойственного более старшой традиции XVII в., куда примыкает и Рум. 15, непосредственно на латынь (или на вариант прочих европейских языков).

А.А. Матвееву, очевидно, чужда пуритическая идеология, которой придерживались чудовские книжники. Подход Матвеева диаметрально противоположный. Подобные расхождения лингвидеологического характера не позволяют считать петровского дипломата переводчиком «Летодеяний церковных».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева Е.Э. Осваивая Османскую империю // Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies. 2024. Т. 13, № 1. С. 57–92. DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2024.1.02>
2. Виноградов В.В. История слов. М., 1994. 1138 с.
3. Гарбуль Л. Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 2014. 282 с.
4. Матвеенко Е.А. Номинация святыни в выполненных с польского языка русских переводах «Метаморфоз» Овидия начала XVIII века // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 162–182. DOI: <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.03>
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 06.03.2025)
6. Новак М.О. Церковнославянская версия «Церковных анналов» Цезаря Барония и переводы Чудовского круга XVII в.: сопоставительный анализ лексики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т.23, № 6. С. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.3>
7. Пентковская Т.В., Бабаева Е.Э. Перевод Корана Петровской эпохи. М., 2022. 800 с. DOI: <https://doi.org/10.29003/m3010.978-5-317-06849-3>.
8. Рикот П. Монархия турецкая, описанная через Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Перев. с польского на российской языке. СПб., 1741. 278 с.
9. Русский дипломат во Франции: (Записки А. Матвеева) / Публикация подгот. И.С. Шарковой; Под ред. А.Д. Люблинской [Вступ. статья А. Люблинской и И. Шарковой]. Ленинград, 1972. 296 с.
10. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910. 398 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. М., 1975–2019–.

12. Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 1–23–. М.-Л., 1984–2024–.
13. Соловьев А.Ю. Встреча русского человека с Европой в путевых заметках Петровского времени (А. А. Матвеев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 19, вып. 3. 2022. С. 486–496. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305>
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения 13.02.2025)
15. Brice G. Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. A Paris, chez François Fournier, 1725.
16. Linde S.B. Słownik języka polskiego. T. I–VI . Lwów, w Drukarni im. Ossolińskich, 1854–1860.
17. Roczne dzieje kościołne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dziejów kościelnych Cesarza Baronivsza... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę ... Krakow, w Drukarnie Andrzeja Piotrkowczyka, Roku P. 1607.
18. Rycaut P. Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano. Venetia: Presso Combi, & La Nou; 1672. 296 p.
19. Trésor de la Langue Française informatisé. [Электронный ресурс]. URL: <http://stella.atilf.fr> (дата обращения 17.02.2025)

REFERENCES

1. Babaeva Ye.E. Osvalyaya Osmanskuyu imperiyu [Discovering the Ottoman Empire]. In: *Slověna. International Journal of Slavic Studies*, 2024, vol. 13, no. 1 pp. 57–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2024.1.02>
2. Vinogradov V.V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Tolk Publishing House, 1994. (In Russ.) 1138 p.
3. Garbul' L. Leksicheskiye polonizmy v russkom prikaznom yazyke pervoy poloviny XVII veka [Lexical Polonisms in Russian language of Prikaz of the first half of the 17th century]. Vilnius: Vilnius University Press, 2014. 282 p. (In Russ.)
4. Matveenko E.A. Nominatsiya svyatilishch v vypolnennykh s pol'skogo yazyka russkikh perevodakh «Metamorfoz» Ovidiya nachala XVIII veka [Names of sanctuaries in Russian translations of Ovid's Metamorphoses from Polish in the early 18th Century]. In: *Slavic Almanac*, 2022, no. 1–2, pp. 162–182. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.03>
5. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed 06.03.2025). (In Russ.)
6. Novak M.O. Tserkovnoslavianskaya versiya «Tserkovnykh annalov» Tsezarya Baroniya i perevody Chudovskogo kruga XVII v.: sopostavitel'nyy analiz leksiki [Church Slavonic Version of Caesar Baronius Annales Ecclesiastici and Chudov Translations from the 17th Century: Comparative Analysis of Vocabulary]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 39–48. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.3>
7. Pentkovskaya T.V., Babaeva Ye.E. Perevod Korana Petrovskoy epokhi [A Translation of the Quran of the Petrine Era]. Moscow: MAKS Press, 2022. 800 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.29003/m3010.978-5-317-06849-3>.
8. Rikot P. *Monarkhiya turetskaya, opisannaya chrez Rikota byvshego aglinskogo sekretarya posolstva pri Ottomanskoy Porte*. Perev. s polskogo na rossiyskoy yazyk [The Turkish monarchy, described by Rykot, the former English secretary of the

- embassy to the Ottoman Porte]. Translated from Polish into Russian. Saint Petersburg: Academician Sciences Press, 1741. 278 p. (In Russ.)
9. *Russkiy diplomat vo Frantsii: (Zapiski A. Matveyeva)* [A Russian diplomat in France (notes by A. Matveev)] / Publikatsiya podgot. I.S. Sharkovoy; Pod red. A.D. Lyublinskoy [Sharkova I.S. (publ., prepared by texts), Lyublinskaya A.D. (ed.). Introductory article by A. Lyublinskaya and I. Sharkova]. Leningrad: Nauka, 1972. 296 p. (In Russ.)
 10. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vyp. 1–31–. Moscow, 1975–2019–. (In Russ.)
 11. Slovar' russkogo jazyka XVIII v. [Dictionary of the Russian Language of the 18th Centuries]. Vyp. 1–23–. Moscow–Leningrad, 1984–2024–. (In Russ.)
 12. Smirnov N.A. Zapadnoye vliyanie na russkiy jazyk v Petrovskuyu epokhu [Western influence on the Russian language in the era of Peter the Great]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publishing House, 1910. 398 p. (In Russ.)
 13. Solovyov A.Yu. Vstrecha russkogo cheloveka s Evropoy v putevyykh zametkakh Petrovskogo vremeni (A.A. Matveev) [Meeting of a Russian with Europe in the Travel Writings of Peter the Great's Era (A. A. Matveev)]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2022, vol. 19, iss. 3, pp. 486–496. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305>
 14. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (accessed 13.02.2025). (In Russ.)
 15. Brice G. Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. A Paris, chez François Fournier, 1725.
 16. Linde S.B. Słownik języka polskiego [Polish language dictionary]. T. I–VI . Lwów, w Drukarni im. Ossolińskich, 1854–1860. (In Pol.)
 17. Roczné dzieje kościoła od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dziejów kościelnych Cesarza Baronisza... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę ... Krakow, w Drukarnie Andrzeja Piotrkowczyka, Roku P. 1607.
 18. Rycaut P. Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano. Venetia: Presso Combi, & La Noù; 1672. 296 p.
 19. Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://stella.atilf.fr> (accessed 17.02.2025)

Поступила в редакцию 07.03.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Отредактирована 06.09.2025

Received 07.03.2025

Accepted 26.08.2025

Revised 06.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Викторовна Пентковская — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; slav_fil@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Pentkovskaya — Prof. Dr., Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; slav_fil@mail.ru

КАК ОПИСЫВАТЬ ИМПЛИЦИТНЫЕ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ НАБОРА ДАННЫХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Гончаров

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
Москва, Россия; a.gonch48@gmail.com

П.В. Ярошенко

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; polina.iaroshenko@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен подход к описанию имплицитных логико-семантических отношений и опыт его применения для создания соответствующего набора данных на русском языке. В качестве материала выступают тексты двух параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка — английского и французского. С помощью метода поиска с исключением в параллельных текстах был сформирован список переводных соответствий — пар фрагментов, где в тексте на одном языке показатели исходного логико-семантического отношения имеются, а во фрагменте текста на русском языке показатели этого же отношения, напротив, отсутствуют. Исследование выполнено на примере логико-семантических отношений причины и противопоставления, для которых было сформировано более 1000 аннотированных переводных соответствий. Рассматриваются группы признаков, используемых для описания имплицитных логико-семантических отношений. Признаки иллюстрируются примерами из набора размеченных данных.

Ключевые слова: логико-семантические отношения; имплицитность; разметка данных

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00527, <https://rscf.ru/project/24-28-00527/>.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-2

Для цитирования: Гончаров А.А., Ярошенко П.В. Как описывать имплицитные логико-семантические отношения: опыт создания набора данных на русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 24–35.

HOW TO DESCRIBE IMPLICIT DISCOURSE RELATIONS: THE EXPERIENCE OF CREATING A DATASET IN RUSSIAN

Alexander A. Goncharov

Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; a.gonch48@gmail.com

Polina V. Iaroshenko

*Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
polina.iaroshenko@yandex.ru*

Abstract: This article presents an approach to describing implicit discourse relations (DRs) and its application in creating a corresponding dataset in Russian. The study draws on texts from two parallel subcorpora of the Russian National Corpus: English and French. Using the method of search with exclusion in parallel texts, a list of translation correspondences was compiled (pairs of text fragments where the text in one language contains DR markers, while the Russian text fragment does not contain such markers). The study focuses on the DRs of cause and contrast, for which over 1,000 annotated translation correspondences were formed. The paper examines groups of features used to describe implicit DRs, illustrated with examples from the dataset.

Keywords: discourse relations; implicitness; data labelling

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00527, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00527/>.

For citation: Goncharov A.A., Iaroshenko P.V. (2025) How to Describe Implicit Discourse Relations: The Experience of Creating a Dataset in Russian. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 24–35.

Introduction

Discourse relations (DRs) are relations established between units with propositional content, describing the ways in which these units are related to each other¹. Depending on the perspective, such relations may be referred to as logical-semantic relations, rhetorical relations, or simply coherence relations (these terms differ in their content; for detailed analysis see [Inkova 2019]). **Arguments of DRs** are defined as text spans corresponding to the units connected by these DRs².

DRs can be either explicit or implicit. **Explicit DRs** are precisely expressed through lexical means, such as connectives or other markers that

¹ It should be noted that the units in some cases may not have a propositional content; see the classification proposed in [Inkova 2019].

² To be more precise, the arguments of DRs should be referred to as the actual units of the content plane rather than the corresponding units of the expression plane (text spans); however, this, in our view, would significantly complicate both the presentation and comprehension of the material.

specify the relation's semantics. **Implicit DRs** are not expressed using any such means. Thus, in the example “*I was late for work because there were traffic jams*”, the DR of cause is explicit (expressed by the connective “*because*”), while in “*I was late for work, there were traffic jams*” it is implicit (not expressed).

Discourse relation recognition is a significant challenge in natural language processing (NLP). Determining the presence of logical connections between arguments and understanding the semantics of these connections has practical significance for various NLP applications, such as text generation, summarization, sentiment analysis, machine translation, and others.

Whether a relation is explicit or not is a significant factor in determining the difficulty of automating data processing. While for explicit DRs, processing can be largely automated due to the presence of markers, implicit DRs require a more sophisticated approach [Xiang et al. 2024; Cai et al. 2024]. As noted in [Cai et al. 2024], experiments with explicit DRs achieved high metrics — exceeding 90% in F1-score and accuracy — relatively quickly, whereas even the most advanced methods for implicit DRs can only achieve accuracy rates of approximately 70%.

To improve the quality of automatic recognition of implicit DRs, labelled data are required, yet the annotation process is complex and time-consuming [Xiang, Wang 2023]. Studies on the recognition of implicit DRs have been conducted primarily using English material. Therefore, the collection of labelled data for other languages is of particular importance [Jiang, He 2020].

This article aims to present an approach to describing implicit DRs and its application in creating an appropriate dataset based on Russian-language material.

1. Source data and methods

The material comprises texts from two parallel subcorpora of the Russian National Corpus (RNC): English and French. The use of parallel texts enables the identification of examples likely to contain instances of the implicit DR in question. For this task, we apply the method of search with exclusion in parallel texts, described in [Goncharov 2023] and tested in [Goncharov, Inkova 2020]. This method aims to obtain pairs of parallel text fragments where a text fragment in one language contains markers of the DR being searched for, whilst the corresponding fragment in another language does not contain markers of the same DR. The method enables significantly accelerating the process of creating annotated examples of implicit DRs without resorting to synthetic data: the only alternative would be manual analysis of the entire corpus.

The pairs of fragments containing implicit DRs of the target type are annotated, and the annotation results are stored in the database [Gon-

charov 2024] as annotated translation correspondences (ATC) [Goncharov, Iaroshenko 2024]. The main structural elements of the ATC are: (1) blocks of the original and translated text, necessary and sufficient for analysing the DR in question, where the DR arguments and their markers (if present) should be highlighted³; (2) feature sets of each text block; (3) a set of translation correspondence features. The proposed annotation scheme allows for coverage of significantly more features than the annotation scheme used in the most commonly employed approach by the authors of the Penn Discourse Treebank (PDTB) to date [Prasad et al. 2017; Webber et al. 2019]. In the PDTB approach, text block annotation with a DR specifies essentially three elements: (1) the arguments of DR; (2) the marker of DR (for implicit DRs, also a potential connective that the annotator believes could express that DR); (3) the type of DR. This corresponds to the first of the three ATC elements (mentioned above) with a single text block feature — DR type.

The study was conducted using the example of DRs of cause and contrast⁴, for which more than 1,000 ATCs were formed. Table 1 shows the distribution of ATCs by translation directions and DR types (as of 05.12.2024).

Table 1: Main quantitative characteristics of the dataset

Original	Translation	DR	Number of ATCs
Russian	English	cause	168
Russian	English	contrast	65
English	Russian	cause	146
English	Russian	contrast	52
Russian	French	cause	316
Russian	French	contrast	70
French	Russian	cause	135
French	Russian	contrast	50
Total			1002

³ In this article, we assume that each DR has two arguments, referred to as “argument 1” and “argument 2”. Following [Bunt, Prasad 2016], for asymmetric relations, the argument type is chosen based on the argument semantics (linear order is not considered), while for symmetric relations, conversely, it is based solely on the linear order of arguments. Thus, for the DR of cause (asymmetric DR), “argument 1” will always be the one containing the cause of what is described in “argument 2”, while for the DR of contrast (symmetric DR), “argument 1” will be understood as the one that appears linearly earlier in the text than “argument 2”. It should be noted that this distinction represents some simplification, as examples from natural language texts show that even relations considered symmetric do not always allow argument reordering without changing the meaning.

⁴ A detailed description of the semantics of discourse relations of cause and contrast represents a separate complex research task that is not addressed in this article.

2. Text block features

The feature list was primarily formed based on corpus data analysis. We also drew upon several studies that considered the problem of defining features relevant for DR recognition [Xiang, Wang 2023; Bunt, Prasad 2016; Patterson, Kehler 2013; Hoek et al. 2018; Das, Taboada 2018]. It should be noted that this article mainly focuses on describing work with specific corpus material; thus, the list of features is not intended to be exhaustive and may be revised in the future.

2.1. Features describing one of the DR's arguments

We will consider the first group of features (Table 2).

Table 2: Features describing one of the DR's arguments

Feature subgroup	Feature	Presence of a lexical marker	DR of cause	DR of contrast
Syntactic description of the argument	interrogation	-	+	+
	exclamation		+	+
	parenthesis		+	-
	complex sentence		+	+
	several sentences		+	+
Verb form	imperative	+	+	+
	transgressive		+	-
Modality	possibility (ontological or deontic)	+	+	+
	wish		+	+
	necessity (ontological or deontic)		+	+
	epistemic possibility or necessity		+	+
Predicate	negation	+	+	+
	mental		+	+
Subjective and evaluative vocabulary	emotion	+	+	+
	evaluation		+	+

The “**Syntactic description of the argument**” subgroup contains features that describe the structure of the argument from a formal point of view and do not imply lexical markers. The subgroup includes the following features:

- **interrogation:** the argument is a question;
- **exclamation:** the argument is an exclamation;
- **parenthesis:** the argument is a parenthesis;
- **complex sentence:** the argument includes several clauses;

- **several sentences**: the argument extends beyond a single sentence. The “**Verb form**” subgroup includes the following features:
 - **imperative**: the argument contains a verb in the imperative mood;
 - **transgressive** (called *деепричастие*): the argument contains a transgressive.
- The “**Modality**” subgroup includes the following features:
- **ontological or deontic possibility** (*мочь* ‘can’, *суметь* ‘to be able to’);
 - **wish** (*хотеть* ‘to want’);
 - **ontological or deontic necessity** (*надо* ‘to need’, *быть должно* ‘to have to’);
 - **epistemic possibility or necessity** (*вероятно* ‘probably’, *должно быть* ‘it must be’).

Each of these features indicates that the argument contains a lexical marker of the corresponding modality. The decision not to distinguish between (1) ontological and deontic modality and (2) epistemic possibility and necessity is based, firstly, on the choice of the object of study (DRs) and, secondly, on the significant overlap of lexical markers of these modality types in the Russian language.

The “**Predicate**” subgroup integrates the semantic features of the predicate in the argument⁵:

- **negation**: the argument contains a negation that affects the predicate;
- **mental predicate**: the predicate is a mental verb (*думать* ‘to think’).

The “**Subjective and evaluative vocabulary**” subgroup includes the following features:

- **evaluation**: the argument contains a lexical unit that can be categorised as evaluative. For example, evaluation of significance (*важный* ‘important’), complexity (*простой* ‘simple’), degree (*слишком* ‘too much’), etc.
- **emotion**: the argument contains a lexical unit that can be categorised as affective (*радоваться* ‘to be happy’, *грустить* ‘to be sad’). Descriptions of physical manifestations of emotions (*затопасть ногами* ‘stomping feet’, *нахмуриться* ‘frowning’, *заплакать* ‘crying’) were also included.

The definition of the boundaries of these semantic categories is a significant linguistic challenge in itself. For the purposes of this study, our annotation draws upon the RNC semantic tagging system ([RNC], see the categories “evaluation” and “emotion”).

2.2. Features describing both arguments

We will consider the second group of features (Table 3).

⁵ In cases where an argument is a complex sentence, only the predicate of the main clause is considered.

Table 3: Features describing both arguments

Feature subgroup	Feature	Presence of a lexical marker	DR of cause	DR of contrast
Punctuation and placement in the text	colon	-	+	+
	dash		+	+
	semicolon		+	+
	different sentences		+	+
Lexical correlations	antonyms	+	+	+
	synonyms		+	+
	lexical repetition		+	+
	anaphora		+	+
	time marker		-	+
	change of state		-	+
	action — result		-	+
	set — element		-	+

The “**Punctuation and placement in the text**” subgroup contains features that describe the structure of both arguments from a formal point of view and do not imply lexical markers. The subgroup includes the following features:

- colon;
- dash;
- semicolon;

These features are assigned if arguments are separated by one of the given punctuation marks.

- **different sentences**: the arguments are not in the same sentence (each argument does not need to be a complete sentence).

The largest subgroup, “**Lexical correlations**”, contains the following features:

- **anaphora**: one argument contains an anaphor and the other contains its antecedent (only in “content word + pronoun” format; see (1) below);
- **synonyms**: the arguments contain synonyms, which we define quite broadly, periphrases — anaphors where the anaphor is presented as a content word — are also included (*вещь* — *предмет* ‘thing — object’; *население* — *жители* ‘population — inhabitants’; *река* — *Нева* ‘river — the Neva’);
- **antonyms**: the arguments contain antonyms, with different types of antonymy being acceptable; both gradable and complementary antonyms are included (*хорошо* — *плохо* ‘good — bad’; *шутка* — *весёл* ‘a joke — to take something seriously’).

- **lexical repetition**: the arguments contain lexical repetition.
- **time markers**: the arguments contain a pair of time period indications (*сегодня — вчера* ‘today — yesterday’);
- **change of state**: one argument describes a situation, the other argument contains an indication that the situation has changed; see (2) below;
- **action — result**: one argument contains an indication of an action, the other argument contains an indication of the result of the action, usually contrary to what was expected (*искать — не найти* ‘to seek — not to find’);
- **set — element**: one argument contains an indication of a set, the other argument contains an indication of one of the elements of the set. For example, in a sentence with implicit DR of contrast “*После нас приехал какой-то князь, послал в лавку за шампанским, нет ни одной бутылки во всем городе, все офицеры выпили*⁶”, *шампанским* ‘champagne’ represents the set, while *бутылки* ‘bottle’ function as element of the set.

3. Examples from the dataset

Let us examine some examples of translation correspondences that have been annotated using the presented list of features.

(1) [Раненых учесть мы не могли]_{arg2} — [их противник забрал с собой]_{arg1}.

[We could not count the wounded]_{arg2}, [**because** the enemy took them away with him]_{arg1}.

Д. Н. Медведев, М. А. Белахова. Это было под Ровно (1948) | Stout hearts (tr. D. Skvirsky; 1961)

In (1), the arguments are related by the DR of cause, which is implicit in the Russian text and expressed by the connective “because” in the English one.

Group of features of individual arguments: argument 2 in both texts is characterised by two features — “negation” (*не; not*) and “modality: possibility” (*могли; could*)⁷.

Group of features of both arguments: arguments 1 and 2 in both texts have the feature “anaphora” (*раненых — их; wounded — them*). In the Russian text, there is a dash between the arguments, hence they are as-

⁶ From N. V. Gogol. Dead Souls (1835–1852). English translation: “Just after we had left Ponomarev’s place, some prince or another arrived in the town, and sent out for some champagne; but not a bottle was there left, for the officers had drunk every one!” Dead Souls (tr. C. J. Hogarth; 1931).

⁷ It should be noted that when annotating implicit DRs, the complex character of annotation is crucial. Some features may be significant not by themselves but in combination with other features. Thus, a typical combination is the complex of negation and modality, as in the presented example. However, the examination of such combinations is beyond the scope of this article.

signed the corresponding feature; in the English text this feature is not present.

(2) Однажды, когда Торопыжки не было дома, Незнайка забрался в автомобиль, который стоял во дворе, и стал дергать за рычаги и нажимать педали. [Сначала у него ничего не получалось]_{arg1}, [потом вдруг машина зафыркала и поехала]_{arg2}.

One day when Swift was out Dunno saw the car standing in the yard. He climbed into it and began pulling levers and pressing pedals. [At first nothing happened]_{arg1}, [but all of a sudden the car gave a sputter and began to move]_{arg2}.

Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1954) | The Adventures of Dunno and his Friends (tr. M. Wettlin; 1980)

In (2), the arguments are related by the DR of contrast, which is implicit in the Russian text and expressed by the connective “but” in the English one.

Group of features of individual arguments: argument 1 in both texts is characterised by the feature “negation” (*не; nothing*).

Group of features of both arguments: arguments 1 and 2 in both texts have the feature “change of state”. Argument 1 presents the situation — the car does not start and does not move despite Dunno’s efforts; in argument 2 the situation changes — the car starts. Lexical markers for Russian: *не получалось* — *поехала*; for English: *nothing happened* — *began to move*. It should be noted that the feature “change of state” usually implies the presence of several lexical markers necessary to describe the situation. “Change of state” in the Russian text is also supported by the feature “time marker” expressed by a pair of lexical markers *сначала* — *потом* (‘at first — later’). The feature “time marker” is not applicable to the English translation, as the time indication appears only in the first argument (*at first*). Such examples are particularly valuable as they may indicate that a feature characterising only the text block with implicit DR is significant for correctly conveying the relation’s semantics: if *потом* was removed from the Russian text, the DR of contrast would be lost.

(3) — Обычное спрашивал, — какой у тебя срок? Я сказал: [просил пять]_{arg1}, [получил десять]_{arg2}.

‘He asked the usual questions — what’s your sentence? I said [asked for five]_{arg1}, [got ten]_{arg2}’

— Les choses habituelles: combien tu tires, tout ça. Je lui ai répondu: [il en a demandé cinq]_{arg1} [**mais** en a récolté dix]_{arg2}.

Б. С. Гроссман. Жизнь и судьба (1959) | Vie et destin (tr. A. Berelowitch; 1980)

In (3), the arguments are related by the DR of contrast, implicit in the Russian text and expressed by the connective *mais* in the French text. The example is remarkable for the feature “action — result” with lexical mark-

ers being the ratios *просил пять — получил десять* in Russian and *demandé cinq — récolté dix* in French. The example also illustrates a typical pattern for the “action — result” feature: the result does not match the expectation.

Conclusion

This article has introduced a new dataset of more than 1,000 ATCs with implicit DRs in Russian. Each example in the dataset is provided with more detailed annotation than in similar datasets created for other languages. The annotation system involves not only defining the arguments, semantics, and markers (if present) of DRs but also forming a group of features that describe the text block in terms of structure and semantics. In our view, a set of text block features — especially when describing implicit DRs — represents one of the most important outcomes of linguistic data analysis. We can hypothesise that further investigation of these features may bring us closer to understanding how DRs are comprehended even without markers, and what role markers play in ensuring text coherence — whether they establish DRs or merely express relations that can be inferred from argument content analysis even without markers.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров А.А. Развитие структуры надкорпусных баз данных // Системы и средства информатики. 2024. Т. 34, № 4. С. 73–84.
2. Гончаров А.А. Поиск с исключением в параллельных текстах // Системы и средства информатики. 2023. Т. 33, № 4. С. 102–114.
3. Гончаров А.А., Ярошенко П.В. Принципы аннотирования имплицитных логико-семантических отношений в параллельных текстах // Информатика и ее применения. 2024. Т. 18, № 3. С. 106–114.
4. Гончаров А.А., Инькова О.Ю. Имплицитные логико-семантические отношения и метод их поиска в параллельных текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17 июня — 20 июня 2020 г.) / Ред. В. И. Беликов, И. М. Кобозева, Н. В. Лукашевич, В. П. Селегей. Т. 19. М., 2020. С. 310–320.
5. Инькова О.Ю. Логико-семантические отношения: проблемы классификации // Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: ЯСК, 2019. С. 11–98.
6. Bunt H., Prasad R. ISO DR-Core (ISO 24617-8): Core concepts for the annotation of discourse relations // 12th Joint ACL-ISO Workshop on Interoperable Semantic Annotation: Proceedings. Portorož, Slovenia, 2016. P. 45–54.
7. Cai M., Yang Zh., Jian P. Improving Implicit Discourse Relation Recognition with Semantics Confrontation // Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024). Torino: 2024. P. 8828–8839.
8. Das D., Taboada M. RST Signalling Corpus: a corpus of signals of coherence relations // Language Resources and Evaluation, 2018. No. 52, P. 149–184.

9. Hoek J., Zufferey S., Evers-Vermeul J., Sanders T.J.M. The linguistic marking of coherence relations. *Interactions between connectives and segment-internal elements* // *Pragmatics & Cognition*, 2018, 25:2. P. 276–309.
10. Jiang D., He J. Tree Framework With BERT Word Embedding for the Recognition of Chinese Implicit Discourse Relations // *IEEE Access*. 2020. Vol. 8. P. 162004–162011.
11. Patterson G., Kehler A. Predicting the Presence of Discourse Connectives // *Proceedings of the 2013 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2013. P. 914–923.
12. Prasad R., Webber B., Joshi A. The Penn Discourse Treebank: An Annotated Corpus of Discourse Relations // *Handbook of Linguistic Annotation*. Dordrecht, 2017. P. 1197–1217.
13. Webber B., Prasad R., Lee A., Joshi A. The Penn Discourse Treebank 3.0: Annotation Manual, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/docs/LDC2019T05/PDTB3-Annotation-Manual.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
14. Xiang W., Liu S., Wang B. Parsing and encoding interactive phrase structure for implicit discourse relation recognition // *Neural Computing and Applications*. 2024. Vol. 36. P. 13783–13797.
15. Xiang W., Wang B. A survey of implicit discourse relation recognition // *ACM Computing Surveys*. 2023. Vol. 55. Iss. 12. 34 p.

REFERENCES

1. Goncharov A.A. Razvitiye strukturny nadkorpusnykh baz dannykh [Developing the Structure of Supracorpora Databases]. *Systems and Means of Informatics*, 2024, 34 (5), pp. 73–84. (In Russ.). doi: 10.14357/08696527240406.
2. Goncharov A.A. Poisk s iskl'yucheniem v parallel'nykh tekstakh [Search with Exclusion in Parallel Texts]. *Systems and Means of Informatics*, 2023, 33(4), pp. 102–114. (In Russ.). doi: 10.14357/08696527230410.
3. Goncharov A.A., Iaroshenko P.V. Printsipy annotirovaniya implitsitnykh logiko-semanticeskikh otnosheniy v parallel'nykh tekstakh [Principles of annotation of implicit logical-semantic relations in parallel texts]. *Informatics and Applications*, 2024, 18 (3), pp. 106–114. (In Russ.). doi: 10.14357/19922264240313.
4. Goncharov A.A., Inkova O.Yu. Implitsitnye logiko-semanticheskie otnosheniya i metod ikh poiska v parallel'nykh tekstakh [Implicit Logical-Semantic Relations and a Method of their Identification in Parallel Texts]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*, 2020, 19, pp. 310–320. (In Russ.). doi: 10.28995/2075-7182-2020-19-310-320.
5. Inkova O.Yu. *Logiko-semanticheskie otnosheniya: problemy klassifikatsii. Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya* [Logical-semantic relations: classification problems. Text coherence: Mereological logical semantic relations]. Moscow: LRC Publishing House, 2019. Pp. 11–98. (In Russ.).
6. Bunt H., Prasad R. ISO DR-Core (ISO 24617-8): Core concepts for the annotation of discourse relations. *12th Joint ACL-ISO Workshop on Interoperable Semantic Annotation: Proceedings*, 2016, pp. 45–54.
7. Cai M., Yang Zh., Jian P. Improving Implicit Discourse Relation Recognition with Semantics Confrontation. *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*, 2024, pp. 8828–8839.
8. Das D., Taboada M. RST Signalling Corpus: a corpus of signals of coherence relations. *Language Resources and Evaluation*, 2018, 52, pp. 149–184. doi: 10.1007/s10579-017-9383-x.

9. Hoek J., Zufferey S., Evers-Vermeul J., Sanders T.J.M. The linguistic marking of coherence relations. *Interactions between connectives and segment-internal elements. Pragmatics & Cognition*, 2018, 25(2), pp. 276–309. doi: 10.1075/pc.18016.hoe.
10. Jiang D., He J. Tree Framework With BERT Word Embedding for the Recognition of Chinese Implicit Discourse Relations. *IEEE Access*, 2020, 8, pp. 162004–162011. doi: 10.1109/ACCESS.2020.3019500.
11. Patterson G., Kehler A. Predicting the Presence of Discourse Connectives. *Proceedings of the 2013 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, 2013, pp. 914–923.
12. Prasad R., Webber B., Joshi A. The Penn Discourse Treebank: An Annotated Corpus of Discourse Relations. *Handbook of Linguistic Annotation*. Dordrecht, Springer Science + Business Media, 2017, pp. 1197–1217.
13. Webber B., Prasad R., Lee A., Joshi A. *The Penn Discourse Treebank 3.0: Annotation Manual*, 2019. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/docs/LDC2019T05/PDTB3-Annotation-Manual.pdf> (accessed: 10.03.2025).
14. Xiang W., Liu S., Wang B. Parsing and encoding interactive phrase structure for implicit discourse relation recognition. *Neural Computing and Applications*, 2024, 36, pp. 13783–13797. doi: 10.1007/s00521-024-09709-8.
15. Xiang W., Wang B. A survey of implicit discourse relation recognition. *ACM Computing Surveys*, 2023, 55(12), 34 p. doi: 10.1145/3574134.

Поступила в редакцию 07.05.2025
Принята к публикации 21.10.2025
Отредактирована 21.11.2025

Received 07.05.2025
Accepted 21.10.2025
Revised 21.11.2025

ОБ АВТОРАХ

Александр Анатольевич Гончаров — научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН; a.gonch48@gmail.com

Полина Владимировна Ярошенко — кандидат филологических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН; научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; polina.iaroshenko@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Goncharov — Research Fellow, Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences; a.gonch48@gmail.com

Polina V. Iaroshenko — PhD, Research Fellow, Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University;
polina.iaroshenko@yandex.ru

МОДЕЛИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ И МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В ОБРАЗОВАНИИ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ В МОЛОДЁЖНОМ СЛЕНГЕ

А.А. Жираковская

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;
a.zhirakovskaya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются два способа семантической деривации — метафоризация и метонимизация, которые наряду с суффиксацией активно участвуют в пополнении лексикона номинаций лица в молодежном сленге. Проведен лексико-семантический анализ номинаций лица и описаны особенности метафоризации и метонимизации внутри данного лексического пласта единиц. В статье проведена дифференциация производных номинаций на первичную и вторичную персонализации, каждая из которых обладает своей спецификой. Определены, проанализированы и исследованы метафорические и метонимические модели, актуальные для образования номинаций лица в молодежном сленге. В процессе анализа языковых метафор выявлены наиболее продуктивные для образования личных существительных (с точки зрения количественных реализаций) тематические группы лексем-мотиваторов. В процессе анализа производных, образованных метонимией, определен перечень моделей, актуальных для деривации сленговых номинаций лица, а также выявлена (с точки зрения количественных реализаций) продуктивность каждой из моделей. Статья написана с использованием метода сплошной выборки лексических единиц (для поиска языкового материала), метода лингвистического описания, включающего наблюдение, сопоставление и обобщение языковых фактов. Сделан вывод, что метафоризация и метонимизация активно используются для пополнения словаря номинаций лица в молодежном сленге. Особенно распространена для образования личных существительных языковая метафора, «охватывающая» разные тематические группы лексем-мотиваторов. Менее востребованы в молодежном сленге метонимические переносы. Доказано, что в рамках молодежного сленга именно языковая метафора позволяет говорящему реализовать не столько номинативную функцию слова, сколько экспрессивно-оценочную, особенно важную для неформальной коммуникации.

Ключевые слова: семантическая деривация; метафоризация; метонимизация; метафорический перенос; номинация лица; молодежный сленг

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-3

Для цитирования: Жираковская А.А. Метафорические и метонимические переносы в образовании номинаций лиц в молодежном сленге // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 36–45.

MODELS OF METAPHORICAL AND METONYMIC TRANSFERS IN THE FORMATION OF PERSON NOMINATIONS IN YOUTH SLANG

Anna A. Zhirakovskaya

Novosibirsk State University, Moscow, Russia; a.zhirakovskaya@mail.ru

Abstract: The article discusses two methods of semantic derivation — metaphorization and metonymization, which, along with suffixation, are actively involved in replenishing the vocabulary of person nominations in youth slang. The lexical and semantic analysis of such nominations is carried out, and the features of metaphorization and metonymization within this lexical stratum are described. The article differentiates the derived nominations into primary and secondary personalization, each of which has its own specifics. The metaphorical and metonymic models relevant for the formation of person nominations in youth slang are identified, analyzed and investigated. In the process of analyzing linguistic metaphors, thematic groups of motivating lexemes have been identified as the most productive for the formation of personal nouns (from the point of view of quantitative realizations). In the process of analyzing derivatives formed by metonymy, a list of models relevant for the derivation of slang person names was determined, and the productivity of each model was revealed (in terms of quantitative implementations). The article is written using the method of continuous sampling of lexical units (to search for linguistic material), a method of linguistic description that includes observation, comparison and generalization of linguistic facts. It is concluded that metaphorization and metonymization are actively used to replenish the vocabulary of youth slang person nominations. A linguistic metaphor is especially common for the formation of personal nouns, “encompassing” different thematic groups of motivating lexemes. Metonymic hyphenations are less in demand in youth slang. It is proved that within the framework of youth slang, it is the linguistic metaphor that allows the speaker to realize not so much the nominative function of the word as the expressive and evaluative function, which is especially important for informal communication.

Keywords: semantic derivation; metaphorization; metonymization; metaphorical transfer; person nomination; youth slang

For citation: Zhirakovskaya A.A. (2025) Metaphorical and Metonymic Transfers in the Formation of Person Nominations in Youth Slang. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 36–45.

Введение. Молодежный сленг — это особый, «нестандартный» язык возрастной группы людей от 14 до 35 лет включительно; единицы данного социального диалекта традиционно именуются сленгизмами, с их помощью носители языка стремятся «доказать свою индивидуальность и противостоять нормам общества» [Воронкова, Мальцева, Ульянкина 2020: 238]. Единицы молодежного сленга активно проникают в повседневную речь и используются в СМИ,

следовательно, сленг представляет собой группу разговорной лексики, отражающую ценности современной молодежи, а также общие тенденции развития языка¹. Данное положение обуславливает актуальность семантической деривации сленговых единиц. Семантические номинации лица, обладая характеризующей функцией, являются сложными и непрозрачными по смысловой структуре, траектория их образования порой неочевидна, поэтому большое количество научных работ посвящено определению траекторий пополнения словаря сленговой лексики [Байкова, Ковальчук 2020; Старыгина 2023].

Наряду с суффиксальным образованием производных номинаций не менее актуальна семантическая деривация, включающая две траектории изменения семантики слова, — метафоризацию и метонимизацию. Языковая метафора является результатом вербализации словом иного референта [Кузнецов 2024], тогда как языковая метонимия представляет результат компрессии одного из слов в слово-сочетании [Плясунова 2019; Дерюгина, Илюхина 2023].

Источником языкового материала послужил словарь «Молодежный сленг: толковый словарь» Т.Г. Никитиной [2009] (далее — СМС). Обращение к данному словарю обусловлено широтой охвата лексики: он содержит значительное количество единиц (более 12 000 слов), препрезентирующих как собственно сленговую, так и частично жаргонную лексику.

Так как лексическая единица может иметь несколько лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) [Дерюгина, Илюхина 2023: 174], то каждый из них рассматривается отдельно; исключаются из исследования те, которые не обладают семантикой лица, следовательно, из СМС были выбраны 896 номинаций лица (896 ЛСВ с семой ‘лицо’).

Для фиксации разных ЛСВ одной лексемы в статье используются подстрочные индексы, сленговые номинации последовательно отмечены сокращением «сл»: *вирус_{сл1}* ‘врач, медработник’, *гоблин_{сл5}* ‘молодой поклонник рок-музыки в экипировке’, *клоун_{сл1}* ‘неквалифицированный, часто ошибающийся арбитр’, *линейка_{сл4}* ‘судья на линии (в футболе)’ *метла_{сл3}* ‘женщина легкого поведения’, *сепитра_{сл1}* ‘учительница химии’, *снайпер_{сл1}* ‘косоглазый человек’, *щит_{сл2}* ‘солдат пограничных войск’ и т. д.

Результаты исследования. Для систематизации выбранных единиц на первом этапе работы с картотекой все номинации лица

¹ В данной работе под «сленгом» понимается пласт разговорной лексики, характеризующийся широкой сферой употребления и включающий отдельные единицы жаргонов, например студенческого, армейского и других.

были разделены на две группы: первичная и вторичная персонализации.

В процессе структурно-семантического анализа производных было выявлено, что 532 личных существительных образованы в рамках первичной персонализации, а 364 — в рамках вторичной.

I. Метафоризация и метонимизация номинаций лиц при первичной персонализации

1.1. Метафорическая первичная персонализация

Из 532 ЛСВ 362 (что составляет 68%) — результат метафоризации по трем моделям метафорических переносов: {ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК}, {ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК}, {ПРОЦЕСС / РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА → ЧЕЛОВЕК}.

Модель {ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК}

Из 362 ЛСВ по данной модели образованы 218 (60 %) единиц, например:

— *жика* ‘1. Всякая густая жидкость из смеси жидких и твердых частиц’ → ‘Сл1. Вратарь низкого класса’ / ‘*Тот, кто, играя в футбол, двигается как вязкая густая жидкость...*’;

— *кактус* ‘1. Южное растение с безлистными мясистыми стеблями, покрытыми колючками’ → ‘Сл2. Курсант-первокурсник’ / ‘*Тот, чья стрижка напоминает южное растение, покрытое колючками.*’

В рамках этой модели выделено две разновидности:

1) {ПРЕДМЕТ-НАТУРФАКТ → ЧЕЛОВЕК}, в которой лексемами-мотиваторами выступают слова тематических групп «Объекты и явления земного мира» и «Растения и грибы».

2) {ПРЕДМЕТ-АРТЕФАКТ → ЧЕЛОВЕК}, в которой мотиваторы — номинации тематических групп «Предмет обихода или орудие труда», «Продукт питания или напиток», «Здание, сооружение», «Транспорт», «Одежда, обувь или украшение».

Модель {ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК}

Из 362 ЛСВ 136 (около 38 %) образованы от зоонимов, например:

— *пингвин* ‘1. Большая антарктическая морская птица с превратившимися в ласты короткими крыльями, служащими для передвижения в воде’ → ‘Сл1. Сотрудник дорожно-постовой службы’ / ‘*Тот, чья рабочая форма по цветам похожа на окрас большой антарктической птицы...*’;

— *хряк* ‘1. Самец свиньи’ → ‘Сл1. Богатый и непорядочный человек’ / ‘*Тот, кто ведет себя подобно самцу свиньи (может есть без остановки и лежать в грязи)*’;

Для образования сленгизмов по данной модели наиболее продуктивны лексемы четырех тематических групп: «Млекопитающее»,

«Птица», «Рыба» и «Насекомое», что, вероятно, обусловлено возможностью наблюдать за поведением и внешним видом этих животных и, соответственно, устанавливать сходство между ними и человеком.

Около трети (41 единица из 136) лексем-мотиваторов принадлежат тематической группе «Млекопитающее»; пять единиц в этой группе — номинации обезьян, то есть существ, более всего похожих на человека по поведению и интеллекту: *гibbon*, *бабуин*, *горилла*, *мартишка* и общая номинация *обезьяна*.

В процессе анализа сленгизмов, зафиксированных в СМС, отмечено, что многие зоонимы используются в армейском жаргоне для обозначения солдат срочной службы. Так, призывника в первое полугодие называют *бабуином*, *гусенком*, *обезьянкой*, *удавом*, *чижом*, *щеглом* и пр., а более опытного (с 6-го по 12-й месяц службы) — *карасем*, *моржом*, *скворцом*, *фазаном* и др. Следовательно, эти номинации лица — слабо мотивированные метафоры, так как признак сходства не очевиден.

Модель {ПРОЦЕСС / РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА → ЧЕЛОВЕК}

Восемь агентивов (2 % от 362) мотивированы абстрактными именами, обозначающими процесс или его результат, например:

— *глюк* ‘Сл5. Сбой в работе программы’ → ‘Сл6. Человек, не принимающий участия в ролевой игре; человек, находящийся вне игры’ / ‘*Тот, кто действует не по плану, ведет себя нестандартно, устраивает «сбой в работе программы»*’ (сходство свойства ‘нарушение в системе / в иерархии (игроков)’);

— *реприза* ‘1. Повторение какого-л. раздела музыкального произведения; нотный знак этого повторения’ → ‘Сл1. Вторая жена’. В процессе семантической деривации общими являются семы ‘повторяющийся’, ‘второй раз’.

Метафорические переносы этой модели являются самыми «нестандартными», трудно объясняемыми, чаще всего основываются на сходстве каких-либо свойств мотиватора и носителя номинации.

Таким образом, в рамках метафорической первичной персонализации выделены три модели.

1.2. Метонимическая первичная персонализация

Метонимизация — механизм семантической деривации для 170 сленгизмов (около 32 % от 532). На основе анализа материала было выделено 10 моделей, которые отражены в табл. 1 с примерами и количеством метонимических дериваторов, соответствующих моделям.

По проведенной классификации и количественным данным табл. 1 видно, что наиболее частотны метонимические переносы для образования номинаций профессий или рода деятельности человека: врачей (зуб ‘дантист’, вирус ‘врач’), учителей (глобус ‘учитель гео-

графии' мензурка 'учительница химии'), милиционера (*гудок, червонец*), шофера (*руль, кардан*), повара (*кастрюля*) и т. д., что естественно для социального дискурса, тяготеющего к специализации, к герметизации профессиональных сообществ.

Таблица 1

Метонимические модели, актуальные для образования номинаций лица в молодежном сленге в рамках первичной персонализации

№ мо- дели	Метонимическая модель	Примеры номинаций лица	Кол- во номи- наций
1	{ОБЪЕКТ → ЧЕЛОВЕК, РАБОТАЮЩИЙ С ОБЪЕКТОМ}	<i>мензурка</i> 'Сл2.Учительница химии' <i>кастрюля</i> 'Сл1.Женщина-повар...'	38
2	{ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ → ЧЕЛОВЕК, РАССКАЗЫВАЮЩИЙ ОБ ОБЪЕКТЕ / ИЗУЧАЮЩИЙ ОБЪЕКТ}	<i>сурепка</i> 'Сл1.Учительница биологии' <i>цоколь</i> 'Сл.1.Студент политехнического института'	35
3	{ЧАСТЬ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА / ЖИВОТНОГО → ЧЕЛОВЕК}	<i>морда</i> 'Сл1.Человек'	24
4	{ОДЕЖДА → ЧЕЛОВЕК В ОДЕЖДЕ}	<i>кешка</i> 'Сл.1Кавказец'	22
5	{ПРОДУКТ → ЧЕЛОВЕК, УПОТРЕБЛЯЮЩИЙ ПРОДУКТ}	<i>рис</i> 'Сл1.Азиат'	12
6	{ПРОЦЕСС → АГЕНТ ПРОЦЕССА}	<i>служба</i> 'Сл1.Солдат (рядовой)'	10
7	{МАРКЕР ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ЧЕМУ-Л. → ЧЕЛОВЕК, АССОЦИИРУЕМЫЙ С МАРКЕРОМ}	<i>нуль</i> 'Сл1.Студент-иностранец, начинающий изучать русский язык с нуля'	10
8	{СОСТОЯНИЕ → ЧЕЛОВЕК, ЖИТЕЛЬ / В ДАННОМ СОСТОЯНИИ}	<i>крах</i> 'Сл1.Опустившийся человек, пьяница'	9
9	{МЕСТО → ЧЕЛОВЕК, ЖИТЕЛЬ / РАБОТНИК ДАННОГО МЕСТА}	<i>дурка</i> 'Сл1.Психически больной человек'	7
10	{ПРОЦЕСС → ОБЪЕКТ ПРОЦЕССА}	<i>шлепок</i> 'Сл1.Курсант' (тот, кто получает шлепки)	3

II. Метафоризация и метонимизация номинаций лиц при вторичной персонализации

2.1. Метафорическая вторичная персонализация

Для молодежного сленга в рамках вторичной персонализации актуальна одна модель метафорического переноса — {ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК}, по которой образуются 359 личных существительных из 364. К исходной денотативной сфере ЧЕЛОВЕК в качестве мотиваторов были отнесены номинации мифологических существ, библейских и сказочных персонажей (15 единиц): *ангел, Бэтмен, зомби, оборотень, привидение, эльф* и др.

Из 359 номинаций с семантикой лица 178 (что составляет 50 %) образованы путем метафоризации по сходству каких-либо свойств

или признаков. Так, ЛСВ слова *сирота* ‘ребенок, подросток, лишившийся одного или обоих родителей’ мотивирует сленговую номинацию лица ‘рэкетир-одиночка’ (сходство количества, общая сема ‘один’).

Многие сленгизмы транслируют негативную коннотацию: *албакней_{сл1}* ‘глупый, несообразительный человек’, *демократ_{сл1}* ‘импотент’, *сварщик_{сл1}* ‘глупый, неразвитый человек’ и т. д.

Языковые метафоры могут иметь игровой эффект, если значение производного слова антонимично по смыслу мотивирующему: *снайпер* в сленге обозначает косоглазого человека (от мотиватора со значением ‘стрелок, владеющий искусством меткой стрельбы’). Подобные семантические отношения связывают ЛСВ слова *Геракл*: ‘сын Зевса..., наделенный необычайной физической силой’ → ‘Сл1. Физически слабый человек’. В этом случае словарная дефиниция противоположна дефиниции сленгизма: ‘*тот, кто внешне похож на Геракла — человека, наделенного необычайной физической силой*’.

Из 359 производных лексем 141 (что составляет 39 %) образована по сходству действий/деятельности, например:

– *балабол* ‘1. Излишне болтливый человек, не отвечающий за свои слова; болтун, пустослов’ → ‘Сл1. Футбольный комментатор’ / ‘*Тот, кто много болтает, иногда попусту*’;

По сходству внешнего вида образуются 40 сленговых номинаций лица из 359 (около 11 %), например:

– *лыжник* ‘1. Спортсмен, катающийся на лыжах’ → ‘Сл1. Молодой человек, одевающийся в спортивный костюм вместо повседневной или выходной одежды’ / ‘*Тот, кто выглядит как спортсмен, катающийся на лыжах*’.

Таким образом, в рамках метафорической вторичной персонализации для сленга актуальна одна модель метафорического перевода — {ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК}.

2.2. Метонимическая вторичная персонализация

Метонимизация для образования «вторичных» номинаций лица в сленге непродуктивна: было обнаружено всего пять производных (табл. 2), которые соответствуют четырем разным моделям.

Таким образом, в рамках вторичной персонализации выделено четыре метонимические модели, одна из которых реализуется дважды.

В табл. 3 представлены сводные данные по метафорическим и метонимическим моделям, актуальным для образования номинаций лица в молодежном сленге в рамках первичной и вторичной персонализаций.

Таблица 2

Метонимические модели, актуальные для образования номинаций лица в молодежном сленге в рамках вторичной персонализации

Номинация	Мотивирующее значение	Производное значение из словаря молодежного сленга	Метонимическая модель
<i>кадет</i>	Воспитанник закрытого среднего военно-учебного заведения	Сл1.Учитель кадетского класса — класса мужского воспитания	{УЧЕНИК ЗАВЕДЕНИЯ → УЧИТЕЛЬ ЗАВЕДЕНИЯ}
<i>оттижник</i>	1. Человек, который любит получать удовольствие, веселиться	Сл2.Человек или животное, доставляющее приятные эмоции кому-л., развлекающие кого-л. Сл3.Человек, который дает кому-л. деньги на выпивку, отдых и т.п.	{ЧЕЛОВЕК → ИСТОЧНИК ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА}
<i>псих</i>	Психически неуравновешенный или больной человек	Сл1.Психиатр; невропатолог	{ЧЕЛОВЕК С ОТКЛОНЕНИЕМ → ВРАЧ, ЛЕЧАЩИЙ ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА}
<i>турист</i>	Тот, кто занимается туризмом	Сл1.Студент отделения «Менеджмент в сфере туризма»	{ДЕЯТЕЛЬ В СФЕРЕ ЧЕГО-Л. → ЧЕЛОВЕК, ИЗУЧАЮЩИЙ ДАННУЮ СФЕРУ}

Таблица 3

Метафорические и метонимические модели, актуальные для образования номинаций лица в молодежном сленге в рамках первичной и вторичной персонализаций

Метафорические и метонимические модели			
Первичная персонализация		Вторичная персонализация	
Метафоризация	Метонимизация	Метафоризация	Метонимизация
1. {ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК} 1.1. {ПРЕДМЕТ-НАТУРФАКТ → ЧЕЛОВЕК} 1.2. {ПРЕДМЕТ-АРТЕФАКТ → ЧЕЛОВЕК} 2. {ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК} 3. {ПРОЦЕСС/РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА → ЧЕЛОВЕК}	1. {ОБЪЕКТ → ЧЕЛОВЕК, РАБОТАЮЩИЙ С ОБЪЕКТОМ} 2. {ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ → ЧЕЛОВЕК, РАССКАЗЫВАЮЩИЙ ОБ ОБЪЕКТЕ / ИЗУЧАЮЩИЙ ОБЪЕКТ} 3. {ЧАСТЬ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА / ЖИВОТНОГО → ЧЕЛОВЕК} 4. {ОДЕЖДА → ЧЕЛОВЕК В ОДЕЖДЕ} 5. {ПРОДУКТ → ЧЕЛОВЕК, УПОТРЕБЛЯЮЩИЙ ПРОДУКТ} 6. {ПРОЦЕСС → АГЕНТ ПРОЦЕССА} 7. {МАРКЕР ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ЧЕМУ-Л. → АГЕНТ, АССОЦИИРУЕМЫЙ С МАРКЕРОМ} 8. {СОСТОЯНИЕ → ЧЕЛОВЕК В ДАННОМ СОСТОЯНИИ} 9. {МЕСТО → ЧЕЛОВЕК, ЖИТЕЛЬ / РАБОТНИК ДАННОГО МЕСТА} 10. {ПРОЦЕСС → ОБЪЕКТ ПРОЦЕССА}	1. {ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК}	1. {УЧЕНИК ЗАВЕДЕНИЯ → УЧИТЕЛЬ ЗАВЕДЕНИЯ} 2. {ЧЕЛОВЕК → ИСТОЧНИК ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА} 3. {ЧЕЛОВЕК С ОТКЛОНЕНИЕМ → ВРАЧ, ЛЕЧАЩИЙ ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА} 4. {ДЕЯТЕЛЬ В СФЕРЕ ЧЕГО-Л. → ЧЕЛОВЕК, ИЗУЧАЮЩИЙ ДАННУЮ СФЕРУ}
362 номинации	170 номинаций	359 номинаций	5 номинаций

Выводы. Исследование показало, что метафоризация и метонимизация активно используются для пополнения словаря номинаций лиц в молодежном сленге. По завершении структурно-семантического анализа было выявлено, что 896 выписанных номинаций лица образованы по 4 метафорическим моделям и 14 метонимическим. Однако количество реализаций каждой из выделенных моделей показывает, что более продуктивна для образования сленговых личных существительных метафоризация: 721 номинация является результатом метафорического переноса, тогда как только 175 — результатом метонимического. Многочисленность моделей метонимического переноса в этом случае объясняется разнородностью лексикона сленгизмов, образованных этим способом.

Проведенный анализ лексических единиц показывает, что в рамках молодежного сленга именно языковая метафора позволяет говорящему реализовать не столько номинативную функцию слова, сколько экспрессивно-оценочную, особенно важную для неформальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байкова И.Б., Ковал'чук Н.К. Тенденции формирования молодежного сленга в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 191–199.
2. Воронкова А.А., Мальцева С.М., Ульянкина Е.М. Функциональные особенности молодежного сленга современных студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2 (31). С. 237–240.
3. Дерюгина Д.А., Илюхина Н.А. Возможности метонимии в обозначении лица в разговорной речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 1. С. 174–180.
4. Кузнецов В.Г. Когнитивные основания метафоризации и метонимизации гипонимов (на материале французского и английского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 13 (894). С. 61–67.
5. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М., 2009.
6. Плясунова С.Ф. Метонимия в деривационном аспекте // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 27–45.
7. Старыгина Г.М. Сленговые единицы современной интернет-коммуникации: словообразовательный аспект // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2023. № 102. С. 106–110.

REFERENCES

1. Bajkova I.B., Koval'chuk N.K. Tendencii formirovaniya molodjozhnogo slenga v sovremennom nemeckom jazyke [Tendencies in Youth Slang Formation in the Modern German Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2020, no. 9, pp. 191–199. (In Russ.)
2. Voronkova A.A., Mal'ceva S.M., Ul'jankina E.M. Funkcional'nye osobennosti molodjozhnogo slenga sovremennyh studentov [Functional Features of Youth Slang

- of Modern Students]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2020, no. 2 (31), pp. 237–240. (In Russ.)
3. Derjugina D.A., Iljuhina N.A. Vozmozhnosti metonimii v oboznachenii lica v razgovornoj rechi [Possibilities of Metonymy in the Designation of a Person in Colloquial Speech]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2023, no. 1, pp. 174–180. (In Russ.)
 4. Kuznecov V.G. Kognitivnye osnovaniya metaforizacii i metonimizacii giponimov (na materiale francuzskogo i anglijskogo jazykov) [Cognitive Foundations of Metaphorization and Metonymyzation of Hyponyms (based on English and French)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of MSLU. Humanities], 2024, no. 13 (894), pp. 61–67. (In Russ.)
 5. Nikitina T.G. *Molodjoznyj sleng: tolkovyj slovar'* [Youth Slang: Dictionary]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2009. 1102 p.
 6. Pljasunova S.F. Metonimija v derivacionnom aspekte [Metonymy in Derivational Aspect]. *Evrazijskij gu-manitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2019, no. 3, pp. 27–45. (In Russ.)
 7. Starygina G.M. Slengovye edinicy sovremennoj internet-kommunikacii: slovoobrazovatel'nyj aspekt [Slang Units of Modern Internet Communication: Word-Formation Aspect]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Amur State University. Humanities Series], 2023, no. 102, pp. 106–110. (In Russ.).

Поступила в редакцию 15.03.2025
Принята к публикации 21.10.2025
Отредактирована 21.11.2025

Received 15.03.2025
Accepted 21.10.2025
Revised 21.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Анна Аркадьевна Жираковская — соискатель на получение ученой степени кандидата филологических наук в Новосибирском государственном университете; a.zhirakovskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Zhirakovskaya — PhD Student at Novosibirsk State University;
a.zhirakovskaya@mail.ru

КУМЫКСКО-РУССКАЯ РАДУГА: ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РЕЧИ КУМЫКСКО-РУССКИХ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

А.А. Заруднева, М.Б. Панич, Ф.А. Садковский,
М.Н. Архипова, О.В. Федорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкоznания Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: В статье представлено экспериментальное исследование употребления цветообозначений в речи кумыкско-русских детей-билингвов 10–14 лет, проживающих на территории Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания; данные были собраны в ходе полевого исследования, проводившегося в июле 2024 года в с. Предгорное. Результаты проведенного исследования показали, что чем менее базовым является цветообозначение, тем реже дети называют его на кумыкском языке, предпочитая русский эквивалент, причем иерархия «базовости» кумыкских цветообозначений статистически значимо коррелирует с последовательностью использования базовых цветообозначений из классической работы [Berlin, Kay 1969].

Ключевые слова: цветообозначение; билингвизм; усвоение языка билингвами; кумыкский язык; эксперимент

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-4

Для цитирования: Заруднева А.А., Панич М.Б., Садковский Ф.А., Архипова М.Н., Федорова О.В. Кумыкско-русская радуга: цветообозначения в речи кумыкско-русских детей-билингвов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 46–60.

KUMYK-RUSSIAN RAINBOW: COLOR TERMS IN KUMYK-RUSSIAN BILINGUAL CHILDREN

Alena A. Zarudneva, Maria B. Panich, Feodor A. Sadkovsky,
Mariana N. Arkhipova, Olga V. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article describes an experimental study of the use of color terms in Kumyk-Russian bilingual children aged 10–14 years. The data for the study have

been collected in the field trip in July 2024 in the village of Predgornoye (Mozdok district, North Ossetia — Alania). The results of the study demonstrated that the less basic the color term is, the less often children name it in the Kumyk, preferring the Russian equivalent. The hierarchy of the “baseness” of the Kumyk color terms shows a statistically significant correlation with the order of basic color terms usage from the classical work [Berlin, Kay 1969].

Keywords: color term; bilingualism; bilingual language acquisition; Kumyk; experiment

Funding: The study was supported by Lomonosov Moscow State University Development Program, project No. 23-III02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Centre and South of Russia”.

For citation: Zarudneva A.A., Panich M.B., Sadkovsky F.A., Arkhipova M.N., Fedorova O.V. (2025) Kumyk-Russian Rainbow: Color Terms in Kumyk-Russian Bilingual Children. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 46–60.

1. Введение

Как известно, большая часть населения Земли говорит на более чем одном языке, то есть является билингвами или даже трилингвами. При оценке языковых навыков билинга традиционно учитываются два фактора, один абсолютный и один относительный: знание каждого языка по отдельности (уровень владения, proficiency), с одной стороны, и языковая доминантность, то есть относительная сила знания двух языков (dominance), с другой. Наиболее известная психолингвистическая теория гласит, что чем раньше в детстве человек освоил некоторый язык и чем этот язык у него более доминантен, тем быстрее он вспоминает слова на этом языке, то есть осуществляет лексический доступ к слову [Kroll, Gollan 2014]. Однако интуитивно очевидно, что бывают ситуации, когда людям-билингвам легче вспоминать слова из своего субдоминантного языка. Например, если научный работник часто общается с коллегами из разных стран на английском языке и читает англоязычные научные тексты, многие термины он будет быстрее вспоминать именно на английском, независимо от доминантности другого языка в его повседневном общении.

В недавней статье в журнале *Science* психолингвисты из Массачусетского технологического института описали эксперимент, направленный на более строгое доказательство этой идеи [Malik-Moraleda et al. 2022]. В этом эксперименте приняли участие 22 взрослых мосете¹-испанских билингва, которые получили задание как можно быстрее называть цветообозначения то на одном языке, то на другом. Несмотря на то, что доминантным языком испытуемых

¹ Язык мосете (Tsimane') — вымирающий изолированный язык, на котором говорят на западе Боливии.

был москитен, в целом они быстрее справлялись с заданием на испанском языке, и только для трех самых частотных цветообозначений языка москитен — *jaibes* ‘белый’, *tsincus* ‘черный’, *jaines* ‘красный’ — результаты по скорости реакции получились сопоставимыми.

Развивая идеи американских коллег, мы провели похожий эксперимент с 19 кумыкско-русскими детьми 10–14 лет. Оказалось, что, будучи кумыкско-русскими билингвами с доминантным кумыкским языком, они часто не могут вспомнить или совсем не знают на родном языке многие цветообозначения, хотя русские эквиваленты им в основном известны. Для того чтобы иметь возможность исследовать этот вопрос более систематически, мы разрешили детям в таких случаях заменять кумыкские слова на русские. В целом они воспользовались такой возможностью в 625 из 1368 случаев, то есть почти в половине всех проб. Данная статья будет посвящена анализу подобных случаев.

Дальнейшее изложение будет организовано следующим образом. В разделе 2 «Цветообозначения» мы кратко опишем историю исследования цветообозначений в лингвистике, раздел 3 «Кумыкско-русский билингвизм» будет посвящен вопросу билингвизма кумыкско-русских жителей села Предгорное Моздокского района РСО-Алания, а в разделе 4 «Эксперимент» мы остановимся на описании проведенного экспериментального исследования. Наконец, в разделе 5 «Заключение» будут подведены итоги.

2. Цветообозначения

Цветообозначения изучались и продолжают изучаться в рамках самых разных лингвистических и психолингвистических традиций, см., например, историю исследований в области так называемой лингвистической цветологии [Кульпина 2019]. Современная история экспериментального изучения цветообозначений в лингвистике началась в 1969 году, когда два американских исследователя — антрополог Брент Берлин и лингвист Пол Кей — опубликовали книгу под названием *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution* [Berlin, Kay 1969]. В этой работе они предположили, что названия базовых цветов² в каждом языке подчиняются общим законам,

² Базовыми (англ. *basic* иногда переводят на русский язык как *основной* (см., например, работы [Фрумкина 1984, 2001]), однако чаще оставляют калькированный вариант перевода), согласно Б. Берлину и П. Кею, считались такие цветообозначения, которые удовлетворяют определенным критериям, в том числе: (1) они не должны быть образованы от какого-либо объекта соответствующего цвета или по крайней мере должны уже укорениться в языке (русское *лимонный* не является базовым); (2) они не должны состоять из двух слов (русское *темносиний* не является базовым); (3) они должны иметь широкую сочетаемость (русское *русый* не является базовым).

которые определяются физиологическими особенностями восприятия цвета человеческим глазом. Проанализировав данные 100 языков и проведя экспериментальные исследования с 20 из них, Б. Берлин и П. Кей выделили 11 базовых цветов и предложили их иерархию, см. схему (1). Эта схема означает, что название базового цвета в некоторой позиции в иерархии встречается в языке X только в том случае, если в X существуют базовые названия всех цветов, занимающих более левые позиции; в частности, если в языке есть базовые цветообозначения, обозначающие зеленый или желтый цвета, в них обязательно будут базовые наименования для красного, черного и белого цветов.

(1) Иерархия базовых цветообозначений

{‘black’, ‘white’} → {‘red’} → {‘green’, ‘yellow’} → {‘blue’} → {‘brown’} → {‘grey’, ‘orange’, ‘pink’, ‘purple’}

Несмотря на большую популярность теории Б. Берлина и П. Кея, у нее было и много критиков. Одним из самых известных критиков оказалась Анна Вежбицка, которая предложила объяснить встречаемость названий цветов не через «базовость» цвета, а через прототипические объекты, с которыми носители языка их ассоциируют, например, небо для *синего* и *голубого* цветов, трава для *зеленого*, огонь для *красного* [Вежбицка 1996]. Тем не менее, теория Б. Берлина и П. Кея до сих пор остается жизнеспособной и продолжает расширяться и совершенствоваться. Опишем кратко несколько исследований, важных для нашего последующего изложения.

Одним из известных типологических проектов стал проект, осуществлявшийся в университете Суррея в Великобритании под руководством Яна Дэвиса [Davies, Corbett 1995]. Несколько модифицировав исходную методику Б. Берлина и П. Кея (в частности, сократив количество «тестовых» цветовых оттенков с 330 до 65), Я. Дэвис и его коллеги описали систему цветообозначений в нескольких разноструктурных языках, в том числе в сетсвана (один из языков банту), в цахурском (один из дагестанских языков) и в русском. Проводимый ими эксперимент состоял из двух частей. Сначала испытуемые называли все цветообозначения, которые могли вспомнить, а затем последовательно называли цвета, изображенные на 65 карточках. В частности, они подтвердили данные Б. Берлина и П. Кея относительно русского языка, показав, что в нем кроме 11 базовых цветов используется и двенадцатый базовый голубой [Davies, Corbett 1994].

Описывая данные цахурского языка [Davies et al. 1999], Я. Дэвис с коллегами обнаружили, что, в отличие от русскоязычных и англоязычных детей 10–15 лет, цахурские дети данного возраста еще не

полностью освоили систему цветообозначений родного языка и могли называть только 8 из 12 базовых цахурских цветообозначений (отметим, что система базовых цахурских цветообозначений, как и русская, состоит из 12 цветов, но вместо ‘голубого’ включает ‘бирюзовый’).

Другой типологический проект, связанный с исследованием цветообозначений, развивался в Институте психолингвистики общества Макса Планка в Неймегене (Нидерланды) под руководством Майкла Данна [Majid et al. 2011]. Используя 84 цветные карточки, исследователи давали испытуемым два задания: сначала назвать цвет каждой карточки, а затем выбрать наиболее прототипический представитель каждого цветообозначения. По такой методике был, в частности, описан осетинский язык, близкий к кумыкскому по географическому расположению и имеющий 8 базовых цветообозначений (‘черный’, ‘белый’, ‘красный’, ‘желтый’, ‘зеленый’, ‘синий’, ‘серый’ и ‘коричневый’) [Vydrin 2019].

Наконец, опишем исследования, проведенные на материале русского языка. Кроме уже упомянутого проекта Я. Дэвиса с коллегами, русские цветообозначения в течение многих лет изучали отечественные психолингвисты Р.М. Фрумкина [Фрумкина 1984] и А.П. Василевич [Василевич и др. 2011]. Их основным экспериментальным методом был метод свободной классификации, а основное отличие от предшественников состояло в том, что на карточках были изображены не цвета, а сами слова-цветообозначения. Результаты, однако, оказались аналогичными: «в русском языке “наивная картина мира” включает “семь цветов радуги”, а также розовый, коричневый и ахроматические цвета — черный, белый, серый. Эти цвета носители русского языка считают “основными”» [Фрумкина 2001: 64].

Среди отечественных этнологов эта тема также нашла живой отклик. Так, в последние несколько лет заметно увеличилось количество публикаций, посвященных восприятию цветов среди коренных народов России (в частности, см. работы о коми [Истомин и др. 2016], хантах [Худобина и др. 2019], манси [Андреева и др. 2020] и др.). Однако чаще всего в этих работах затрагиваются традиционный фольклор, семантика цвета в культуре коренных народов в целом, а не повседневное использование цветообозначений жителями регионов, особенно в билингвальной среде.

3. Кумыкско-русский билингвизм

Как уже было упомянуто выше, одним из важнейших понятий теории билингвизма является понятие **языковой доминантности**, то есть относительной силы знания двух языков билингва. Доми-

нантность часто включает отдельный компонент **использования языка** (language use) в разных сферах повседневной жизни: на работе, в школе, в быту [Treffers-Daller 2019: 378].

Самым распространенным способом определения доминантного языка носителя-билингва считаются **билингвальные опросники**. В основу настоящего исследования был положен опросник Bilingual Language Profile (BLP, [Gertken et al. 2014]), разрабатываемый в Техасском университете в Остине (<https://sites.la.utexas.edu/bilingual/>). BLP содержит 19 вопросов для каждого из двух языков, которые образуют четыре раздела; каждый раздел «отвечает» за свой аспект доминантности языка: языковую историю, использование языков, уровень владения языками и отношение к языкам, подробнее см. [Российкин и др. 2024]. Важным преимуществом опросника BLP является возможность количественной оценки посредством вычисления интегрального языкового индекса, а также индекса доминантности языка. Интегральный языковой индекс рассчитывается путем сложения взвешенных оценок по каждому из разделов, в результате чего мы получаем диапазон от 0 до 218 баллов. Индекс доминантности языка определяется путем вычитания индекса по одному языку из индекса по второму языку, в результате чего получается шкала доминантности в диапазоне от -218 до 218; индекс, близкий к нулевой отметке, отражает **сбалансированный билингвизм**, то есть высокое владение обоими языками билингва и равную степень их использования.

В августе 2023 года было проведено первое анкетирование кумыкско-русских билингвов по описанному выше опроснику в с. Предгорное Моздокского района РСО—Алания³. Были получены данные 108 человек, в том числе 62 взрослых и 46 детей⁴ (дет-

³ Кумыкский язык относится к западной подгруппе кыпчакской группы тюркских языков и включает, согласно традиционной классификации (см., например, [Гаджиахмедов (ред.) 2014]), пять диалектов: хасавюртовский, кайтакский, буйнакский, подгорный и терский. Первые четыре распространены преимущественно на территории Дагестана, а терский диалект, с носителями которого было проведено данное исследование, — на территории Республики Северная Осетия — Алания.

⁴ Детский опросник был разработан авторами настоящей статьи на основе взрослого опросника BLP [Gertken et al. 2014]; он также содержал 19 вопросов, ответы на которые давались для каждого из двух языков, однако раздел «отношение к языкам» был заменен на раздел «особые случаи» и включал вопросы, оценивающие, на каком языке ребенок скорее сможет поддержать разговор с незнакомым человеком на улице или по телефону, на каком языке он предпочитает говорить, когда очень устал, очень доволен или очень недоволен. В целом взрослый и детский варианты опросников были однотипны по структуре и совпадали по системе количественной оценки, что позволило осуществлять их непосредственное сравнение.

ские анкеты заполняли родители ребенка), среди взрослых были выделены четыре возрастные группы: 16–30 лет, 31–40 лет, 41–55 лет и 55+ лет, среди детей — три группы: 2–7 лет, 8–12 лет и 13–15 лет. Результаты показали, что, во-первых, представители всех возрастных групп являются сбалансированными кумыкско-русскими билингвами; во-вторых, дети от 2 до 12 лет продемонстрировали максимально сбалансированный билингвизм, взрослые от 16 лет — некоторую доминантность кумыкского языка, а подростки 13–15 лет — переходный случай [Россиякин и др. 2024].

Второе анкетирование было проведено в феврале 2024 года. На этот раз в тестировании участвовали только дети, которые сами заполняли адаптированную анкету с теми же вопросами. Всего было опрошено 75 детей в возрасте от 8 до 15 лет⁵. В отличие от первого анкетирования, вопросы из раздела «языковая история» использовались только для классификации испытуемых и не учитывались при подсчете индекса языковой доминантности. Для возрастной группы 13–15 лет результаты первого и второго анкетирования оказались максимально похожими, то есть ответы родителей и самих детей в среднем совпали. В случае возрастной группы 8–12 лет различия оказались более существенными. В наибольшей степени они были обусловлены разными ответами на вопросы из разделов «Использование языков» и «Владение языками». При втором анкетировании в разделе «Использование языков» обнаружилось более значительное смещение в сторону кумыкского языка, а результаты по разделу «Владение языками» получились более сбалансированными. В целом, таким образом, сами дети выше оценили свой уровень владения кумыкским языком и степень его использования, чем это сделали их родители [Устьянцев и др. 2025].

4. Эксперимент

Насколько нам известно, кумыкский язык пока не входил ни в одну типологическую выборку языков, сформированную для исследования цветообозначений, поэтому при подготовке эксперимента мы использовали информацию из грамматик и словарей кумыкского языка (в частности, работу [Гаджиахмедов и др. (ред.) 2014]), а также кандидатской диссертации С.З. Садыковой «Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в кумыкском языке». Согласно этим данным, «в кумыкском языке культурологически значимыми являются основные ароматические цвета

⁵ Почти все дети, принявшие участие во втором анкетировании, были задействованы и в первом анкетировании.

къара черный и *акъ* белый; самые распространенные в данном языковом ареале цветонаименования *къызыл* красный, *гёк* синий, *яшил* зеленый, *сари* желтый» [Садыкова 2012]. Таким образом, мы можем выдвинуть первую гипотезу, что в кумыкском языке используется шесть базовых цветообозначений, см. (2).

(2) Иерархия базовых цветообозначений кумыкского языка

{*къара*, *акъ*} → {*къызыл*} → {*яшил*, *сари*} → {*гёк*}

Мы можем также выдвинуть вторую гипотезу, предположив, что кумыcko-русским испытуемым, в том числе и детям, аналогично москетен-испанским билингвам, описанным в работе [Malik-Moraleda et al. 2022], будет в целом легче использовать систему русских цветообозначений, особенно при назывании тех шести цветов, которые не являются базовыми для кумыкского языка, см. (3).

(3) Предпочтительное использование русских цветообозначений
{коричневый} → {серый, голубой, оранжевый, розовый, фиолетовый}

4.1. Испытуемые

В эксперименте приняли участие 19 детей возраста 10–14 лет, из них 58 % детей 10–12 лет и 42 % подростков 13–14 лет; 15 девочек, 4 мальчика. Все дети были кумыкско-русскими школьниками, обучающимися в местной школе, постоянно проживающими в с. Предгорное. Перед экспериментом каждый ребенок заполнил опросник, аналогичный описанному в разделе 3.

4.2. Стимульный материал

Стимульный материал эксперимента включал 12 картинок объектов, взятых из классической работы [Cusowicz et al. 1997], а именно: топор, миска, забор, бутылка, стул, расческа, барабан, вилка, лестница, кувшин, ложка, подкова. Каждая картинка была представлена в 12 вариантах по количеству базовых цветов для русского языка. Информация о кумыкских цветообозначениях была почерпнута нами из словарей (<https://til.im/ru/slovar>), а также из статьи [Садыкова 2012], а затем проверена с носителем языка⁶. Экспериментальный список включал 150 проб⁷: первые 6 проб были тренировочные, затем следовало 144 пробы (12 цветов × 12 объектов).

⁶ Единственное затруднение, возникшее на этапе подготовки стимульного материала, состояло в том, что кумыкская лексема *гёк* переводилась в словарях не только как ‘синий/голубой’, но и как ‘зеленый’. В ходе проведения эксперимента значение ‘зеленый’ обнаружено не было.

⁷ В данной статье мы используем термин «проба» как русский эквивалент английского термина “trial”. Существуют и другие традиции перевода этого термина, в том числе «попытка», «испытание».

4.3. Процедура

Эксперимент был запрограммирован в среде PsychoPy.Builder (версия 2024.1.4). Испытуемый видел на экране компьютера картинку с изображением одного из 12 объектов, окрашенного в определенный цвет. Мы просили испытуемого как можно быстрее назвать цвет изображенного объекта, если на экране в углу была нарисована цветная радуга, и называть сам объект, если эта радуга была черно-белая. В каждой из трех кумыкских сессий ребенок выполнял задание на кумыкском языке, в каждой из трех русских сессий — на русском, сессии чередовались. Предъявление стимулов было сбалансировано таким образом, что каждый цвет в эксперименте на каждом языке повторялся по 6 раз.

Основному блоку эксперимента предшествовало обучение и тренировочный блок. На этапе обучения мы последовательно показывали детям каждый объект и просили его назвать на каждом из двух языков, затем последовательно показывали и просили назвать все цветообозначения. Если ребенок знал только русские названия объекта или цвета, мы разрешали ему в основном блоке эксперимента использовать соответствующие русские слова⁸. Экспериментальный список был разбит на 6 сессий по 50 стимулов, по 150 проб для каждого из двух языков билингва, перерыв между сессиями составлял 2–5 минут. Прохождение эксперимента занимало у детей в среднем 25–30 минут.

4.4. Результаты и обсуждение

Ниже в этом разделе будет представлено распределение детских ответов в тех случаях, когда они заменяли кумыкские цветообозначения на русские, см. таблицу. Всего из 1368 проб на кумыкском языке дети перешли на русский язык в 625 случаях, то есть в 46 % случаев.

В таблице в первом столбце перечислены пары ($x - y$), где y является кумыкским аналогом русского цветообозначения x , во втором столбце — количество случаев, в которых дети использовали русское слово вместо кумыкского, когда в задании требовалось говорить на кумыкском.

⁸ Как и при исследовании цахурско-русского билингвизма (см. работу [Davies et al. 1999]), оказалось, что кумыкско-русские дети-билингвы в 10–14 лет знают еще не все цветообозначения кумыкского языка, хотя подавляющее большинство из них в процессе онтогенеза последовательно усваивают сначала кумыкский язык, а только потом русский (обычно в возрасте после трех лет); обратная ситуация, когда ребенок знал только кумыкские цветообозначения, а русские не знал, в эксперименте не встретилась.

Таблица 1

Использование русских цветообозначений вместо кумыкских

Русский вместо кумыкского	Кол-во замен	Русский вместо кумыкского	Кол-во замен
красный — къызыл	3	коричневый — боямуш	61
белый — акъ	7	голубой — ачыкъ гёк	73
черный — къара	9	оранжевый — наринжи	91
синий — гёк	16	серый — кюлтюс	106
зеленый — яшыл	18	фиолетовый — мелевше тюс	108
желтый — сари	22	розовый — гюл тюс	111

Проведя статистический анализ, мы получили коэффициент конкордации Кендалла $t=0.767$, $pvalue=0.0017$ (то есть это значение неслучайно), с таким ранжированием по [Berlin, Kay 1969]: ‘белый’, ‘черный’ (1), ‘красный’ (2), ‘желтый’, ‘зеленый’ (3), ‘синий’ (4), ‘коричневый’ (5) и (6) все остальное, но без ‘голубого’. Если учесть ‘голубой’⁹ и дать ему самый большой ранг (7), корреляция будет составлять 0.679 ($pvalue=0.003$).

Результаты проведенного исследования показали, что чем менее базовым является цветообозначение, тем реже дети называют его на кумыкском языке, предпочитая русский аналог, причем иерархия «базовости» кумыкских цветообозначений неслучайным образом коррелирует с последовательностью использования базовых цветообозначений из работы [Berlin, Kay 1969]. Таким образом, наши данные подтверждают вторую гипотезу эксперимента о более легком лексическом доступе к русским цветообозначениям, в первую очередь тем, которые не являются базовыми в кумыкском языке.

Что касается первой гипотезы, то ее подтверждение, как нам представляется, можно увидеть в таблице 1 в большом разрыве между первой и второй половинами списка, то есть между ‘желтым’ и ‘коричневым’ цветообозначениями. Именно в этом месте проходит

⁹ Важно отметить, что в русском и кумыкском языках ‘голубой’ занимает разное положение: в русском языке это одно из базовых цветообозначений, в то время как его кумыкский аналог *ачыкъ гёк* буквально означает ‘светло-синий’ и почти не используется носителями, предпочитающими слово *гёк* и для ‘синего’, и для ‘голубого’. Однако большинство наших испытуемых-билингвов (14 из 19) продемонстрировали русскую стратегию (то есть различение ‘синего’ и ‘голубого’) вне зависимости от языка экспериментального блока и собственного доминантного языка. Три ребенка с преобладанием по опроснику кумыкского языка показали кумыкскую стратегию, называя только ‘синий’ цвет в обоих языках, а один ребенок с максимальным коэффициентом билингвизма показал переключение кодов, используя на русском языке два слова-цветообозначения, а на кумыкском одно. Наконец, один из 19 испытуемых запутался в сине-голубом континууме и не показал какой-то одной определенной стратегии.

граница между базовыми и небазовыми цветообозначениями кумыкского языка: в первых шести случаях дети переходили на русский язык всего в 75 из 625 случаев (12 %), а во вторых шести — в 550 случаях (88 %).

5. Заключение

Авторы статьи [Malik-Moraleda et al. 2022], посвященной описанию использования цветообозначений москитен-испанскими билингвами, впервые строго показали, что доминантный язык билингва не всегда доминирует: легкость лексического доступа к одному или второму языку билингва связана в первую очередь не с доминантностью языка в целом, а с конкретным типом лексики и частотностью ее использования в каждом из языков.

Используя эту идею для разработки эксперимента с носителями кумыкского языка, мы обнаружили, что кумыкско-русские дети-билингвы 10–14 лет с доминантным кумыкским языком успешнее справляются с задачей называния слов-цветообозначений на субдоминантном русском языке. Более того, оказалось, что многие цветообозначения на кумыкском языке нашим испытуемым еще не знакомы. Модифицировав эксперимент и разрешив детям заменять кумыкские слова на русские, мы получили возможность статистически оценить предпочтения детей в использовании кумыкских и русских цветообозначений.

Оказалось, что, как мы и предположили, кумыкские цветообозначения из иерархии (2) значимо реже подвергались замене на русские по сравнению с цветообозначениями из иерархии (3). Таким образом, кумыкско-русские дети-билингвы 10–14 лет усваивают систему цветообозначений в соответствии с иерархией Б. Берлина и П. Кая [Berlin, Kay 1969], а в случае необходимости обозначить небазовый кумыкский цвет успешно используют русские цветообозначения.

Благодарности

Авторы выражают благодарность нашим испытуемым — учащимся средней общеобразовательной школы имени военного летчика капитана Р.А. Хордаева, а также директору этой школы С.А. Яхъяевой, оказавшей большую помощь в организации экспериментального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Л.А., Худобина О.Ф., Молданова Т.А. Семантика цветообозначений в хантыйском, мансийском и русском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 248–253.

2. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2011.
3. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.
4. Гаджиахмедов Н.Э. и др. (ред.). Современный кумыкский язык. Махачкала, 2014.
5. Истомин К.В., Ильина И.В., Уляшев О.И. Восприятие цвета у русско- и комиязычного населения Республики Коми: еще раз к вопросу о связи языка и мышления. Антропологический форум. 2016, 29, pp. 9–37.
6. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М., 2019.
7. Российkin П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Татевосов С.Г., Устяницев Г.Ю., Федорова О.В. Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 37–53.
8. Садыкова С.З. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в кумыкском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012.
9. Устяницев Г.Ю., Архипова М.Н., Груздева А.И., Насырова Р.Р., Российкин П.О., Федорова О.В. Детский кумыкско-русский билингвизм глазами школьников и их родителей. Лингвистический и этносоциальный аспекты // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. № 2.
10. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
11. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
12. Худобина О.Ф., Андреева Л.А., Молданова Т.А., Мирюгина Н.А. Цветообозначения в хантыйском фольклоре // Мир науки, культуры и образования. 2019. № 4 (77). С. 464–467.
13. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles, 1969.
14. Cycowicz, Y.M., Friedman D., Rothstein M., Snodgrass J.G. Picture naming by young children: norms for name agreement, familiarity, and visual complexity // J. Exp Child Psychol. 1997; № 65 (2). P. 171–237.
15. Davies I.R., Corbett G.G. The basic color terms of Russian // Linguistics. 1994. № 32 (1), P. 65–90.
16. Davies I.R., Corbett G.G. A practical field method for identifying probable basic colour terms // Languages of the World. 1995. № 9 (1). P. 25–36.
17. Davies I.R., Sosenkaja T., Corbett G.G. Colours in Tsakhur: First account of the basic colour terms of a Nakh-Daghestanian language // Linguistic Typology. 1999. № 3 (2). P. 179–208.
18. Gertken L.M., Amengual M., Birdsong D. Assessing language dominance with the bilingual language profile // Measuring L2 proficiency: Perspectives from SLA / P. Leclercq, A. Edmonds, H. Hilton (eds.). 2014. P. 208–225.
19. Kroll J.F., Gollan T.H. Speech planning in two languages: What bilinguals tell us about language production // The Oxford Handbook of Language Production / M. Goldrick et al. (eds.). 2014. P. 165–181.
20. Majid A., Jordan F., Dunn M. Evolution of Semantic Systems Procedures Manual. Nijmegen, 2011.
21. Malik-Moraleda S., Roca M., Gibson E. Color naming in Tsimane'–Spanish bilinguals indicates that differential experience with content domains affects lexical access // Scientific Reports 12(1). 2022. № 17479.

22. Treffers-Daller J. What defines language dominance in bilinguals? // Annual Review of Linguistics. 2019. № 5. P. 375–393.
23. Vydrin A. Ossetic color terms system Lexicalization patterns in color naming: A cross-linguistic perspective // Lexicalization patterns in color naming: A cross-linguistic perspective / I. Raffaelli, D. Katunar, B. Kerovec (eds.). 2019. P. 401–426.

REFERENCES

1. Andreeva L.A., Hudobina O.F., Moldanova T.A. Semantika cvetooboznachenij v hantyjskom, mansijskom i russkom fol'klore [Semantics of color terms in Khanty, Mansi and Russian folklore]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2020, 6, pp. 248–253. (In Russ.)
2. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969.
3. Cycowicz, Y.M., Friedman D., Rothstein M., Snodgrass J.G. Picture naming by young children: norms for name agreement, familiarity, and visual complexity. *J. Exp Child Psychol.*, 1997, 65(2), pp. 171–237.
4. Davies I.R., Corbett G.G. The basic color terms of Russian. *Linguistics*, 1994, 32(1), pp. 65–90.
5. Davies I.R., Corbett G.G. A practical field method for identifying probable basic colour terms. *Languages of the World*, 1995, 9 (1), pp. 25–36.
6. Davies I.R., Sosenkaja T., Corbett G.G. Colours in Tsakhur: First account of the basic colour terms of a Nakh-Daghestanian language. *Linguistic Typology*, 1999, 3 (2), pp. 179–208.
7. Frumkina R.M. *Psikholingvistika*. [Psycholinguistics]. Moscow, Academija [Academy], 2001. (In Russ.)
8. Frumkina R.M. *Tsvet, smysl, skhodstvo: aspekty psikholingvisticheskogo analiza*. [Color, meaning, similarity: aspects of psycholinguistic analysis]. Moscow, Nauka [Science], 1984. (In Russ.)
9. Hudobina O.F., Andreeva L.A., Moldanova T.A., Miryugina N.A. Cvetoobozncheniya v hantyjskom fol'klore [Color terms in Khanty folklore]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [The world of science, culture and education]. 2019, 4 (77), pp. 464–467. (In Russ.)
10. Istomin K.V., Il'ina I.V., Ulyashev O.I. Vospriyatiye cveta u russko- i komiwaychyno- go naseleniya Respubliki komi: eshche raz k voprosu o svyazi yazyka i myshleniya. *Antropologicheskij forum*, 2016, 29, pp. 9–37. (In Russ.)
11. Kulpina V.G. *Lingvisticheskaya cvetologiya: ot istorii k sovremennosti cvetovyh konceptosfer* [Linguistic Colorology: From the History to the Contemporaneity of Color Conceptospheres]. M., 2019. (In Russ.)
12. Gadzhiakhmedov N.E. et al. *Sovremennyi kumykskii yazyk* [Modern Contemporary Kumyk]. Makhachkala, Dagestan Federal Research Center, RAS, 2014. 557 p. (In Russ.)
13. Gertken L.M., Amengual M., Birdsong D. Assessing language dominance with the bilingual language profile. *Measuring L2 proficiency: Perspectives from SLA* ed. by P. Leclercq, A. Edmonds, H. Hilton, 2014, pp. 208–225.
14. Kroll J.F., Gollan T.H. Speech planning in two languages: What bilinguals tell us about language production. *The Oxford Handbook of Language Production* ed. by M. Goldrick et al., 2014, pp. 165–181.
15. Majid A., Jordan F., Dunn M. *Evolution of Semantic Systems Procedures Manual*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2011.

16. Malik-Moraleda S., Roca M., Gibson E. Color naming in Tsimane'-Spanish bilinguals indicates that differential experience with content domains affects lexical access. *Scientific Reports*, 2022, 12 (1), 17479.
17. Rossaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu.R., Nasyrova R.R., Tatevosov S.G., Ustyantsev G.Yu., Fedorova O.V. Vozrastnaya dinamika bilingvizma tertsikh kumykov kak indikator vital'nosti yazyka: yazykovoy i sociokul'turnyj aspekty [Age dynamics in Kumyk-Russian bilingualism and its implications for language vitality: linguistic and sociocultural dimensions. Part 1]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. S. 9: Filologiya*. 2024. № 1. P. 37–53. (In Russ.)
18. Sadykova S.Z. *Frazeologicheskie edinitsy s komponentom tsvetooboznacheniya v kumykskom yazyke* [Phraseological units with a color designation component in Kumyk]. Diss. ... kand. filol. nauk. Makhachkala, 2012. (In Russ.)
19. Treffers-Daller J. What defines language dominance in bilinguals? *Annual Review of Linguistics*, 2019, 5, pp. 375–393.
20. Ust'yantsev G.Yu., Arkhipova M.N., Gruzdeva A.I., Nasyrova R.R., Rossaykin P.O., Fedorova O.V. Detskii kumyksko-russkii bilingvism glazami shkol'nikov i ikh roditeli. Lingvisticheskii i etnosotsial'nyi aspekty [Children's Kumyk-Russian bilingualism through the eyes of schoolchildren and their parents. Linguistic and ethnosocial aspects]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2025, 2. (In Russ.)
21. Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke*. [Color and color names in Russian]. Moscow, URSS, 2011. 216 p. (In Russ.)
22. Vydrin A. Ossetic color terms system. *Lexicalization patterns in color naming: A cross-linguistic perspective* ed. by I. Raffaelli, D. Katunar, B. Kerovec, 2019, pp. 401–426. (In Russ.)
23. Wierzbicka A. Oboznamenie tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya. [The designation of color and the universals of visual perception]. Moscow. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. [Language. Culture. Cognition.], 1996, pp. 231–291. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.05.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 21.11.2025

Received 03.05.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 21.11.2025

ОБ АВТОРАХ

Алена Андреевна Заруднева — студент магистратуры отделения фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; rakazarika@gmail.com

Мария Борисовна Панич — студент магистратуры отделения фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; shmak1280@gmail.com

Федор Алексеевич Садковский — студент магистратуры отделения фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкоznания РАН; feudor987@mail.ru

Марьяна Николаевна Архипова — старший преподаватель кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; marta_ko@mail.ru

Ольга Викторовна Федорова — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alena A. Zarudneva — Master's Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; rakazarika@gmail.com

Maria B. Panich — Master's Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; shmak1280@gmail.com

Feodor A. Sadkovsky — Master's Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Assistant, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; feodor987@mail.ru

Mariana N. Arkhipova — Senior Lecturer at the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; marta_ko@mail.ru

Olga V. Fedorova — Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru

ЛЕКСЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ФИОЛЕТОВЫЙ’ КАК ЕДИНИЦЫ СИМПТОМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

А.А. Полунина

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
polunina98anya@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования лексем *лиловый*, *полиловать*, *фиолетовый*, *violet* ‘фиолетовый’ и *violacé* ‘с фиолетовым оттенком’ как «симптоматических единиц» — термин, который нуждается в некотором уточнении. Отмечается, что цветообозначения занимают в симптоматическом словаре важное место и особым образом функционируют в словосочетаниях с названиями соматических объектов. Фиолетовый цвет похожим образом концептуализируется в русской и французской языковых картинах мира на современном этапе, однако демонстрирует некоторые расхождения в степени разработанности в языке. Поскольку цветовая шкала представляет собой континуум, в ходе анализа упоминаются некоторые другие названия оттенков фиолетового в рассматриваемых языках. Причины, вызывающие симптом ‘фиолетовый цвет кожи’, совпадают в русском и во французском. На материале корпусных и лексикографических данных, а также контекстов из интернет-источников можно выделить следующий ряд причин: удар или похожее физическое воздействие; повышение или понижение внешней температуры; плохое физическое состояние, вызванное болезнью, или смерть; физическое состояние пьющего человека; сильное эмоциональное переживание. При этом примечательны межъязыковые расхождения в представлении о некоторых состояниях человека (сильный гнев, сильный страх). Изученный материал позволяет сказать, что фиолетовый цвет кожи как симптом широко используется в русском и во французском языках, при этом он связывается почти исключительно с негативными ситуациями и зачастую указывает на опасность для жизни пациента. Собранные контексты показывают, что представление о фиолетовом как о составном цвете, объединяющем в себе синий и красный, находит свое отражение и в симптоматическом словаре.

Ключевые слова: семантика; симптоматическая лексика; цветовая метафора; лексикографическое описание; языковая картина мира

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-5

Для цитирования: Полунина А.А. Лексемы со значением ‘фиолетовый’ как единицы симптоматического словаря (на материале русского и французского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 61–72.

LEXEMES MEANING ‘VIOLET’ AS UNITS OF THE SYMPTOMATIC VOCABULARY (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)

Anna A. Polunina

Vinogradov Institute of Russian Language (RAS), Moscow, Russia;
polunina98anya@gmail.com

Annotation: The article examines the peculiarities of the functioning of the lexemes *lilovyi*, *polilovet'*, *fioletovyi*, *violet* and *violacé* ‘with a violet tint’ as ‘symptomatic units’, a term that requires some clarification. It is noted that colour designations occupy an important place in the symptomatic dictionary and function in a special way in combination with names of somatic objects. Violet colour is conceptualized in a similar manner in the linguistic picture of the world in Russian and French at the present stage, but demonstrates some discrepancies in the degree of development in the language. Since the colour scale is a continuum, some other names of shades of violet in Russian and French are mentioned throughout the analysis. The causes of the symptom ‘violet skin colour’ are common to both languages. Based on corpus and lexicographic data and on contexts from Internet sources, the following series of causes can be distinguished: a strike or similar physical impact; rising or dropping temperature outside; poor physical condition caused by an illness; death; the physical condition of a drinker; intense emotional experience. At the same time, interlingual differences in the idea of some human states (strong anger, strong fear) are noteworthy. The studied material allows us to say that the purple skin colour as a symptom is widely used in Russian and French, while it is associated almost exclusively with negative situations and often indicates a danger to the patient’s life. The collected contexts show that the idea of purple as a composite colour combining blue and red is also reflected in the symptomatic dictionary.

Keywords: semantics; symptomatic vocabulary; colour metaphor; lexicographic description; linguistic picture of the world

For citation: Polunina A.A. (2025) Lexemes Meaning ‘Violet’ as Units of the Symptomatic Vocabulary (Based on the Material of the Russian and French Languages). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 61–72.

Статья посвящена словам *лиловый*, *полиловеть*, *фиолетовый*, *violet*, *violacé* как единицам симптоматического словаря. Термин «симптоматическая единица языка» используется в лингвистике относительно недавно [Иорданская 1971; Апресян 1995; Иоанесян 2019, 2020]. Хотя обычно он понимается лишь в контексте эмоцио-

нальной сферы, для полноты понимания семантических связей между лексемами¹, в том числе между значениями одного слова, представляется необходимым рассматривать всю совокупность причин, способных спровоцировать тот или иной симптом. Мы будем понимать термин «симптоматическая единица» как описывающий соматическую, эмоциональную и ментальную реакцию человека на изменение его состояния в результате какого-либо воздействия (*красные щеки* — симптом не только смущения, но и гнева, болезни, высокой или низкой температуры воздуха, которая может влиять на изменение цвета кожи). Цвета в словаре симптоматической лексики занимают особое место: цветовая метафора, указывая на симптом, является источником богатой синонимии (ср. ряд *покраснеть, зарумяниться, зардеться, побагроветь...*, что отмечалось в [Апресян 1995]) и непредсказуемых расхождений между языками (ср. рус. *синий ‘пьяный’* и фр. *être noir ‘быть пьяным’*, букв. ‘быть черным’).

Исследование проведено на материале авторитетных словарей русского и французского языков (TLF, Le Robert, БАС и др.), с использованием данных НКРЯ и контекстов из современной литературы и интернет-источников. Мы не ограничивались самыми типичными сочетаниями, а учитывали и некоторые нестандартные примеры, которые, как кажется, подтверждают общезыковую тенденцию. Целью работы является анализ особенностей сочетаемости названий фиолетового с названиями частей тела и причин, по которым какая-л. часть тела может полиловать в русской и во французской языковых картинах мира. Фиолетовый цвет интересен тем, что он покрывает целую гамму оттенков и обычно не рассматривается применительно к соматическим объектам: для последних типичны сочетания с белым, синим, красным. Фиолетовый в данном случае выступает промежуточной зоной: как известно, в некоторых языках он концептуализируется как состоящий из синего и красного [Вежбицкая 1996]. Так, СУШ толкует *фиолетовый* как ‘синий с красноватым оттенком’, а LPR толкует *violet* как ‘такого цвета, который получается путем смешения синего и красного’. Об этом же говорит существование в русском языке устаревшего прилагательного *синебагровый*, которое может встречаться в симптоматическом значении: ...она [*покойница*] лежит на столе, черты лица спокойные, на лбу надулась жила, уши синебагровые (А. Орешников)²;

¹ В соответствии с терминологией, принятой в Московской семантической школе, под лексемой здесь и далее понимается слово, взятое в отдельном значении.

² Здесь и далее примеры на русском языке приводятся по НКРЯ, если не указано другое.

Доброе лицо Тараса было изуродовано синебагровыми подтеками на носу и под глазом (Л.Н. Толстой). Синебагровый как синоним фиолетового показателен: он передает представление о некотором темном цвете, в котором сочетаются красный и синий. Мы предполагаем, что такое представление находит отражение и в симптоматическом употреблении единиц со значением ‘фиолетовый’: они также могут объединять в себе компоненты симптоматических значений синего и красного цветов.

Фиолетовый можно назвать цветом не первого ряда, в частности, потому что эталон фиолетового неочевиден. Так, эталоном красного можно назвать кровь, эталоном голубого — небо. Этимологически для фиолетового цвета эталоном является фиалка: название *фиолетовый* заимствовано через немецкий и польский из французского [Новое в русской этимологии 2003], в котором оно было образовано от *violette* ‘фиалка’, а название *лиловый* образовано от французского *lilas* ‘сирень’³. Однако в русском эти цветообозначения не сохраняют связи с образом фиалки и сирени, а культурная история Европы показывает, что от эпохи к эпохе цвет, который называли фиолетовым, менялся, сближаясь то с черным, то с красным [Пастуро 2017]. Вероятно, поэтому в обоих языках фиолетовый цвет отличается размытой семантикой и может обозначать целую гамму близких оттенков [Бахилина 1975]. Лексикографические данные указывают на то, что на современном этапе фиолетовый в обоих языках ассоциируется с темным цветом: МАС толкует *фиолетовый* как ‘синий с красноватым оттенком, темно-лиловый’, СУш — как ‘цвета фиалки, синий с красноватым оттенком, лиловый’, в 9-м издании DAF *violet* толкуется как ‘находящийся на одной из крайних точек спектра после цвета индиго’. Однако в словаре XVII в. А. ФюреТЬЕРА *violet* сравнивается с яркой вспышкой света: автор объясняет выражение *faire du feu violet* ‘пускать пыль в глаза’, букв. ‘делать фиолетовый огонь’, как образованное «по ассоциации с огнем, который производит древесина свежесрубленного дерева; этот огонь фиолетовый и более яркий, чем другие [виды огня]» [Furetière 1690]. Это принципиально отличается от современного представления о *фиолетовом* и о *violet* (ср. [Пастуро 2017]). Еще более сложный случай представляет собой русское *лиловый*, которое в зависимости от контекста предстает то бледным оттенком фиолетового (А *этот [океан] лиловый. Почти розовый*. А. Вологжанина, цит. по: Google Книги), то очень темным, почти черным (*Кислоты [...] переводят оранжевый цвет в лиловый, почти черный...* А.Я. Данилевский). По-

³ Хотя цветки сирени и фиалки могут иметь разные цвета (ср. ...*там, на склонах альпийских, / Где желтеют фиалки...* И. Бродский), в рамках цветовой метафоры они отражают только один цвет.

этому при симптоматическом употреблении лилового также может подразумеваться то более, то менее интенсивный цвет (*лиловый румянец* vs *Он так полиловел, что я думал — умрет*. Ю. Олеша). У фиолетового цвета есть ряд других оттенков, но далеко не все они могут употребляться симптоматически. В русском языке близким к фиолетовому и лиловому является *сиреневый* (МАС ‘бледно-лиловый, цвета сирени’). Но, хотя в НКРЯ можно найти симптоматические употребления *сиреневого* (*сиреневые щеки <губы, веки>*), они встречаются заметно реже, чем *фиолетовый* и *лиловый*. Поэтому мы не будем анализировать лексему *сиреневый* в ряду с *фиолетовым* и другими единицами. Похожим образом обстоит дело с французскими прилагательными *violine* ‘пурпурно-фиолетового цвета’, *lilas* ‘цвета, отдающего синим и розовым’ и *taïne* ‘бледно-фиолетового цвета’, которые не используются или используются редко применительно к соматическим объектам ([il] *ricana au nez de la face violine du gros lard*⁴ (<https://brumescrn.forumactif.org/t1304-lucida-van-tarkil-une-image-a-la-haine-froide>)), в отличие от близких по смыслу *violet* и *violacé*.

Особенностью симптоматического употребления цветообозначений является то, что соматические объекты, в отличие от многих других материальных объектов, имеют физиологические ограничения: лишь некоторые части тела могут приобретать нетипичный цвет, и только в рамках ограниченного спектра. Поэтому лексемы *лиловый*, *фиолетовый*, *violet*, *violacé*, а иногда и названия близких оттенков (*синюшный*, *violine*) в сочетании с названиями частей тела могут употребляться в схожих контекстах и описывать одни и те же явления. Так, в сочетании *фиолетовые <лиловые, синюшные> губы инфарктника* весь ряд прилагательных передает представление о более темном, чем в норме, цвете губ, вызванном плохим физическим состоянием. То же касается и других соматических объектов: от злости лицо может и *побагроветь*, и *полиловеть*, но в обоих случаях глагол будет передавать приблизительно одно и то же представление о некотором оттенке кожи между темно-красным и синим. Нельзя при этом сказать, что *багровое от злости лицо* указывает на более (или менее) интенсивное эмоциональное переживание, чем *лиловое*.

Итак, несмотря на некоторые расхождения в своих основных значениях, *фиолетовый*, *лиловый*, *violet* и *violacé* в симптоматическом словаре оказываются близкими синонимами. Можно представить себе шкалу, на одном конце которой находится красный цвет, а на другом — синий или фиолетовый: последний в обоих языках ос-

⁴ ‘[он] ухмыльнулся прямо в фиолетовое лицо толстяка’

мысляется как более или менее интенсивный, чем синий, в зависимости от контекста. Ср.: *Le maître du logis, se sentant ivre, n'osait se lever [...]. Sa large figure, devenue rouge et bleue, presque violacée, terrible à voir...*⁵ (H. de Balzac) [*violacé* ‘с фиолетовым оттенком’ указывает на большую интенсивность, чем *bleu* ‘синий’]; ...видя, как он вращал при этом глазами и как лицо его становилось из красного фиолетовым и даже синеватым, невозможно было усомниться ни на минуту. *Разорвет.* (М.Е. Салтыков-Щедрин) [синеватый указывает на большую интенсивность, чем фиолетовый].

По-видимому, симптом ‘фиолетовый оттенок кожи’ для французского языка более стандартен, чем для русского: авторитетные французские словари (TLF, LPR) отмечают симптоматические употребления *violet*, в отличие от русских (БАС, СУш), не упоминающих сочетания лексем *фиолетовый* <лиловый> с названиями частей тела. На основании собранных контекстов можно выделить ряд ситуаций, провоцирующих этот симптом в русской и французской языковых картинах мира: след от удара; повышение или понижение внешней температуры; плохое физическое состояние, вызванное болезнью, или смерть; физическое состояние пьющего человека; сильное эмоциональное переживание.

В русском и во французском языках фиолетовый регулярно характеризует **следы от удара** и от различных повреждений кожи (рубцы, шрамы): *фиолетовый* <лиловый> *синяк* <шрам>; *Cet orteil... regarde-moi ça, il devient tout violet. — Va te poser un glaçon dessus*⁶ (A. Hesnart); *la belle cicatrice violette*⁷ (G. Blanvillain). При этом в русском, в отличие от французского, возможны сочетания с соматическим объектом глаза для описания кровоподтека под глазом (*С фиолетовым глазом съехала Настя из дома, ночевала у подруг, потом зайцем села в электричку.* А. Останина). В данном случае фиолетовый сближается с синим, который и в русском, и во французском стандартно описывает след от удара — об этом говорит уже название кровоподтека: *синяк*, *un bleu* букв. ‘синий’.

Обычно для описания реакции какого-л. соматического объекта на **перемену внешней температуры** используются *красный*, *синий* и *белый* цвета. Фиолетовый в данном случае как бы объединяет в себе разные их свойства. Так, от сильного холода, который осмысляется негативно, можно *посинеть* или *побелеть*, а если внешний холод, даже сильный, осмысляется позитивно, от него можно *покраснеть*,

⁵ ‘Хозяин жилища, чувствуя, что опьянел, не осмеливался подняться [...]. Его широкое лицо, ставшее красным и синим, почти лиловатым, ужасным на вид...’

⁶ ‘Этот палец... посмотри-ка, он стал совсем фиолетовым. — Приложи к нему лед.’

⁷ ‘прекрасный фиолетовый шрам’

стать румяным. Фиолетовый цвет также регулярно обозначает реакцию на холод: *озябшие, фиолетовые запястья* (И. Грекова); *les orteils, violet et froids, morts*⁸ (А. Sarrazin). Фиолетовый в данном случае сближается с синим, поскольку часто он описывает ситуацию, имеющую плохие последствия (*Le corps du mioche devenait violet*⁹ (G. de Maupassant)). От слишком высокой внешней температуры в обоих языках можно *покраснеть*, но не *посинеть*. Фиолетовый также может описывать реакцию на повышенную температуру, хотя таких примеров встречается меньше: *крепкие ребята, лиловые от жары* (М. Кантор). Кроме того, во французском языке холод как симптом фиолетового цвета кожи закреплен лексикографически (TLF, LPR), тогда как жара среди возможных причин не упоминается.

Фиолетовый цвет кожи может указывать на **плохое физическое состояние**, что также отмечается французскими словарями. Так, сочетание *être violet* ‘быть фиолетовым’ применительно к какой-л. части тела TLF объясняет с точки зрения физиологии: ‘недостаточная насыщенность крови кислородом’. Как правило, в этом значении из всех частей тела могут быть задействованы только лицо, щеки и губы, обычно в контекстах, в которых человек задыхается или находится при смерти: *мужик с фиолетовыми губами инфарктника* (Ю. Поляков); *Tu es violet, congestionné, apoplectique*¹⁰ (B. Cendrars). Как бы предельной точкой плохого физического состояния можно назвать **смерть**. Фиолетовый цвет часто становится ее признаком, причем в этом случае он может характеризовать разные части тела: *le visage violet* ‘фиолетовое лицо’; *фиолетовые щеки, фиолетовый язык*; ...*из прорехи сунулась мертвая лиловая рука* (Б. Губер). Как известно, в наивном представлении со смертью связывается синий оттенок кожи (ср. *бледное до синевы, как у мертвеца, лицо* (Л. Чарская); ...*il avait la peau bleue, en état de mort apparente*¹¹ (B. Tournois)). Таким образом, в данном случае фиолетовый приближается к синему цвету.

Фиолетовый цвет широко используется в обоих языках для описания **внешнего вида пьяницы**. В таких контекстах фиолетовым становятся только лицо и его части: щеки (и метонимически — *румянец*), губы. Кроме того, такой цвет регулярно используется для описания кожи с прожилками, какая бывает у нездорового человека: *красное в лиловых прожилках лицо* (Е. Каминский); *un énorme nez marbré de violet et de rouge*¹² (R. Campana). Эта особенность также

⁸ ‘пальцы, фиолетовые и холодные, омертвевшие’

⁹ ‘Тело малыша [которого раздели на морозе] становилось фиолетовым.’

¹⁰ ‘У тебя фиолетовое, налитое кровью лицо, ты апоплексик.’

¹¹ ‘...кожа у него была синюшная, он был явно мертв’

¹² Букв. ‘огромный нос, мраморированный фиолетовым и красным’

часто является симптомом пьющего человека. Отдельно стоит отметить фиолетовый (или красный, синий) нос пьяницы. Для его описания в обоих языках развивается растительная метафора: *нос сливы*, *nez de betterave* ‘свекольный нос’. При этом, если в русском достаточно определено подразумевается фиолетовый или близкий к нему цвет (сливовый), то во французском цвет свеклы часто мыслится красным. На это указывают и лексикографические данные (TLF: *avoir un nez de betterave* ‘иметь очень красный и прыщавый нос’), и некоторые примеры: *j'ai présentement le nez rouge comme une betterave et gros comme une citrouille*¹³ (H.V. de Bombelles). Разумеется, нос может стать фиолетовым (красным, синим) и от других причин — в частности, от внешнего воздействия: *Ce minable serait sorti d'ici avec un nez comme une betterave potagère*¹⁴ (R.-P. Guns); ...*нос оказался отмороженным... потом всю жизнь будет как слива* (В. Кетлинская). Однако как характерный симптом он связывается в языке с пьянством. Во французском со свеклой может сравниваться даже само лицо: ...*quoique violet comme une betterave [...], il envoûte dès les premières paroles*¹⁵ (E. Zola). Для русского языка это невозможно — со сливой сравнивается или нос, или след от удара: *Синяк [...] напивался как слива* (Ю. Домбровский); *Вон шишки-то на головах, как сливы спелые* (А. Мусатов).

Цвет лица человека может меняться в результате **сильной эмоциональной реакции** на что-л. Как правило, фиолетовое лицо связывается с гневом, одной из шести базовых эмоций [Ekman 1999]. В русском языке гнев стандартно передается через темно-красный цвет (*побагроветь от злости*). В данном случае наблюдается расхождение с французским, в котором от гнева можно не только покраснеть, но и посинеть (*être bleu de colère* ‘быть синим от гнева’). Фиолетовый цвет может характеризовать лицо разгневанного человека в обоих языках: *На его [Абрахама] лиловых губах пузырилась пена* (И. Бояшов); *Oui!... — me criait, violette de colère [...] Mademoiselle Marie*¹⁶ (Gyp (S. de Mirabeau)). Это позволяет увидеть, что нет противоречия между такими разными, на первый взгляд, выражениями, как *красная пелена перед глазами (от ярости)* в русском языке и *en voir de bleu* ‘разъяриться’, букв. ‘видеть синим’, во французском. Также фиолетовый оттенок лица может ассоциироваться с чувством стыда, которое и в русском, и во французском стандартно описывается через красный цвет лица. Таким образом, в этих контекстах

¹³ ‘сейчас у меня нос, красный как свекла и огромный как лимон’

¹⁴ ‘Этот жалкий тип вышел бы отсюда с носом как свекла’

¹⁵ ‘...пусть у него лицо, лиловое как свекла [...], он завораживает с первого слова’

¹⁶ ‘Да!... — кричала мне, полиловев от гнева [...], мадемуазель Мари’

фиолетовый сближается с красным: *Андрей стоял как в столбняке, лиловый от стыда* (И. Рахилло, цит. по: Google Книги); ...*les joues de Catou deviennent [...] rouges, puis violettes de honte*¹⁷ (<http://armanel.e-monsite.com/pages/textes-integraux/alanic-le-garcon-vacher.html>). Словари TLF и LPR отмечают в качестве причины также страх (*Imaginez un smartphone qu'on pourrait faire tomber dans un escalier en marbre sans devenir violet de peur*¹⁸ (<https://www.cnetfrance.fr/news/youm-l-ecran-flexible-et-incassable-de-samsung-39776299.htm>)), что указывает на близость фиолетового к синему (ср. *une peur bleue* ‘очень сильный страх’, букв. ‘синий страх’). В данном случае французский расходится с русским, в котором со страхом ассоциируется только бледность, то есть белый цвет или близкий к нему серый (*посереть от страха*). Также фиолетовый иногда может использоваться при описании сильного волнения, при этом снова сближаясь с красным (ср. *порозоветь от волнения; rouge d'émoi*): *Tсс, не говорите так! — он даже полиловел от волнения* (Т. Петров); *Il demeura stupéfait devant le visage de Renardet; il avait les joues violettes, le regard trouble* (Г. де Maupassant). Волнение как эмоция неоднозначно: оно может оцениваться и положительно (тогда оно связывается со светлым цветом, ср. *порозоветь от волнения, rougir de trouble*), и отрицательно (фиолетовый используется именно в этом случае — как известно, отрицательные эмоции концептуализируются в языке как темные, ср. *побагроветь от злости, s'empourprer de colère*). В этом отношении волнение сопоставимо со смущением (см. [Апресян 1995: 374]).

Любое упоминание о цвете лица обычно уже указывает на отклонение от нормы, то есть является симптомом (от *румяного лица* до *зеленого*). Однако фиолетовый часто указывает на крайнюю степень плохого состояния, поэтому во многих контекстах он становится следующим этапом после красного: *Sa large figure, devenue rouge et bleue, presque violacée, terrible à voir...* (см. выше) [ухудшение физического состояния]; Кузнец слушает — его и без того багровая шея постепенно наливается лиловым. [...] Ты кто, — шипит, — сволочь, такой, чтобы [...] условия ставить? (Г. Яхина) [ухудшение эмоционального состояния]. Как следует из примеров, на цветовой шкале фиолетовый соседствует с темными оттенками красного: так, от ярости в русском языке человек может *побагроветь*, а во французском этому соответствует глагол *s'empourprer*. Близость этих лексем к фиолетовому отмечается и русской, и французской лексикографией: MAC толкует *багровый* как ‘красный с синеватым или лиловым оттенком’, а *rouigré* в толковании LPR — это ‘темно-красный цвет,

¹⁷ ‘...щеки Кату становятся красными [...], потом фиолетовыми от стыда’

¹⁸ ‘Представьте себе смартфон, который можно уронить на мраморной лестнице, не становясь фиолетовым от страха’

переходящий в фиолетовый'. Лексемы *bagrovый, побагроветь* и *pourpre, s'empourprer* в русском и французском регулярно используются для описания эмоциональных переживаний, из чего можно сделать вывод, что близкий к фиолетовому цвет лица не является в этих языках чем-то маргинальным.

Итак, сопоставление найденных примеров показывает, что в русском и во французском фиолетовый цвет кожи воспринимается как более интенсивный, чем красный, и ассоциируется почти исключительно с отрицательно оцениваемыми ситуациями: плохими для физического состояния человека (удар, очень сильный холод, смерть) или для его эмоционального состояния (гнев, страх, стыд). Этот цвет широко используется как симптом: и в русском, и во французском он может быть реакцией на внешние и внутренние изменения, передавать физическое состояние и эмоциональное. Занимая на спектре цветов промежуточное положение между красным и синим, фиолетовый объединяет в себе их характеристики. Более стандартно для него сближение с симптомом 'синий цвет кожи' (удар, болезнь, смерть), но иногда он близок к симпту 'красный цвет кожи' (жара, стыд, волнение). В ряде случаев фиолетовый в симптоматическом употреблении сохраняет идею «промежуточного» цвета: в нем совмещается образ красного от жары, красного от холода и синего от холода, кроме того, он объединяет в себе разные представления о проявлении сильного гнева и страха в русском и французском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ekman P. Basic emotions. Sussex, 1999.
2. Пастуро М. Синий. История цвета. Пер. с фр. Н. Кулиш. М., 2017.
3. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
4. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М., 1997.
5. Иоанесян Е.Р. Обозначение интенсивности эмоций во французском языке // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (77), 2017.
6. Иоанесян Е.Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // Научный диалог. 2019. № 2.
7. Иорданская Л.Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. № 16.
8. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Крейдлин Г.Е. М., 2002.
9. Язык и семиотика тела. Т. 1. Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Г.Е. Крейдлин (отв. рук.), П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий и др. М., 2020.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. DAF = Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/>
2. TLF = Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/>
3. LPR = Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française : nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert / texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Paris, 2013. 2837 p.
4. БАС = Большой академический словарь русского языка. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/344?ysclid=m60qgn36up114157289>
5. МАС = Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
6. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
7. СУш = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=m60r3nbv5d498126128>

REFERENCES

1. Ekman P. *Basic emotions*. Eds. T. Dalgleish, M. Power. Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999. P. 45–61.
2. Pastoureaud M. *Siniy. Iстория цвета*. Per. s fr. Kulish N. [Blue. The history of colour: Transl. from French]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. 144 p. (In Russ.)
3. Bakhilina N.B. *Iстория цветообозначений в русском языке* [History of colour designations in Russian language]. Moscow, Nauka, 1975. 146 p. (In Russ.)
4. Vezhbitskaya A. *Russkij jazyk* // A. Vezhbickaya. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie: Per. s angl* [Russian language / A. Vezhbitskaya. Language. Culture. Cognition: Transl. from English]. Moscow, Russkiye slovary, 1997. 416 p. (In Russ.)
5. Ioanesyan E.R. *Oboznacheniye intensivnosti emotsiy vo frantsuzskom jazyke* [Designation of intensity of emotions in the French language] // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4 (77), 2017. P. 97–102. (In Russ.)
6. Ioanesyan E.R. *Simptomaticeskaya leksika v funktsii Magn* [Symptomatic vocabulary in the function Magn] // Nauchnyy dialog, № 2, 2019. P. 34–48. (In Russ.)
7. Iordanskaya L.N. *Leksikograficheskoye opisanije russikh vyrazhenii, oboznachayushchikh fizicheskiye simptomy chuvstv* [Lexicographic description of Russian expressions denoting physical symptoms of feelings] // Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika. Moscow, MGPIIYa, 1972. Vol. 16. 170 p. (In Russ.)
8. Kreidlin G.E. *Neverbalnaya semiotika: Jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2002. 672 p. (In Russ.)
9. *Jazyk i semiotika tela. T. 1. Telo i telesnost v estestvennom jazyke i jazyke zhestov* [Language and semiotics of the body. Vol. 1. Body and physicality in natural language and in sign language] // G.E. Kreydlin, P.M. Arkadyev, A.B. Letuchiy et al. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2020. 390 p. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

1. DAF = Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (In French)
2. TLF = Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (In French) (accessed: 10.04.2025)

3. LPR = Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française : nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert / texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Paris, 2013. 2837 p. (In French)
4. БАС = Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka [The Big Academic Dictionary of the Russian language]. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/344?ysclid=m60qgn36up114157289> (In Russ.)
5. MAC = Slovar russkogo yazyka: V 4-kh t. / RAN. In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A. P. Evgenyevoy. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS. The Institute of Linguistics research; Ed. A. P. Evgenieva] URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (In Russ.)
6. НКРЯ = Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (In Russ.)
7. СУШ = Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. Chief editor D.N. Ushakov. URL: <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=m60r3nbv5d498126128> (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 21.11.2025

Received 28.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 21.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Анна Андреевна Полунина — аспирант, младший научный сотрудник сектора теоретической семантики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; polunina98anya@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Polunina — PhD Student, Junior Researcher, Sector for Theoretical Semantics, Vinogradov Institute of Russian Language (RAS); polunina98anya@gmail.com

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКЕ ТАИЛАНДА

Д.С. Борисова

Московский государственный институт международных отношений
МИД России, Москва, Россия; borisova.d.s@my.mgimo.ru

Аннотация: Повсеместно расширяющееся использование интернета и компьютерных технологий привело к росту числа заимствований в тайском языке. Подобная тенденция в первую очередь заметна в интернет-коммуникации. Данная работа нацелена на анализ заимствований в интернет-языке Таиланда, способа их образования и применения в тайском языке. В ходе исследования были изучены посты и комментарии с таких тайских сайтов, как Pantip и Sanook, по наиболее популярным среди жителей Таиланда темам. Темы отбирались на основе списков, составленных сайтами. Помимо этого, в период с декабря 2023 г. по июнь 2024 г. автор провел опрос на тему интернет-языка и его аспектов среди носителей тайского языка. Основные методы, которые были использованы в работе, — описательный метод и метод классификации. Результаты показали, что на сегодняшний день существует три основных метода заимствования иностранных слов в тайском интернет-языке: транскрипция, транскрипция с заменой фонетической составляющей и калькирование. Преобладающим методом является транскрипция, тем не менее, в интернет-языке Таиланда встречаются вариации записи заимствованного слова в зависимости от пользователя. Подобные вариации нарушают правила транскрипции в тайском языке, но допускаются в ходе интернет-коммуникации. Как показало исследование, многие примеры заимствований постепенно переходят в письменную тайскую речь. При этом заимствования, большая часть которых в интернет-языке пришла из английского языка, применяются с учетом правил тайского языка, адаптируя лексемы под коммуникативную задачу, а также допуская изменение их формы.

Ключевые слова: тайский язык; интернет-язык; заимствования

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-6

Для цитирования: Борисова Д.С. К вопросу о заимствованиях в интернет-языке Таиланда // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 73–80.

ON BORROWED WORDS IN THE INTERNET LANGUAGE OF THAILAND

Daria S. Borisova

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia;
borisova.d.s@my.mgimo.ru

Abstract: The widespread use of the Internet and computer technology has led to an increase in the number of borrowed words in the Thai language. This trend is primarily noticed in Internet communication. This work is aimed at analyzing borrowed words used in the Internet language of Thailand, the ways they are created and used in the Thai language. The study examined posts and comments from Thai websites such as Pantip and Sanook on the most popular topics among Thai residents. The topics were selected based on lists compiled by the websites. In addition, from December 2023 to June 2024 the author conducted a survey on the Internet language and its aspects among Thai language native speakers. The main methods used in this paper are the descriptive method and the classification method. The results show that today there are three main methods of borrowing foreign words in the Thai Internet language: transcription, transcription with a phonetic change and calque. The predominant method is transcription, however, in the Internet language of Thailand there are variations in the recording of a borrowed word depending on the user, which violate the transcription rules in the Thai language, but are acceptable in the course of Internet communication. The research shows that a number of examples of borrowed words are gradually being used in written Thai speech. Moreover, borrowed words, most of which in the Internet language come from English, are used in accordance with the rules of the Thai language, adapting lexemes to the communicative task and allowing for changes in their form.

Keywords: Thai language; Internet language; borrowed words

For citation: Borisova D.S. (2025) On Borrowed Words in the Internet Language of Thailand. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 73–80.

Введение

В связи со стремительным развитием интернет-технологий и, как следствие, ростом популярности блогов и других форм общения в сети Интернет в языки стали быстрее проникать заимствования. Подобная тенденция в первую очередь заметна в интернет-коммуникации, которая сопровождается зарождением новой языковой формы — интернет-языка. Тайский язык не является исключением. При этом стоит отметить, что тайский язык исторически активно пополнял лексику заимствованиями из пали, санскрита, кхмерского и других языков [Чангкхвамыйн 1998; Кингкхам 2003; Пхетчарат, Тхонгбай 2003].

Поскольку сам вопрос заимствований в тайском языке хорошо изучен, данная работа нацелена на анализ заимствований в интер-

нет-языке Таиланда как специфической разновидности коммуникации, способа их образования и применения в рамках данного дискурса. Актуальность исследования обусловлена расширением сферы использования сетевого тайского языка и стремительным ростом вокабуларя, отдельные единицы которого входят в разговорный язык носителей.

Цель работы была определена как анализ заимствований в интернет-языке Таиланда, что включает в себя следующие задачи: выделение заимствованных лексических единиц; их классификацию по способу образования и языку оригинала; выделение трудностей заимствования отдельных лексических единиц и анализ использования подобных заимствований в повседневной разговорной речи и новостном дискурсе. Основные методы, которые были задействованы в ходе исследования, — описательный метод и метод классификации. Информация для анализа была взята с наиболее популярных среди носителей тайского языка сайтов [Sanook; Pantip] за период с августа 2021 г. по август 2023 г. В рамках анализа были рассмотрены более 150 постов (включая комментарии к ним), посвященных наиболее популярным темам этих лет. Темы отбирались на основе рейтингов, которые составляли сами сайты, например Pantip Pick of the Year. Помимо этого, использовались результаты опроса, проводимого автором среди носителей тайского языка, за период с декабря 2023 г. по июнь 2024 г.

Задачи исследования

Интернет появился в Таиланде в 1987 г. и стал доступным более 18 миллионам человек уже к 2009 г. Согласно статистическим данным за 2022 г., 81,2 % всего населения Таиланда являются интернет-пользователями, которые хорошо знакомы с социальными сетями, при этом в среднем они проводят в интернете 9 часов 6 минут в день. 96,2 % пользователей проводят в интернете 5 часов 28 минут в день [Thailand's digital dependence...]. Эти тенденции привели к тому, что тайский язык стал еще более восприимчив к заимствованию и ассимиляции отдельных лексических единиц, что получило отражение в интернет-коммуникации и стало одной из особенностей сетевого языка современного Таиланда.

Прежде чем приступить к анализу заимствований, необходимо рассмотреть, какую методологию выделения заимствований по способу образования предлагают исследователи. У. Вайнрайх [Вайнрайх: 32–49] описывает примеры фонетической, грамматической и лексической интерференций, отдельно выделяя такие форматы лексической интерференции, как одноморфемные и многоморфемные заимствования (при которых морфема или лексема переходит

в язык-реципиент из языка-донора без или с небольшими изменениями), а также «заимствованные переводы» или кальки (в этом случае заимствуется значение с применением исконной лексики). Таиландский лингвист В. Кингкхам [Кингкхам 2003: 10–11] выделяет 3 способа заимствования: транскрипция, т. е. запись слова с опорой на фонетическую форму языка оригинала; перевод слова или калькирование; «заимствование значения», что зачастую приводит к созданию новой лексической единицы.

Можно заметить, что в вопросе лексической интерференции У. Вайнрайх и В. Кингкхам имеют похожие позиции, однако на практике существуют некоторые особенности, обусловленные орфографией тайского языка. При транскрипции слово следует фонетическим правилам тайского языка, но на письме отражены все знаки, которые присутствуют в языке оригинала. В связи с этим нельзя полностью отождествлять понятие транскрипции в европейских языках с тайским языком. Например, слово ຮອມພິວເຕອນ читается как /kʰɔ:m pʰi:w tɔ:/, однако последний знак в слове (буква «ро») стоит в позиции, называемой в тайском языке «каран», что означает, что эта буква отражается на письме, но не читается. Таким образом, можно сделать вывод, что транскрипция в понимании таиландских лингвистов — это максимальное приближение на письме к орфографии слова на языке оригинала, а в устной речи — к его фонетической форме, что позволяет визуально определить, что слово было заимствовано.

Результаты исследования

В рамках исследования больше всего было обнаружено примеров транскрипции: ຜູ້ບ່ອລ / fút bɔ:n / ‘футбол’, ເກມ / ke:m / ‘игра’, ວັດຊືນ / wák si:n / ‘вакцина’, ແບ້ວ / de: b̥i? / ‘дебют, дебютировать’. При этом довольно часто встречается транскрипция с заменой фонетической составляющей: ໄຟ / fai / ‘борьба, битва’, ຂອມພິວເຕອນ / kʰɔ:m pʰi:w tɔ:/ ‘компьютер’, ມາວ / máw / ‘говорить о, сплетничать’, ຂອນເຈົ້າ / kʰɔ:n'fə:m / ‘подтвердить’, ພອຍຕີ / pʰɔ:j / ‘балл’. На примере лексемы /pʰɔ:j / рассмотрим данный способ заимствования немного подробнее. При анализе орфографии можно заметить, что в тайской транскрипции был исключен согласный *n*, то есть в графике слово было заимствовано как / pʰɔ:j /. Таким образом, в данном случае произошла замена графической составляющей, что повлекло в свою очередь и замену фонетической составляющей. Данный феномен в контексте заимствований из английского языка встречается не так часто. Подобный формат заимствования можно объяснить тем, что при первоначальном написании одну букву не стали указывать, поскольку находде-

ние в конце слова трех согласных букв нетипично для тайского языка.

Также были выявлены примеры калькирования: ຈຸດຍິນ/tɕùt j̥i:n/ ‘точка + стоять’ /‘позиция’ от англ. standing point, ເງື່ອງສັນ/rɯ̄ŋ sān/ ‘история + короткая’ /‘рассказ’ от англ. short story. Однако подобные случаи встречаются реже и представляют собой примеры уже давно вошедших в употребление лексем. Автор полагает, что это связано со скоростью заимствования: калькирование и создание слова требует времени, однако интернет-пользователи стремятся ускорить процесс общения, в результате чего использование транскрипции становится более предпочтительным вариантом.

Говоря об источниках заимствований, в интернет-коммуникации преимущественно используются заимствования из английского (ການຫຼຸບ/ka: tu:n/ ‘мультфильм’, ດຣາມາ/dà ra: mā:/ ‘драматизировать’, ຈີຣີສີ/si: ri:/ ‘сериал’, ຮົວໜ້ວ / rí:/ ‘обзор’), японского (ຮາມັງ/ra: meŋ/ ‘рамен’, ກິໂມໂມນີ/kǐ mo: no:/ ‘кимоно’), китайского (ກາຢຕີ່ຢາ/kuaj ti:aw/ ‘разновидность лапши’, ເຕູ່ງວັງ hû:/ ‘тофу’, ເຕ່/ teéŋ / ‘круто’) и корейского (ກິມຈີ/kim tɕi?/ ‘кимчхи’, ແບກົກທີ່ບະກົດ/bàk/ ‘круто, оанຍາວ /?an:jəŋ/ ‘привет’, ອປັນ /?ər'rá:/ ‘брать, обращение к старшему другу или парню’) языков. Это связано с рядом причин (влияние популярной культуры, растущее количество сериалов и фильмов, распространение социальных сетей и др.), которые привели к тому, что заимствования стали легче проникать в тайский язык (по крайней мере, в интернет-коммуникацию на тайском языке).

Основные темы, в которых применяются заимствования из этих языков, — это технологии, спорт, культура, еда. Стоит также отметить, что в последние годы количество заимствованных глаголов и словосочетаний возросло. В этом ключе интересен случай заимствования ຄົມໝາວກົມກົດະກະ /kʰam sa: ?a: rí? ka: tò? / ‘спасибо’, которое представляет собой сложение корейской /kʰam sa:/ и японской /?a: rí? ka: tò?/ лексем.

Результаты исследования позволили выделить ряд особенностей в применении заимствований в интернет-коммуникации на тайском языке. Во-первых, заимствованные слова преимущественно следуют грамматическим нормам тайского языка и могут встраиваться в грамматический строй тайского предложения. Так, например, лексема ແພນພໍລາ (‘по настроению’) является заимствованием английского глагола “feel”, однако в тайском языке она используется как наречие, о чем свидетельствует морфема ແພນ и редупликация. В тайском языке редупликация применяется преимущественно к наречиям и прилагательным для выражения значения интенсивности качества или как показатель несерьезности намерения.

Во-вторых, многие заимствования представляют собой слова, которые на сегодняшний день активно применяются не только в интернет-коммуникации, но и в разговорной речи, а иногда и в телевизионном дискурсе. Например, ຈຳວ່າ /tɕʰu:a/ от английского “sure” ‘уверенный’, помимо применения в онлайн-сообществах, встречается в устной речи, а также была адаптирована в названии телепередачи ຈຳວ່າຮ້ອມໜ້າ /tɕʰua r̥ȶm m̥a/ «Уверен или сомневаешься?», где было применено выразительное средство параллелизма.

Несмотря на широкое распространение заимствований в интернет-коммуникации, в тайском языке все еще сохраняется ряд трудностей, с которыми автор столкнулся при анализе данных. Во-первых, форма записи слова не всегда имеет четкую структуру. Хотя Королевское общество Таиланда разработало свод правил по транскрипции иностранных слов [Транскрипция 2020], они не всегда выполняются в рамках интернет-коммуникации. В результате этого возникает проблема написания и идентификации некоторых лексем в ходе общения. В качестве примеров можно привести такие пары слов, как ກອລເລເກຊ໌ນ /kʰɔ:ləkətʃn/ – ກ່ອລເລເກຊ໌ນ /kʰɔ:n lē:k tɕʰān/ – ‘ коллекция’; ອິນເທອຣ໌ນີ້ /ອິນເທອຣ໌ນີ້ /?in tʰr̥: nē:t/ – ອິນເທອຣ໌ນີ້ /?in tr̥: nē:t/ ‘интернет’. В данном случае также играют роль правила чтения. Тайский язык — язык тоновый (обладает пятью тонами, которые имеют смыслоразличительную силу, т. е. используются для различия лексического значения), в языке также существуют ограничения относительно сочетания согласных звуков и инвентаря конечных согласных. В частности, в тайском языке допускается только 8 терминалей, т. е. конечных согласных звуков. Это приводит к тому, что многие согласные в тайском языке на конце слова читаются иначе. В частности, буква ໂ «ло» на конце слова читается как /-n/. По этой причине слова “football” или “feel” в тайском языке произносятся как /fút bɔ:n/ и /fi:n/. Однако люди, которые знают язык-донор, могут записывать лексему отлично от тех, кто знает ее только по дискурсу на тайском языке. Это в свою очередь приводит к существованию нескольких форм одной и той же лексемы и последующей путанице. Например, глагол “to feel” в тайском интернет-дискурсе можно встретить в трех вариациях: ພິລ /fi:n/, ພິລ /fin/, ພິນ /fin/.

Наконец, существует вопрос интерференции морфем. В тайском языке большинство исконных лексем односложные. Это приводит к заимствованию иностранной лексемы как единой одноморфемной единицы. Однако периодически заимствованная лексема может быть поделена на морфемы с целью адаптировать ее под грамматические нормы тайского языка. В качестве примера можно привести слово «коронавирус»: ໄວຍສິໂຄຣນາ /waj rát kʰo: ro: na: / (вирус + корона) ‘коронавирус’. «Корона» стоит в постпозиции, поскольку в тайском

языке определение стоит после определяемого слова. Однако в интернет-коммуникации встречается и версия, приближенная к языку оригинала: ໂຄໂຮນໄວ້ຮັສ /kʰo: ro: na: waj rát/.

Заключение

Таким образом, результаты данного исследования показали, что на сегодняшний день заимствования представляют собой одну из характерных особенностей тайского интернет-языка. В ходе анализа было выделено три основных метода заимствования иностранных слов: транскрипция, калькирование и транскрипция с заменой фонетической составляющей. Преобладающим методом является транскрипция, тем не менее, в интернет-языке Таиланда встречаются вариации записи заимствованного слова в зависимости от пользователя, которые нарушают правила транскрипции, но приемлемы в ходе интернет-коммуникации и, как следствие, постепенно переходят в письменную тайскую речь. При этом заимствования адаптируются под грамматический строй тайского языка.

В целом можно утверждать, что заимствования представляют собой расширяющийся пласт лексики тайского языка, и интернет-коммуникация является одним из значимых факторов, который способствует заимствованию новых слов и их введению в разговорный тайский, а затем и в язык СМИ. Несмотря на существующие проблемы, скорость, с которой заимствования проникают в тайский язык, не снижается, что позволяет изучить новые тенденции в тайском языке как в рамках интернет-коммуникации, так и за ее пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие [Электронный ресурс]. URL: <http://genhis.philol.msu.ru/weinreih.pdf> (дата обращения: 28.10.2025)
2. *การทับศพท.* 20.05.2020 (Транскрипция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.orst.go.th/iwfm_list.asp?i=0040002104011001%2F63ERJ5716056 (дата обращения: 28.10.2025)
3. *ຈົ່ງວັດທະນີ ເພຣະວັດທະນີ ອຳມໍາພຣ ກອງໃບ ພາສາຕ່າງປະເທດໃນພາກຫາໄທຍ ກຽມເທິພາ:* ໂອ.ເອສ. ພຣີນຕິ່ງ ເຢັສ., 2003. (*ພຂ່າຍ-* *චາຮາຕ* T., *ທຂອນບ້າຍ A.* Влияние иностранных языков на тайский язык.)
4. *ວັດທະນີ ຈົ່ງຈົ່ງວັດທະນີ ແລະຄະນະ ບຣຣທັດຖານພາກຫາໄທຍ ເລີ່ມ 2: ຄຳ ກາຮສຽງຄຳ ແລະກາຮຍື່ມຄຳ* (ພິມເຕົ້ວໜ່າງທີ 2), 2010. (*ຈັນກັຂວາມໄຍນ B.* Правила тайского языка. Том 2. Слова, словообразование и заимствования.)
5. *ວິໄລສັກຕິ ກົງຄໍາ ພາສາຕ່າງປະເທດໃນພາກຫາໄທຍ*. ພິມເຕົ້ວໜ່າງທີ 2. ກຽມເທິພາ : ສຳນັກພິມພົມ ມາວິທຍາລ້ັບກາທຽບສາທ່ານ, 2013. (*ກິນກັຂາມ B.* Иностранный лексикон в тайском языке. Издание 2.)
6. Веб-сайт Pantip [Электронный ресурс]. URL: pantip.com (дата обращения: 28.10.2025)
7. Веб-сайт Sanook [Электронный ресурс]. URL: www.sanook.com (дата обращения: 28.10.2025)

- Thailand's digital dependence revealed in new internet study. Bangkok Post. 17.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/2265383/thailands-digital-dependence-revealed-in-new-internet-study>. (дата обращения: 28.10.2025)

REFERENCES

- Vainraikh U. Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and multilingualism]. URL: <http://genhis.philol.msu.ru/weinreih.pdf> (accessed: 28.10.2025) (In Russ.)
- การทักษะพื้นที่. 20.05.2020 (Transcription.) URL: https://www.orst.go.th/iwfm_list.asp?i=0040002104011001%2F63ERJ5716056 (accessed: 28.10.2025) (In Thai)
- จิรัพัน พेचรัตต์ อัมพร ทองใบ ภาษาต่างประเทศในภาษาไทย กรุงเทพฯ: ไอ.เอ.ส. พรินติง เอส., 2003. (*Phetcharat Ch., Thongbai A. The Impact of Foreign Languages on the Thai Language*) (In Thai)
- วัฒนา ชัยชัยวุฒิ วงศ์และ บรรพตดูรุนภาษาไทย เมม 2: คำ การสร้างคำ และการยืมคำ (พิมพ์ครั้งที่ 2), 2010. (*Changkhwamyun W. Rules of Thai Language. Book 2: Word, Word Formation and Word Borrowing*) (In Thai)
- วีลังค์ กิ่งคำภาษาต่างประเทศในภาษาไทย. พิมพ์ครั้งที่ 2. กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์ มหาวิทยาลัยเกษตรศาสตร์, 2013. (*Kingkham W. Foreign Languages in Thai*) (In Thai)
- Pantip URL: pantip.com (accessed: 28.10.2025) (In Thai)
- Sanook URL: www.sanook.com (accessed: 28.10.2025) (In Thai)
- Thailand's digital dependence revealed in new internet study. Bangkok Post. 17.02.2022. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/2265383/thailands-digital-dependence-revealed-in-new-internet-study>. (accessed: 28.10.2025) (In English)

Поступила в редакцию 03.12.2024

Принята к публикации 26.04.2025

Отредактирована 06.11.2025

Received 03.12.2024

Accepted 26.04.2025

Revised 06.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Дарья Сергеевна Борисова — преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО МИД России; borisova.d.s@my.mgimo.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria S. Borisova — lecturer at the Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Lao and Khmer Languages, MGIMO University; borisova.d.s@my.mgimo.ru

ОБ ОДНОМ ОТЗЫВЕ НА МАРКЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, ИЛИ О ПРАВОМЕРНОСТИ ОБОБЩЕНИЯ В НАУКЕ

О.Г. Артемова

Воронежский государственный технический университет, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; olgaartemova65@yandex.ru

Аннотация: Данная статья является продолжением полемики, развернутой на страницах журнала авторами статьи «Об одном маркемологическом исследовании художественных текстов, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам» Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой. В указанной статье, основанной на анализе результатов исследования, опубликованных в монографии О.Г. Артемовой «Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза», авторы критически оценивают как сам научный подход, так и полученные в ходе исследования результаты, а также предлагают результаты собственных экспериментов. Основным возражением, на котором базируется статья Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой, является генетический состав лексем, составляющих маркемные списки, выделенные в результате обработки текстов исследуемых английских авторов, а именно — превалирование лексики романского происхождения над ангlosаксонской лексикой. Практически все остальные возражения в той или иной степени проистекают из убежденности авторов в том, что среди ключевых слов английской литературы неизбежно должен преобладать англосаксонский пласт лексики. Тем не менее, хотя у нас есть много вопросов к процедуре проведения авторами собственных экспериментов, а также их сопоставимости с анализируемым маркемологическим исследованием, их результаты, на наш взгляд, в целом коррелируют с генетическим составом маркемных списков текстов английских писателей. В представленной статье даются аргументированные ответы на основные, с нашей точки зрения, возражения, высказанные Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой, а также формулируются основные положения маркемологии — лингвистического направления, в русле которого осуществляется формализованный содержательный анализ художественного текста.

Ключевые слова: формализованный анализ текста; содержательный анализ текста; закон Ципфа; маркемология; маркема; становление английского литературного языка; происхождение слова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-7

Для цитирования: Артемова О.Г. Об одном отзыве на маркемологическое исследование, или О правомерности обобщения в науке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 81–91.

ON ONE MARKEMOLOGICAL STUDY REVIEW, OR ON VALIDITY OF GENERALIZATION IN SCIENCE

Olga G. Artemova

Voronezh State Technical University, Voronezh State University, Voronezh, Russia;
olgaartemova65@yandex.ru

Abstract: The paper continues the dispute, which T.S. Zevakhina and M.M. Philippova started in their article “On One Markemological Study, or Can Four Centuries of English Literature Be Reduced to Two Keywords” issued in one of the volumes of the journal. In their review of the book *Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles* by Olga Artemova, the authors criticize both the methodology and the results obtained. As an argument, they refer to the results of their own experiments. The authors’ major objection concerns the origin of markemes, i.e. prevailing markemes of Romance origin over Anglo-Saxon ones. The roots of nearly each objection of the authors lie in their conviction that the majority of literary keywords should be of Anglo-Saxon origin. There are many questions as to the procedure of their own experiments and their comparability with markemological study. Still we believe that the results the authors obtained and markemes origin in markemes lists follow each other in general. In this paper, we give reasons to basic objections raised by T.S. Zevakhina and M.M. Philippova and highlight the fundamental principles of markemology.

Keywords: formal analysis of text; content-based analysis; Zipf’s law; markemology; markeme; English literary language formation; word origin

For citation: Artemova O.G. (2025) On One Markemological Study Review, or on Validity of Generalization in Science. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 81–91.

Поводом к написанию данной статьи послужила статья Т.С. Зевахиной и М.М. Филипповой (в дальнейшем — оппонентов) «Об одном маркемологическом исследовании, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам» [Зевахина, Филиппова 2024].

Ограничены объемом статьи, остановимся на самых существенных моментах.

Вначале поясним, что такое *маркемология* и ее основное понятие — *маркема*.

Маркемология — лингвистическое направление, предлагающее формально-содержательный подход к исследованию текста.

Основные постулаты маркемологии:

- авторская интенция определяет содержание текста и выбор языковых средств ее реализации;
- частота слова в тексте есть равнодействующая двух закономерностей: объективной — языковой и субъективной — текстовой;
- авторский вес** слова в тексте зависит от соотношения двух параметров: субъективно-объективного — частоты и объективного — длины слова;

Повышенная частотность слова со временем уменьшает его длину. Как показал Дж. К. Ципф, в общем случае чем употребительнее слова, тем они короче, и наоборот — чем они длиннее, тем меньше их частота [Zipf 1935].

Авторский вес слова — это, так сказать, «сверхнормативная» частота слова, не объяснимая его длиной. Это и есть субъективная составляющая частоты слова, идущая не от языка, а от автора и его творческой задачи.

- авторский вес равный ИнТеМу (*Индексу Текстуальной Маркированности*) слова служит критерием выделения текстуально маркированной лексики;
- текстуально маркированная лексика служит источником выделения особого типа ключевых слов текста — **маркем**;
- маркемы фиксируют основные темы в творчестве автора и дают информацию о доминантах его художественного мира, мыслимых как активные сущности [Артемова 2020: 10].

Не каждая текстуально маркированная словоформа является маркемой. Маркема — это одна из 50-ти ключевых словоформ с максимальным значением ИнТеМа, прошедшая через 7 установленных фильтров, позволяющих отсечь маркемологически неинформативную лексику, к которой, в частности, относятся слова, отвечающие на вопрос «**О чём** текст?». К **маркемам** же относятся текстовые слова, отвечающие на вопрос «**Для чего** текст?», т. е. какое послание хотел передать людям автор своим текстом.

Как справедливо отмечает М.С. Потехина, «изучение ключевых слов в пределах группы текстов позволяет сделать акцент на близости данного языкового факта, т. е. актуализирует возможность ключевых слов представлять описание текста, маркировать его, соотносить с другими текстами, шире — **анализировать литературный язык на определенном этапе развития**», что, собственно, и определяет цель проведенного исследования [Потехина 2017: 286].

Основное возражение оппонентов вызвал качественный состав маркемных списков, а именно — тот факт, что в нем преобладает лексика романского происхождения.

Рекомендуем оппонентам ознакомиться с исследованием истории развития английского литературного языка В.Н. Ярцевой, указывающей на то, что результатом завоевания Англии норманнами в 1066 г. стала замена многих исконно английских слов французскими без существенного изменения их семантического объема, а убедительным свидетельством воздействия французского языка на английский «является наличие громадного количества лексем французского происхождения в словарном составе английского языка» [Ярцева 1985: 97]. Кроме того, преемственность литературного языка была нарушена закрытием или переходом в руки англо-норманнских писцов англосаксонских официальных центров письменности. Хотя «английский язык никогда не был единственным языком, который употреблялся в Британии» [Strang 1970: 39], указанные обстоятельства, а также тот факт, что генетически лексический состав английского языка почти на 70 % складывается из заимствований, основная часть которых романские, позволили некоторым лингвистам отнести современный английский язык по шкале генеалогической классификации «не к группе германских языков, а определять его как **романо-германский**» [Там же: 87]. Сходной точки зрения придерживался и Т. Лаунсбери: «Множества слов англосаксонского языка больше не существует в нашем языке, хотя бы и в измененной форме. Их место восполнено заимствованиями из других языков, особенно из латинского и французского. Заимствование осуществлялось в таких масштабах, что, если говорить только о лексике, возникает сомнение, является ли наш язык германским или романским» [Lounsbury 1906: 29].

Таким образом, преобладание слов романского происхождения в английском **литературном языке** обусловлено, в первую очередь, экстралингвистическими факторами.

Оппоненты не точны, утверждая, будто бы лишь 7 из 50-ти маркем имеют англосаксонское происхождение [Зевахина, Филиппова 2024: 116]. Указав *misunderstanding*, они выпустили из виду наличие в маркемном списке *understanding*, а наряду с ним отказали в англосаксонских корнях еще и *knowledge*, *workmanship*, *friendship*. Кроме того, в маркемном списке О. Уайлда находится не 3, а 7 слов с англосаксонским суффиксом *-ness*. В итоге в маркемном списке писателя слов полностью англосаксонского происхождения, а также имеющих в своем составе англосаксонские словообразовательные элементы — 15, или 30 % от общего числа маркем. Исходя из вышеизложенного, пресуппозиция поставленного оппонентами вопроса, подразумевающая непременное преобладание среди маркем германской лексики, представляется, во-первых, неточной в частностях, а во-вторых,

основанной на непонимании природы маркем и литературного языка, по существу.

Теоретическая база исследования подробно освещена в рецензируемой монографии [Артемова 2020: 31–35]. Тем не менее уважаемым оппонентам метод определения ИнТеМа как разности веса словоформы по частоте и по длине показался «экзотическим» [Зевахина, Филиппова 2024: 114].

Это определение можно принять, понимая экзотический как ‘малоизвестный, нетривиальный, оригинальный, новый’.

Между тем маркемология уже прошла серьезную научную апробацию, получив положительный отзыв от Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН и Института языкоznания РАН.

Повторим: функционирование словоформы в тексте характеризуется двумя составляющими: ее длиной и частотой употребления в тексте. Длина слова является объективным (языковым) параметром, над которым не властен автор текста. Частота употребления словоформы в тексте — равнодействующая объективной (языковой) и субъективной (текстовой, или авторской) закономерностей. Таким образом, длина словоформы — это объективный языковой фактор, а частота употребления — речевой субъективно-объективный фактор. Условно говоря, для слова, длина которого равна m букв, частота употребления в данном тексте объективно должна составлять n раз. Однако на частоту употребления словоформы в тексте влияет также субъективный, т. е. авторский, фактор — x , превращающий n в $n+x$. Поэтому, чтобы определить субъективный фактор, достаточно вычесть объективный фактор (вес словоформы по длине — m) из субъективно-объективного (вес словоформы по частоте — $n+x$), т. е. из частотной равнодействующей словоформы вычесть языковую составляющую. Полученная разность, или ИнТеМ, и будет указывать на степень субъективной (авторской, текстовой) весомости данной словоформы для данного текста. Вычисление ИнТеМа осуществляется по формуле

$$\text{ИнТeM} = \text{Ч-вес} - \Phi\text{-вес},$$

где Ч-вес — относительная частота словоформ, а Φ -вес — их функциональный вес (зависящий от длины словоформы). Каждый из весов для каждой словоформы определяется по формуле, предложенной В.Т. Титовым:

$$P_{r_i} = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где Σr — сумма единиц всех рангов (т. е. общее количество словоформ в данном тексте), R_{1-i} — сумма единиц от первого до данного ранга.

Ранги присваиваются словоформам в порядке убывания их частоты и возрастания длины [Титов 2004: 15].

Из возражений авторов статьи вызывает удивление их несогласие с переводом *consternation* как ‘ужас’ на том основании, что в словаре Мультитран данное слово имеет значение «внезапный испуг; оцепенение от страха» [Зевахина, Филиппова 2024: 115]. В словарях английского языка представлены следующие толкования слова *consternation*: ‘a feeling of shock or worry’ [Longman Dictionary of Contemporary English 1995]; ‘a worried, sad feeling after you have received an unpleasant surprise’ [Hornby 1987]. В Малом академическом словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой слово *ужас* толкуется как «1. чувство, состояние очень сильного испуга, страха; 4. крайнее изумление, негодование, расстройство и т. п., вызванное чем-л. неприятным, неожиданным» [Евгеньева 1985–1988]. Как видим, 1-е и 4-е значения слова *ужас* в русском языке включают и внезапный испуг, и страх, вызывающий оцепенение, и другие проявления отрицательного психоэмоционального состояния, что вполне согласуется с толкованием слова *consternation* в английских словарях.

Критически оценивая маркемный список Оскара Уайлда с позиции длины слова, оппоненты обосновывают свои возражения тем, что «в сознании поклонников слова [интересно, сознание скольких поклонников и каким образом было обследовано уважаемыми рецензентами — О.А.], связанные в их представлении с творчеством автора, в большинстве своем будут короткими: *love* ‘любовь’, *life* ‘жизнь’, *art* ‘искусство’, *culture* ‘культура’, *beauty* ‘красота’, *wonder* ‘чудо’». Не беремся возражать. Эти понятия в той или иной мере составляют эстетическую философию О. Уайлда.

Однако в художественном тексте всегда присутствует то, **о чём** повествуется (т. е. тематический план, и приведенные примеры хорошо в него вписываются) и то, **ради чего** повествуется (т. е. аксиологический план, составляющий часть художественной картины мира писателя). В художественном тексте находит свою реализацию ценностная парадигма автора, направленная на формирование ценностных ориентиров читателя, что является специфической чертой, характеризующей художественный дискурс.

Что же, по данным литературоведов (см., например, [Луков, Соломатина 2007]), составляет основные ценностные ориентиры О. Уайлда и как они согласуются с составом маркем писателя? В общем смысле — это взаимосвязь «добра» и «зла», рассматриваемая сквозь призму морали и нравственности, иными словами — личность (индивиду) с присущими ему качествами в отношении к обществу, искусству и жизни. Оценим с этих позиций список маркем Уайлда с доминантой *self-consciousness* ‘самосознание’ и вице-

доминантной *picturesqueness* ‘красочность’. Внимание писателя к личности человека подчеркивает наличие сразу трех маркем: *individualism* ‘индивидуализм, индивидуальность’, *individuality* ‘индивидуальность, личность’, *personality* ‘личность’, а также маркемы, связанной с человечеством — *civilisation* ‘цивилизованный мир’. Не имея возможности охарактеризовать весь маркемный список писателя, отметим, что выделенные маркемы вполне согласуются с ценностными и эстетическими ориентирами О. Уайлда, установленными исследователями его творчества. В этой связи вновь вызывает недоумение то исключительное значение, которое оппоненты придают происхождению маркем.

Что же касается скептика оппонентов относительно важности «двух слов» в развитии языка национальной литературы, отметим следующий фрагмент из отзыва Института русского языка им. В.В. Виноградова на кандидатскую диссертацию А.В. Кашкиной: «Один из значимых результатов исследования — выявление маркем-доминант, выражавших в сжатом виде жанрово-тематический облик поэзии того или иного хронологического среза (например, слово *добродетель* для XVIII в., *воспоминание* — для первой трети XIX в.), нескольких срезов (*человек* — для 1920–1950-х и 1960–1980-х гг.) и носящих общепоэтический характер... Нельзя не согласиться... в том, что воспроизведимость большинства маркем на протяжении истории русского поэтического языка говорит о высокой степени его преемственности и единстве... Причем синхронно-диахронический подход в сочетании с особенностями маркемной методики позволяет обнаруживать преемственность авторов и в конкретных чертах их поэтической техники, в выборе слов определенного типа».

Среди 50-ти интегральных маркем в проведенном нами исследовании есть как *сквозные*, представленные во всех срезах (их 5), так и маркемы, встречающиеся как минимум в двух срезах. Безусловно, не все из 50 интегральных маркем, объединяющих тексты 8-ми хронологических срезов, равнозначны. Самыми информативными среди них являются две первые маркемы с максимальным интегральным весом: первая из них называется *доминантной*, а вторая — *вице-доминантной*. Они подробно анализируются в монографии отдельно от остальных маркем в каждом хронологическом срезе и всем 400-летнем периоде в целом.

Далее оппоненты сетуют на то, что при изучении предложенной в монографии семантической классификации маркем «читателю явно не хватает объяснений со стороны автора, что она имеет в виду под качественными понятиями» [Зевахина, Филиппова 2024: 118]. Эти объяснения даны на с. 45 монографии: «Семантический блок

качественных маркем (Себ КачМ) составляют маркемы, характеризующие качества, присущие человеку (*tenderness* ‘нежность’, *jealousy* ‘ревность’, *patience* ‘терпение’), качества окружающего мира (*picturesqueness* ‘красочность’) и т. п.» [Артемова 2020: 45].

Отвечая на вопрос оппонентов, почему слово *understanding* в семантическом блоке «межличностные отношения» переведено как *взаимопонимание*, приведем его значения по данным Оксфордского словаря: 1. **understanding (of something)** the knowledge that somebody has about a particular subject or situation; 2. ability to understand why people behave in a particular way and to forgive them when they do something wrong **understanding between A and B** We are looking for a **better understanding** between the two nations [Hornby 1987]. Таким образом, в своем втором значении *understanding* означает согласие в отношениях, т. е. *взаимопонимание*, что мы и наблюдаем в следующем отрывке, взятом в качестве примера из романа У. Коллинз *Armadale*:

Only yesterday, the lawyers on both sides came to an understanding.
<...> *And this is what the two lawyers have settled between them* [Collins W. Armadale:332].

Возражение оппонентов вызвал также перевод *tenderness* словом ‘доброта’. Возражение вызвано отсутствием в значениях прилагательного *tender* слов *kind* или *kindly* ‘добрый’ [Зевахина, Филиппова 2024: 118]. Однако в том же Оксфордском словаре находим: *tenderness* — 1. The quality of being **kind**, gentle and loving She always treated him with tenderness and compassion [Hornby 1987]. Комментарии излишни. Что касается контекстуального разрешения многозначности, то каждое из приведенных оппонентами слов проверялось по контекстам вручную, а «при семантическом структурировании маркем мы учитывали тот факт, что ряд маркем выражают несколько маркемных значений, в связи с чем было принято решение включать их при необходимости одновременно в несколько семантических блоков с сохранением характеризующих эти маркемы параметров» [Артемова 2020: 58].

В заключение оппоненты задаются вопросом адекватности метода исследования, вызванным наличием 24 совпадающих маркем в маркемных списках Дж. Оруэлла и А. Мердок, поскольку, по их мнению, научный интерес представляет частное, индивидуальное, а не общее, объединяющее столь различных авторов. Но при всем своеобразии и уникальности каждого автора не стоит забывать, что все вместе они создают то, что называют английской литературой и языком английской литературы.

Изучая общее, наука не может обходиться без обобщений разной степени. Поэтому установление типичного в языке литературы не

менее важно, чем установление своеобразия идиостиля отдельного автора (что также делает маркемологию). Подойти к установлению того типичного, что в аксиологическом плане определяет английскую художественную прозу и характеризует ее как единый культурный процесс, и было призвано проведенное нами маркемологическое исследование.

Любое серьезное исследование не лишено недостатков, часть из которых уже получила анализ. В частности, это относится к вызвавшему возражение термину *маргинал*, соотносимому в маркемологии с понятием ‘край, граница’ — *margin*: писатели, располагающиеся на периферии ранжированной по маркемным весам группы авторов, в маркемологии именуются *маргиналами*. Действительно, в общеупотребительном языке за его омонимом закрепилось пейоративное значение, влияющее на восприятие данного термина и потенциально переносимое на писателя. С другой стороны, термин *маргинал* входит в парадигму: *нуклеар* — *медиар* — *маргинал*, что соответствует понятиям «типичное — особенное — нетипичное».

Переосмыслен подход и к семантическому структурированию маркем с использованием в качестве метаязыка исключительно русского языка.

Мы благодарны оппонентам за конструктивные замечания относительно не вполне удачного термина *стилистическая нейтральность*, за внимание к техническим деталям, а также за возможность познакомить читателей журнала с относительно новым нестоличным направлением в цифровой гуманитаристике — *маркемологией*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зевахина Т.С., Филлипова М.М. Об одном маркемологическом исследовании, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 111–124.
2. Zipf G.K. The Psycho-Biology of Language Cambridge. 1935.
3. Артемова О.Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза: Моногр. / Под ред. проф. А.А. Кретова. Воронеж, 2020.
4. Потехина М.С. Проблемы ключевых слов в филологии / М.С. Потехина // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 284–287.
5. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. М., 1985.
6. Strang B.M.H. A History of English. L., 1970.
7. Lounsbury T.R. History of the English Language. L., 1906.
8. Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2007. № 1. С. 81–90.
9. Титов В.Т. Частная квантиitative лексикология романских языков: Монография Воронеж, 2004.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow. 1995.

11. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1987.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Collins, Wilkie Armadale [Электронный ресурс] / Wilkie Collins. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1895/1895-0.txt> (дата обращения: 30.06.2018).

REFERENCES

1. Zevakhina T., Philippova M. Ob odnom markemologicheskem issledovanii, ili mozhno li svesti chetyre veka anglijskoj literatury k dvum kluchevym slovam [On One Markemological Study, or Can Four Centuries of English Literature Be Reduced to Two Keywords]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*. 2023, no. 1, pp. 111–124. (In Russ.)
2. Zipf G.K. *The Psycho-Biology of Language*. Cambridge. 1935.
3. Artemova O.G. *Yazykovye klyuchi k anglijskoj literature ot Shekspira do Faulza: monografija* [Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles: Monograph]. Ed. by Prof. A.A. Kretov. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2020. (In Russ.)
4. Potekhina M.S. Problemy klyuchevyh slov v filologii [Problems of Keywords in Philology]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2017. T. 17, Issue 3, pp. 284–287. (In Russ.)
5. Yartseva V. N. *Istoriya anglijskogo literaturnogo jazyka IX–XV vv.* [9th–15th Century History of English Literary Language] Moscow: Nauka, 1985. (In Russ.)
6. Strang V. M. H. *A History of English*. L., 1970.
7. Lounsbury T.R. *History of the English Language*. L. 1906.
8. Kretov A. A. Metod formal'nogo vydelenija tematicheski nejtral'noj leksiki (na primere staroslavjanskih tekstov) [A Method of Formal Identification of Thematically Neutral Words]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: System Analysis and Information Technologies*. 2007, no. 1, pp. 81–90. (In Russ.)
9. Titov V.T. *Chastnaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh jazykov*: Monografiya [Specific Quantitative Lexicology of Romance Languages: Monograph]. Voronezh: VSU Publishing House, 2004. (In Russ.)
10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Harlow. 1995.
11. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford. 1987.
12. *Slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [The Dictionary of Russian Language in 4 Volumes]. RAN, In-t lingvistich. issledovanij; pod red. A. P. Evgen'jevoj. 4-e izd., ster. Moscow: Russkij jazyk; Poligrafresursy, 1999. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

Collins, Wilkie Armadale. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1895/1895-0.txt> (accessed: 30.06.2018) (In Eng.)

Поступила в редакцию 28.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 15.11.2025

Received 28.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 15.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Ольга Григорьевна Артемова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и технологии перевода Воронежского государственного технического университета; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета; olgaartemova65@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Artemova — Prof. Dr., Department of Foreign Languages and Translation Technology, Voronezh State Technical University; Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University; olgaartemova65@yandex.ru

АВТОРСКАЯ ГРАФИКА В РАННЕЙ ПРОЗЕ Э.В. ЛИМОНОВА НА СТРАНИЦАХ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ РАЗНЫХ ЛЕТ

О.Д. Сабанова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; *sabanova.o@yandex.ru*

Аннотация: Русский писатель, политик и публицист Э.В. Лимонов создал один из крупных корпусов современных русскоязычных текстов. В фокусе данной статьи находятся графические языковые средства как один из способов выразительности в ранней прозе Лимонова, который стремился «писать, как говорил» и «говорить, как писал». Лимонов визуально выделяет концептуально значимые слова в некоторых инвективных и (или) ироничных пассажах, для чего обращается к заглавному или строчному употреблению личных местоимений; представлению концептуально значимых лексических единиц в соответствии с их живым произношением. В работе сделан акцент на заглавном/строчном написании автором ключевых слов заголовка, а также на предпочтении тире, более интонационного знака препинания, в случаях конкуренции с запятой. Закономерности в использовании визуальных маркеров позволяет проследить составленный нами фоновый корпус, включающий собрание лимоновских сочинений из фонда Российской государственной библиотеки, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), рукописный и машинописный архив 1976–1993 годов из частной коллекции и архивы Музея современного искусства «Гараж», а также русскоязычные и иноязычные версии произведений из открытого доступа в интернете. В результате текстологического, семантико-синтаксического и переводоведческого анализа автор исследования выводит три редакторских стратегии при подготовке лимоновских текстов к печати и предлагает подход, позволяющий сохранить и передать авторскую орфографию и пунктуацию в будущих русскоязычных переизданиях и переводах на иностранные языки.

Ключевые слова: идиостиль Эдуарда Лимонова; авторская графика; семантико-синтаксический анализ; текстология; переводоведение; рукописи Эдуарда Лимонова; автофикшен

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-8

Для цитирования: Сабанова О.Д. Авторская графика в ранней прозе Э.В. Лимонова на страницах рукописей и изданий разных лет // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 92–104.

THE AUTHORIAL GRAPHICS IN E. LIMONOV'S EARLY PROSE ON THE PAGES OF MANUSCRIPTS AND PUBLICATIONS OF DIFFERENT YEARS

Olesia D. Sabanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sabanova.o@yandex.ru

Abstract: Russian writer, politician and publicist E. Limonov has created one of the largest corpora of contemporary Russian-language texts. The focus of this article is on the graphic linguistic means as one of the techniques of expression in early prose by Limonov, who strove to 'write as he spoke' and 'speak as he wrote'. Limonov visually distinguishes conceptually significant words in some invective and (or) ironic passages, for this purpose he turns to the capital or lowercase use of personal pronouns; writing conceptually significant lexical units in accordance with their live pronunciation. The paper emphasises the author's uppercase/lowercase spelling of the key words of the title, as well as his preference for the dash as a more intonational punctuation mark in cases of competition with the comma. The tendencies in the use of the visual markers can be traced by the background corpus we have complied from the Limonov's works from the Russian State Library collection, data from the Russian National Corpus, General Internet Corpus of the Russian Language, a handwritten and typewritten archive (1976–1993) from private collection and archives from Garage Museum of Contemporary Art, as well as Russian and foreign-language versions of the works from open access on the Internet. As a result of textual, semantic-syntactic and translation comparative analysis, the author of the study suggests three editorial strategies in preparing Limonov's texts for printing and proposes an approach that allows to preserve and deliver the author's orthography and punctuation in the future Russian-language reprints and translations into foreign languages.

Keywords: Edward Limonov's idiosyncrasy; authorial graphics; semantic-syntactic analysis; textology; translation studies; Edward Limonov's manuscripts; autofiction

For citation: Sabanova O.D. (2025) The Author's Graphics in E.V. Limonov's Early Prose on the Pages of Manuscripts and Publications of Different Years. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 92–104.

Творческое наследие Э.В. Лимонова (1943–2020) всегда приковывало внимание исследователей, этот интерес не утихает и сейчас [Демидова 2023; Егоров 2023; Ничипоров 2023; Осьмухина 2024]. Тем не менее произведения писателя не подвергались системному лингвистическому анализу, в частности, не изучались уникальные особенности авторской графики в печатных изданиях на фоне рукописных и машинописных архивных материалов 1976–1993 годов и переводов на другие языки. Выбранный метод позволяет (1) составить более целостное и одновременно детальное представление об идиосинкразии [Кругосвет. Идиостиль] литературного и политиче-

ского деятеля, создавшего один из крупных современных русскоязычных корпусов текстов; (2) точнее описать авторское использование выразительных визуальных средств языка и проанализировать их прагматику; (3) определить возможные редакторские подходы к подаче выявленных графических особенностей письма Лимонова в новых русскоязычных изданиях и переводах на иностранные языки.

В программе «Матадор» (1992) Лимонов рассуждает о том, как он использует в своих произведениях «нелитературный язык», который был для советского читателя в новинку¹. Прием «пишу, как говорю» / «говорю, как пишу» Лимонов позаимствовал у американских и французских писателей XX века (Г. Миллера, Л.-Ф. Селина)², а отточить навык смог в дневниковых заметках, которые педантично вел в обычных тетрадях³. Ориентация Лимонова на разговорный дискурс, его любовь к жанровым экспериментам, переход от лирики к прозе⁴ — все это подталкивает писателя к поиску новой риторики, не имеющей precedентов в мире литературы.

Авторская орфография

Обратимся к тексту романа Лимонова «Это я — Эдичка» (1976), главный герой-Лимонов которого не принимает меркантильный, по-обывательски узкий образ мысли среднего американца; не справляется со злой болью, причина которой — отвергнувшая поэта страна Советов; отторгает мир американского маргинального «дна», частью которого он стал поневоле.

В одном из пассажей главы I Эдичка, негодуя, обращается к своему умозрительному обидчику (пример № 1.1): «Я вам не нравлюсь? Вы не хотите платить? Это еще очень мало — 278 долларов в месяц. Не хотите платить. А н***я Вы меня вызвали, выманили сюда из России, вместе с толпой евреев?» («Ковчег», 1979, стр. 11; New-York Index Publ, 1979, стр. 9; «Глагол», 1991, стр. 26 [Каталог РГБ]). Пример № 1.1 включает слово-концепт «скучно»⁵, в графическом облике

¹ Э. Лимонов в передаче «Матадор» (1992). Таймкод: 47:41–49:27.

² О восприимчивости поэтики Лимонова к глобальным литературным тенденциям см. [Кравченко 2022; Демидова 2023: 453].

³ Частный архив (рукопись). На корочке тетради — заметка от руки: «Шестьдесят вторая тетрадь Э. Лимонова (подчеркнуто). Начата: le 24 août 1993 (86, Rue de Turenne); отсутствуют записи с 16 сентября по 14 декабря — я был в Москве». Здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены.

⁴ Тогда Лимонов был известен прежде всего как поэт-«смогист» [Николюкин 2001: 1004; Гуманитарный фонд 1990].

⁵ См. также сборник эссе «СМРТ» (2008): «Но Димич выбрал правильный, хотя и ложный аргумент, я готов был ехать куда угодно, но не туда, где “скучно”» (глава «Черногорцы»).

которого передана старомосковская орфоэпическая норма. Лимоновский герой, чья жизнь похожа на авантюру, словом «скушно» клеймит рутинный, предсказуемый образ жизни. В ранних изданиях «Эдички» именные лексемы «скушно» и «скушный» представлены 18 раз без графических альтернатив (New-York Index Publ, 1979, стр. 9 [Каталог РГБ]). В выпусках «Эдички» 1991–1992 годов «скушно» пишется как «скучно» (Renaissance, 1991, стр. 16; «Омское книжное издательство», 1992, стр. 260; «Конец века», 1992, стр. 16; «Альпина нон-фикшн», 2021, стр. 7 [Каталог РГБ]), за исключением книги издательства «Глагол» (1991, стр. 26 [Каталог РГБ]).

Закономерность использования приема поддерживается вхождением варианта «скушно» в широкий корпус лимоновских текстов. В «Дневнике неудачника» слово «скушно» встречается 9 раз [Лимонов 2007]; в отрывках из «Дневника неудачника» 2 случая («Эхо», 1978, стр. 65) и 1 случай («Огонек», 1990, стр. 21) написания «скушно» / «скушный» в разных контекстах (вероятно, в полных версиях их больше); в стихотворениях Лимонова из [День литературы 2004] есть 2 примера написания через «ш»; 1 раз «скушный» и 2 раза «скушно» встречается в «Молодом негодяе» («Вагриус», 1998 [Каталог РГБ]).

О.В. Антонова в статье «О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи» [Антонова 2007: 230] пишет: «...согласно старой московской норме, буквосочетание чн заменялось на [шн] ([шн']) в определенном кругу “обиходных” слов». К «разговорным», «обиходным» словам Антонова, анализируя работы В.И. Чернышева и Ф.Е. Корша, относит произношение слова «скушно» как «ску[шн]о» [Там же: 230]. При этом слово «скучно» определяется Антоновой к группе слов, в рамках которой «существуют произношения [шн] и [чн] при преобладании старшего варианта» [Там же: 231]. Маркировка этого слова как просторечного или архаичного кажется исследовательнице поспешной, поскольку «во множестве случаев литературно говорящие москвичи (в том числе и молодые) используют старомосковскую норму в произнесении таких слов, как: беспорядо[шн]ый, було[шн]ая, горни[шн]ая» и др. [Там же: 232]. Важно отметить, что примеры употребления слова «скушно» в письменной речи в статье не рассматриваются.

Для лексемы «скушно» Национальный корпус русского языка (НКРЯ) предлагает конкорданс из 293 вхождений; для лексемы «скушный» — 89 (всего 382 случая). В выдачу по лексеме «скушно» попадают переписки на форумах и фрагменты художественных произведений, то есть тексты, в которых в разной степени отражается разговорность. Представлены фрагменты работ Э.В. Лимонова и его современников — В.В. Ерофеева, В.В. Катаняна, А.Н. Арбузова

и др. Помимо этого, в НКРЯ включены отрывки из произведений, созданных в XIX — на рубеже XIX–XX веков. Слово «скушно» применяется в рамках прямой (чужой) речи, ср.: «Тихонько просвистела шелковыми крыльями ночная птица. Скушно, — сказал Тимка. Пойду спать...» («Тимка», 1917, М. Горький); «<Акулина Ивановна> <...> Оxo-xo! Скушно что-то... И как это по вечерам скушно всегда...» («Мещане», 1901, М. Горький); «Скушно мне! — донесся с передних возвов крик Дымова» («Степь», 1888, А.П. Чехов); «<Рассказ няньки> Все ему, милые, скушно: и работать скушно, и со мной чай пить скушно» («О любви (из дневника)», 1918–1919, М.И. Цветаева).

Генеральный интернет-корпус русского языка [ГИКРЯ] отмечает 64 вхождения слова «скушно» и 447 употребления лексемы «скушный» (всего 511), что в общей сложности на 129 случаев превышает количественный показатель НКРЯ. Это говорит о распространенности такого написания в интернет-текстах, где авторы более свободно используют разговорные средства языка.

Выбор строчной и прописной литеры

В романе «Это я — Эдичка» особое место занимают личные местоимения как средство реализации оппозиции «свой» / «чужой». Представленное в примере № 1.1 с заглавной буквы местоимение «Вы» кажется опечаткой на фоне вариантов написания со строчной буквы (исключение — начало предложения как позиция нейтрализации). Однако в более поздних печатных версиях романа наблюдаются вариации, подтверждающие намеренность в использовании приема: 1) строчное написание местоимения «вы» с выделением курсивом («МОКА», 1993, стр. 5; «Вагриус», 1998, стр. 11 [Каталог РГБ]); 2) строчное написание местоимения «вы» без курсива (Renaissance JV EWO-S&D, 1991, стр. 16; «Омское книжное издательство», 1992, стр. 260; «Конец века», 1992, стр. 16; «Конец века» в сотрудничестве с «Аргументами и фактами», 1992, стр. 16⁶; «Центрально-Черноземное книжное издательство», 1993, стр. 172; «Альпина нон-фикшн», 2021, стр. 7 [Каталог РГБ]⁷).

Правописание местоимения в форме 2 л., мн. ч. со строчной/заглавной буквы зависит от контекста. Вариант «Вы» / «Ваш» может встречаться: 1) в личных письмах, где адресатом выступает одно лицо; 2) в официальных документах, адресованных одному лицу; 3) в анкетах, рекламных листовках, обращенных к широкой ауди-

⁶ Экземпляр книги от издательства «Конец века» при поддержке «Аргументов и фактов» (1992) хранится в [Каталог РГБ] и на сайте limonow.de не указан.

⁷ Здесь и далее мы обращаемся к перепечатанным текстам Э. Лимонова с веб-архива limonow.de, ранее самого полного. В них была выдержанна авторская редакция.

тории [Грамота.ру]. Употребление прописного варианта местоимения «Вы» связывают с формой выражения вежливости к одному конкретному лицу. В обратном случае, когда под адресатом сообщения подразумевается множество лиц, принято строчное написание «вы». Ю.Д. Апресян при разборе системы личных местоимений в рамках представления о «личной сфере говорящего» выделяет основные и периферийные значения у местоимений «ты» и «вы»: «При толковании местоимения Ты достаточно сказать, что такого обращения удостаивается любой объект, который в нее входит. Вы (вежливое), по контрасту, становится способом обращения к тем объектам (преимущественно людям), которые находятся за пределами личной сферы говорящего. Возможно, что грубовато-фамильярное ты придется тогда выделить в самостоятельное значение или подзначение» [Апресян 1995: 646]. Контекст № 1.1 нельзя назвать вежливым, поскольку высказывание соотносится скорее с речевым актом обвинения [Дубовская 2013]. Имплицитно автор обращает свою инвективную речь не к конкретному человеку, а к группе лиц — это, с одной стороны, представители американского общества, а с другой — каждый, кого Эдичка считает виновником тех сложных обстоятельств жизни, в которых оказался. Благодаря прописному написанию местоимения «Вы» инвективные и (или) ироничные отрывки становятся более экспрессивными, дистанция между говорящим и адресатами («чужими») увеличивается. Вероятно, прагматический потенциал заглавного «Вы» как формы выражения вежливости реализуется у Лимонова следующим образом: это попытка возвыситься над ситуацией, не потерять свое лицо перед «чужими», произнося свою гневную речь.

Судя по архивам, Лимонов колебался при выборе заглавного или строчного написания местоимения «вы»: 2.1) «Если Вам скучно и Вы хотите приобщиться к трагедии, а автор также не может с трагедией жить — то Вы легко можете соединиться. <...> У Вас артистическое мышление // Вещи Елены — предмет выставки»⁸; 2.2) «<...> (Нинка гов-а “неужели Вы до сих пор еще е**тесь?”)»⁹; 2.3) «Ты же сам гов-ишь про этих людей кот-ые тебя видели в СССР “Вот вы были такой романтичный поэт”»¹⁰. То же увидим в зрелых, выпущенных при жизни романах в авторской редакции: 2.4) «После

⁸ Частный архив (рукопись). В ночь с 19-го на 20-е февраля 1976 г. Лимонов рефлексирует над отношениями с женой Еленой и придумывает эпатажную выставку-перформанс в умозрительной галерее «Елена».

⁹ Частный архив (рукопись). Запись № 59 от 21 апреля 1991 г. Лимонов выясняет отношения со своей женой Н. Медведевой. Фраза Медведевой в пересказе автора взята из начала реплики.

¹⁰ Там же, конец реплики Медведевой.

войны нечищеную картошку называли “в мундире”. У нас, в нашей местности, в Харькове называли “в мундире”, а у Вас, в Вашей?» («Монголия», изд. «Питер», 2018); 2.5) «Но где вы видели красивых карликов?» (там же); 2.6) «На вас дали ориентировку...» Отпустили. Через десяток километров в темноте зажглись фары. Бегут с оружием. “А что Вы натворили? На Вас ориентировка”. Но им не приказали нас задерживать» (там же). Отрывки № 2.1–2.6 предлагают разные условия для реализации заглавного написания личного местоимения «Вы». Наиболее близким по прагматике к словоупотреблению из примера № 1.1 является случай № 2.2, где «Вы» называет группу лиц (т. е. Э. Лимонова и его жену Н. Медведеву) и используется в грубовато-фамильярном контексте (в терминах Ю.Д. Апресяна).

В выпуске «Эдички» от «Центрально-Черноземного книжного издательства» (1993) [Каталог РГБ] написание лексем «вы» и «скучно» соответствует литературной норме, хотя в предисловии сказано: «Как и все предыдущие издатели предлагаемых романов Наталии Медведевой и Эдуарда Лимонова, мы не считаем возможным вторгаться в авторский текст и каким-то образом очищать его от так называемой ненормативной лексики, “натуралистических описаний” сексуальных сцен и т. п. Читатель сам убедится, что все названное несет свою органичную именно для этих произведений художественную функцию и должно оцениваться лишь с этой стороны». В ряде контекстов наблюдается гиперкоррекция: «Его Величество Нож» (там же, стр. 242) вместо «Его Величество нож» (New-York Index Publ, 1979, стр. 79). Издатели ссылаются на версию романа 1980 года, однако в интернете и в [Каталог РГБ] [Библиография] сведения о нем отсутствуют.

Графическое выделение идейных слов у Лимонова — сильное средство выразительности, что считывается в заголовках¹¹. Тем не менее порой однозначно судить о графике в названии, не сверяясь с рукописью, сложно. Для романа «У нас была Великая Эпоха» мы выделили несколько вариантов написания: 1) как в предложении («У нас была великая эпоха»); 2) ключевые слова — с заглавной буквой («У нас была Великая Эпоха»); 3) как фразу, вырванную из контекста («...у нас была Великая Эпоха» / «...У нас была Великая эпоха»); 4) с использованием прописных литер («У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЭПОХА»). Подходящей кажется версия (2), поскольку сам Лимонов часто использовал заглавные буквы для выделения ключевых слов, ср.: «Явно что Мама Россия занята, — мазохистски копается во внутренностях своей собственной истории...» [Лимонов 1990: 332];

¹¹ Ср., например, заглавия сочинений «Книга Воды» (2002, Ad Marginem, [Каталог РГБ]); «Убийство Часового» (1993, «Молодая гвардия», [Там же]).

«Там-то, на Дунае, я и сообщил ему, что у меня есть повесть “У нас была Великая Эпоха”» («Книга Воды», 2002, стр. 138 [Каталог РГБ]). В издательстве «Глагол», выпускавшем лимоновские тексты без изменений, оба слова маркированы графически: «...в рамках литературно-художественного журнала <“Глагол”> вышли и готовятся к выпуску следующие издания: ... № 18. Эдуард Лимонов. “У нас была Великая Эпоха”, “Подросток Савенко”» [Лимонов 1992: 252].

Авторская пунктуация

В начале 90-х, как только Лимонов вернулся из французской эмиграции и начал свою политическую карьеру, к его фигуре проявился общественный интерес: «Об Эдуарде Лимонове до последнего времени мы почти ничего не знали. Вспоминали его разве что в связи с промелькнувшей в начале 80-х газетной статьей: она была посвящена роману “Это я — Эдичка”...» (журнал «Знамя», 1989, стр. 76). Стали активно издаваться старые и новые лимоновские книги: работу над текстом оставляли в стороне, в первую очередь публику нужно было познакомить с идеями писателя. Так, в романе «Это я — Эдичка» от «Омского книжного издательства» (1992), который «печатался по изданию: Э. Лимонов. Это я — Эдичка. — Роман. Москва. “Глагол”. № 2. 1990» [Каталог РГБ], авторская графика не сохраняется, хотя у издательства «Глагол» была продуманная редакторская политика: «Эдичка» (1991) [Каталог РГБ] действительно «воспроизводится с американского издания 1979 года»¹², как и «Дневник неудачника» [Лимонов 1992]. Вероятно, при подготовке «Эдички» к выпуску в «Глаголе» обращались к американской версии Index Publ (1979) [Каталог РГБ]¹³ или, с меньшей вероятностью, к парижскому журналу «Ковчег» (1979), где напечатаны только фрагменты романа. В других выпусках «Эдички» от издательства «Глагол» (1990, 1991)¹⁴ стоит копирайт 1979 года, предположительно отсылающий именно к публикациям New-York Index Publ. Этую гипотезу подтверждает переиздание «Дневника неудачника» [Лимонов 1992] по единственному за 1982 год русскоязычному выпуску-образцу New-York Index Publ.

¹² В выходных данных указано: «Роман воспроизводится с американского издания 1979 года».

¹³ Известно, что New-York Index Publ сделало не менее 3-х перевыпусков романа «Это я — Эдичка» с 1979 по 1989 гг.

¹⁴ Выпуски романов «Это я — Эдичка» и «Дневник неудачника» от издательства «Глагол» этих лет отсутствуют в фонде РГБ, в музейной коллекции «Гараж» и изученном частном архиве 1976–1993 годов. Сведения собраны по фотографиям выходных данных книг из интернета и из экземпляров, выставленных в антикварных букинистических магазинах.

В оформлении названия романа «Это я — Эдичка» тире предпочтительнее запятой¹⁵. В первых русскоязычных публикациях и их переизданиях пишется только тире («Ковчег», 1979; New-York Index Publ, 1979–1989). В выходных данных книги от New-York Index Publ (1979) предложены транслитерация и перевод заглавия на английский язык: «EDWARD LIMONOV. ETO YA — EDICHKA. (IT'S ME — EDDIE). ЭДУАРД ЛИМОНОВ. ЭТО Я — ЭДИЧКА». Параллельно выходят англоязычные переводы С.Л. Кэмпбелла, где тире заменяется запятой (Random House, 1983; Pan Books Ltd., 1983; Grove Press, 1987) — знаком, который Лимонов нередко игнорировал¹⁶ или заменял тире, более интонационным пунктуационным средством, в ряде позиций вытесняющим запятую [Валгина 2004]. В 90-х к русскоязычным публикациям с тире (три издания «Глагола» в 1990–1991 годах; «Омское книжное издательство», 1992; «МОКА», 1993; «Центрально-Черноземное книжное издательство», 1993) добавляются варианты с запятой, вероятно, ввиду иноязычного влияния (Renaissance, 1991; «Конец Века», 1992). Существуют переводы «Эдички» с английского на сербский («ЛОМ / ЛОМ», 2022), повторяющие англоязычную графику и поддерживающие в славяноязычном пространстве форенизированный вариант с запятой.

Выводы

Лимонов осознанно использует графику для выделения концептуально важных слов в отрывках, в которых нередко чувствуется ориентация на передачу разговорности, инвективы и (или) иронии, а также для развития идейной связи между своими произведениями.

В результате анализа корпуса лимоновских текстов мы выделили несколько редакторских подходов к подготовке публикаций произведений писателя. Это:

1. Точная передача авторской графики в соответствии с рукописью (в первых публикациях рукописей и (или) прижизненных изданиях).

¹⁵ Об истории заглавия — в шоу «Минаев LIVE» (2012). Таймкод: 21:30–24:00. Ср. с примерами из текста: «Замораживает воду с одного взгляда. ОНА — БОГ» («История его слуги»); «...она моя герл-френд, и я — авантюрист...» (там же); «Он — старший брат» («Подросток Савенко»); «Ему шестьдесят, он — бывший лесник» («Книга Воды»). Ср. также с другими заголовками лимоновских сочинений: «Мы — национальный герой», «СССР — наш Древний Рим».

¹⁶ В печати у Лимонова часто стоит тире там, где в норме ставится запятая, например: «Во-первых — картины — это тщательно расчерченные, как правило, очень большие полотна маслом» («Эдичка»); «Я люблю вечернее небо. Сужающийся летний вечер. // Тихую тоску собственной прошедшей юности. // И неожиданно Вас — мой милый друг» («Дневник неудачника»); «Чищу потому, что вместе с работой хаузкипера я сохранил за собой и свою старую работу — а именно “тяжелую чистку”» («История его слуги»).

2. Соблюдение авторской графики в соответствии с более ранним печатным изданием (не обязательно прижизненным).

3. Несоблюдение авторской графики из-за сверки с другим, более ранним и менее точным вариантом текста; из-за корректорской правки и др.

Зрелые прижизненные публикации Лимонова иногда содержат (1) предисловие писателя или (2) вступление издателя с выражением авторской воли, на которые могут опираться редакторы: (1) «Книга публикуется в авторской редакции» («Монголия», издательство «Питер», 2018); (2) «При этом отмечаем, что весьма оригинальные суждения и стиль, вплоть до пунктуации, Э. Лимонова оставляем, как он того и требует, в полной неприкословенности. И всю ответственность за эту весьма резкую подчас оригинальность возлагаем на него» («Лимонов против Жириновского», издательство «Конец Века», 1994, стр. 3). Правом выражаться по-своему Лимонов пользуется и в рамках интервью: «У меня своя манера выражаться, так что меня вы не поправляйте, пожалуйста»¹⁷.

Полученные сведения актуальны при подготовке новых аутентичных русскоязычных переизданий и переводов на иностранные языки. В дальнейшем интересно рассмотреть и другие лимоновские графические эксперименты и описать их прагматику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова О.В. О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 225–239.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
3. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М., 2004.
4. Грамота.ру (портал). Как писать ВЫ и ВАШ — с прописной или со строчной буквы? [Электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/pismovnik/kak-pisat-vy-i-vash-s-propisnoy-ili-so-strochnoy-bukvy> (дата обращения: 02.12.2024).
5. Демидова О.Р. Автобиографическая сага Эдуарда Лимонова: исповедь Супермена // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье. 2023. С. 450–466. doi: 10.22455/978-5-9208-0740-3.
6. Дубовская Т.В. Семантическое поле отрицательной оценки в русском и английском языках: осуждения и обвинения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 4 (28). С. 134–146.
7. Егоров М.Ю. Трангрессивность романа Э. Лимонова «Это я — Эдичка» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4. С. 87–102. doi: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_87.
8. Иващенко Ю. Бездельники карабкаются на Парнас // Гуманитарный фонд (архив музея «Гараж»). № 1. 1990. С. 2. [Электронный ресурс] URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/document/L32822> (дата обращения: 02.12.2024).

¹⁷ Э. Лимонов в передаче «По-живому» (2018). Таймкод: 04:47–05:16.

9. Кравченко М. Французские мотивы и образы в романе Эдуарда Лимонова «История его слуги» // Pechorin.net. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://pechorin.net/articles/view/frantsuzskie-motivy-i-obrazy-v-romanie-eduarda-limonova-istoriia-iegho-sluchi> (дата обращения: 08.06.2024).
10. «Кругосвет» (энциклопедия). Идиостиль. [Электронный ресурс] URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html (дата обращения: 01.09.2025).
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001.
12. Лимонов Э. в передаче «Матадор» (1992). [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.ru/video/preview/8972103947544963737> (дата обращения: 08.06.2024).
13. Лимонов Э. в передаче «По-живому» (2018). [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.ru/video/preview/9437899541356854244> (дата обращения: 04.12.2024).
14. Лимонов Э. в шоу «Минаев LIVE» (2012). [Электронный ресурс] URL: https://vkvideo.ru/video-8091320_456239300 (дата обращения: 20.12.2024).
15. Ничипоров И.Б. С видом на промзону: роман Э. Лимонова «В Сырах» // Профессорский журнал. 2023. № 4. 23–28. doi: 10.18572/2687-0339-2023-4-23-28.
16. Осъмухина О.Ю. Специфика автоинтерпретации в романе Э. Лимонова «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отечестве» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 3. С. 865–870. doi: 10.30853/phil20240124.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Архив рукописей и машинописей Э.В. Лимонова из частного собрания.
2. Библиография Лимонова Э.В. Веб-архив. [Электронный ресурс] URL: <https://www.limonow.de/> (дата обращения: 20.12.2024).
3. Генеральный интернет-корпус русского языка (ТИКРЯ). [Электронный ресурс] URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).
4. Каталог Российской государственной библиотеки (РГБ). [Электронный ресурс] URL: <https://www.rsl.ru/> (дата обращения: 28.12.2024).
5. Лимонов Э.В. Дневник неудачника или Секретная тетрадь. М., 1992.
6. Лимонов Э.В. Стихи // Газета «День Литературы». 2004. № 78. [Электронный ресурс] URL: <https://litmir.club/br/?b=130991&p=4> (дата обращения: 04.12.2024).
7. Лимонов Э.В. Стихи разных лет (в авторской редакции) // Газета «Завтра». 2003. № 7. [Электронный ресурс] URL: <https://pub.wikireading.ru/180043> (дата обращения: 22.12.2024).
8. Лимонов Э.В. Дневник неудачника (2007) // Тг-канал «Настоящее преступление». [Электронный ресурс] URL: <https://t.me/truecrime/8486> (дата обращения: 21.12.2024).
9. Лимонов Э.В. Это я — Эдичка. М., 1990.
10. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.12.2024).

REFERENCES

1. Antonova O.V. O refleksakh staromoskovskogo proiznosheniya v sovremennoi zvuchashchei rechi [About reflexes of Old Moscow pronunciation in modern sounding speech]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, 1 (13), pp. 225–239. (In Russ.)
2. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy, tom II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Selected works, vol. II. Integral description of language and system lexicography]. Moskva, Shkola 'Yazyki russkoi kul'tury'. 1995. 767 p. (In Russ.)

3. Gramota.ru (portal). Kak pisat' VY i VASH — s propisnoi ili so strochnoi bukvy? [Gramota.ru (portal). How to write YOU and YOUR — with capital or lowercase letter?]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/pismovnik/kak-pisat-vy-i-vash-s-propisnoy-ili-so-strochnoy-bukvy> (accessed: 02.12.2024). (In Russ.)
4. Demidova O.R. Avtobiograficheskaya saga Eduarda Limonova: ispoved' Supermena [Eduard Limonov's Autobiographical Saga: The Superman's Confession]. *Femininnost' i maskulinnost' v kul'ture moderna: Rossiya i zarubezh'e*, 2023, pp. 450–466. (In Russ.). doi: 10.22455/978-5-9208-0740-3.
5. Dubovskaya T.V. Semanticeskoe pole otritsatel'noi otsenki v russkom i angliiskom jazykakh: osuzhdeniya i obvineniya [Semantic field of negative evaluation in Russian and English languages: condemnation and accusation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region*, 2013, 4 (28), pp. 134–146. (In Russ.)
6. Egorov M.Yu. Transgressivnost' romana E. Limonova «Eto ya — Edichka» [The transgressive nature of E. Limonov's novel 'It's Me, Eddie']. *Mir russkogovoryashchikh stran*, 2023, 4, pp. 87–102. (In Russ.). doi: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_87.
7. Ivashchenko Yu. Bezdel'niki karabkayutsya na Parnas [Slackers climbing Parnassus]. *Gumanitarnyi fond (arkhiv muzeya «Garazh»)*, 1990, 1, p. 2. URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/document/L32822> (accessed: 02.12.2024). (In Russ.)
8. Kravchenko M. Frantsuzskie motivy i obrazy v romane Eduarda Limonova «Istoriya ego slugi» [French motifs and images in Eduard Limonov's novel 'The Story of His Servant']. *Pechorin.net*, 2022. URL: <https://pechorin.net/articles/view/frantsuzskie-motivy-i-obrazy-v-romanе-eduarda-limonova-istoriia-iegho-slughi> (accessed: 08.06.2024). (In Russ.)
9. «Krugosvet» (entsiklopediya). Idiostil' ['Krugosvet' (encyclopaedia). Idiostyle]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html (accessed: 01.09.2025). (In Russ.)
10. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary Encyclopaedia of Terms and Concepts]. Moskva, Izdatel'stvo NPK 'Intervak'. 2001. Glavnyi redaktor i sostavitel' A.N. Nikolyukin. 1600 p. (In Russ.)
11. Limonov E. v peredache «Matador» (1992) [Limonov E. in the programme 'Matador' (1992)]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/8972103947544963737> (accessed: 08.06.2024). (In Russ.)
12. Limonov E. v peredache «Po-zhivotu» (2018). [Limonov E. in the programme 'On the Living' (2018)]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9437899541356854244> (accessed: 04.12.2024). (In Russ.)
13. Limonov E. v shou «Minaev LIVE» (2012) [Limonov E. in the show 'Minaev LIVE' (2012)]. URL: https://vkvideo.ru/video-8091320_456239300 (accessed: 20.12.2024). (In Russ.)
14. Nichiporov I.B. S vidom na promzonu: roman E. Limonova «V Syrakh» [With a View of the Industrial Zone: E. Limonov's novel 'In Syry']. *Professorskii zhurnal*, 2023, 4, pp. 23–28. (In Russ.). doi: 10.18572/2687-0339-2023-4-23-28.
15. Os'mukhina O.Yu. Spetsifika avtointerpretatsii v romane E. Limonova «Podrostok Savenko, ili Avtoportret bandita v otrochestve» [Osmukhina O.Yu. Specificity of auto-interpretation in the novel by E. Limonov 'Teenager Savenko, or Self-portrait of a bandit in adolescence']. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2024, 3, pp. 865–870. (In Russ.). doi: 10.30853/phil20240124.
16. Valgina N.S. Aktual'nye problemy sovremennoi russkoi punktuatsii [Actual issues of Russian punctuation]. Moskva, Vysshaya shkola. 2004. 259 p. URL: https://yanko.lib.ru/books/language/ru/valgina.aktualnuye_ptobl_rus_punkt.2004.259_%28sl%29.htm (accessed: 20.12.2024). (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

1. *Arkhiv rukopisei i mashinopisei E.V. Limonova iz chastnogo sobraniya* [Archive of manuscripts and typescripts of E.V. Limonov from private collection].
2. *Bibliografiya Limonova E.V. Veb-arkhiv* [Limonov E.V. Bibliography. Web archive]. URL: <https://www.limonow.de/> (accessed: 20.12.2024). (In Russ.)
3. *General'nyi internet-korpus russkogo yazyka (GIKRYa)* [General Internet-Corpus of Russian (GICR)]. URL: <http://www.webcorpora.ru/> (accessed: 20.12.2024). (In Russ.)
4. *Katalog Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (RGB)* [Russian State Library Catalogue (RSL)]. URL: <https://www.rsl.ru/> (accessed: 28.12.2024). (In Russ.)
5. Limonov E.V. *Dnevnik neudachnika ili Sekretnaya tetrad'* [Diary of a Loser or Secret Notebook]. Moskow, *Glagol Publ.*, 1992. 248 p. (In Russ.)
6. Limonov E.V. *Dnevnik neudachnika, ili Sekretnaya tetrad'* (2007) [Diary of a Loser, or Secret Notebook (2007)]. *Tg-kanal «Nastoyashchee prestuplenie»*. URL: <https://t.me/truecrime/8486> (дата обращения: 21.12.2024). (In Russ.)
7. Limonov E.V. *Stikhi* [Poems]. *Gazeta «Den' Literatury»*, 2004, 78. URL: <https://litmir.club/br/?b=130991&p=4> (accessed: 04.12.2024). (In Russ.)
8. Limonov E.V. *Stikhi raznykh let (v avtorskoi redaktsii)* [Poems of different years (in the author's edition)]. *Gazeta «Zavtra»*, 2003, 7. URL: <https://pub.wikireading.ru/180043> (accessed: 22.12.2024). (In Russ.)
9. Limonov E.V. *Eto ya — Edichka* [It's me — Eddie]. Moscow, *Glagol Publ.*, 1990. 336 p. (In Russ.)
10. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 25.12.2024). (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.01.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Отредактирована 11.11.2025

Received 13.01.2025

Accepted 30.10.2025

Revised 11.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Олеся Дмитриевна Сабанова — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; sabanova.o@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olesia D. Sabanova — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; sabanova.o@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В ИСПАНИИ

Ю.Л. Оболенская, А.В. Баканова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; obolens7@yandex.ru; asia_sim@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы становления испанской фольклористической традиции, которая ранее не являлась объектом системного филологического анализа. Формирование фольклорной традиции на испанском языке происходит на протяжении многих веков и опирается на наследие дороманского периода. Еще до того, как кастильский диалект выделился среди других диалектов Испании, фольклорная традиция на данной территории уже существовала, будучи преемницей более ранних мифологических систем: индоевропейских и неиндоевропейских. В дальнейшем наследие иберов, мифология кельтов и многовековое влияние мусульманской культуры дополняют фольклорную картину мира. Благодаря своему географическому положению Испания стала центром пересечения разных культурных традиций и страной-посредницей между восточной и западной цивилизациями.

Интерес к народным сказкам и легендам впервые пробуждается в XIX в., когда под влиянием романтизма испанские *костумбристы* собирают фольклор разных регионов страны. Их дело продолжили *позитивисты*, создавшие библиотеку народных традиций Испании. В начале XX в. представители *поколения 98 года* находят в фольклоре и мифологии источник возрождения национальных литературы и культуры. В 1920-е гг. издаются первые комментированные сборники испанских фольклорных текстов, а исследования фольклора, продолжившиеся в сороковые годы, получают государственную поддержку. Следующий этап становления национальной фольклористической школы связан с процессами демократизации страны в 70-х гг. В этот период была переведена на испанский язык работа В.Я. Проппа «Морфология сказки», а структурно-типологический метод начал активно применяться к испанскому материалу и оказал первостепенное влияние на современные подходы в испанской фольклористике.

Ключевые слова: испанский фольклор; испанский язык; волшебная сказка; легенда; мифология; фольклористика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-9

Для цитирования: Оболенская Ю.Л., Баканова А.В. Особенности формирования и изучения фольклорной традиции в Испании // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 105–124.

FEATURES OF THE FORMATION AND STUDY OF THE FOLKLORE TRADITION IN SPAIN

Iuliia L. Obolenskaya, Anna V. Bakanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; obolens7@yandex.ru;
asia_sim@mail.ru

Abstract: The article examines the main stages in the formation of the Spanish folklore tradition, which has not previously been systematically analyzed from a philological perspective. The formation of Spain's folklore tradition has evolved over centuries, rooted in the legacy of the pre-Roman period. Before the Castilian dialect emerged as dominant among other Spanish dialects, Spain's folklore tradition already existed, drawing on earlier Indo-European and non-Indo-European mythological systems. Subsequently, the heritage of the Iberians, Celtic mythology, and the centuries-long influence of Muslim culture enriched Spain's folklore tradition. Owing to its geographical location, Spain became a crossroads of diverse cultural traditions, serving as a bridge between Eastern and Western civilizations.

Interest in folk tales and legends emerged in the 19th century, when, influenced by Romanticism, Spanish costumbrist writers collected folklore from various regions of the country. Their work was continued by positivists, who compiled a comprehensive collection of Spanish folk traditions. At the beginning of the 20th century, representatives of the Generation of '98 found in folklore and mythology a source for the revival of national literature and culture. In the 1920s, the first annotated collections of folklore texts were published, and folklore research, which continued into the 1940s, received government support. The next stage in the development of the national folklore school was associated with the democratization of the country in the 1970s. During this period, V. Ya. Propp's *Morphology of the Folktale* was translated into Spanish, and the structural-typological method began to be widely applied to Spanish material, significantly influencing modern approaches in Spanish folklore studies.

Keywords: Spanish folklore; Spanish language; fairy tale; legend; mythology; folklore studies

For citation: Obolenskaya Iu. L., Bakanova A.V. (2025) Features of the Formation and Study of the Folklore Tradition in Spain. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 105–124.

Испанская фольклористическая традиция, к сожалению, до сих пор не стала объектом системного филологического анализа ни в Испании, ни в нашей стране, и фундаментальных работ в области испанского фольклора не появилось. В 2000-е в России началась разработка проблематики испанской мифологии [Оболенская 2004а; Оболенская 2004б; Оболенская 2018], а также сказочной традиции народов Испании [Баканова 2005; Баканова 2007а; Баканова 2007б]. В самой Испании первые филологические исследования, посвящен-

ные частным вопросам фольклористики, относятся к началу XX в., а на более ранних этапах они представляли собой преимущественно краткие введения или комментарии к сборникам сказок и легенд.

В начале XX в. в обстановке экономического и духовного кризиса в стране ученые, писатели и деятели культуры так называемого «поколения 98 года» обращаются к изучению фольклора и мифологии исторических областей Испании как к источникам возрождения национальных литературы и культуры. Исследования двадцатых годов были направлены на выявление особенностей национальной идентичности испанских регионов и ориентированы на изучение и издание фольклорных текстов. В это время появляются первые сборники фольклора и научные работы в этой области, среди них нельзя не отметить труды выдающегося испанского филолога Рамона Менендеса Пидала (1869–1968) и созданного им в 1910 г. «Центра исторических исследований», где в 1916 г. открывается фольклористическая секция, в задачи которой входит, в частности, подготовка к изданию сборника испанской народной поэзии: «Романсеро эспаньол».

В этот период с Р. Менендесом Пидалем сотрудничает один из первых собирателей испанского сказочного фольклора Аурелио Маседонио Эспиноса (1880–1958). Отметим, что многие годы А.М. Эспиноса преподавал в Стэнфордском университете, возглавлял Американское фольклорное общество и собирая фольклор в испаноговорящих штатах, а основу собранной им коллекции сказочного фольклора составили сюжеты, восходящие к народным сказкам Испании, перенесенным после открытия Америки на новые территории. В июле 1920 г. А.М. Эспиноса при поддержке Р. Менендеса Пидала организовал первую фольклорную экспедицию в Испанию, в результате которой было собрано и опубликовано около трехсот текстов. Впервые изданные в 1923 г. сказки Эспиноса заслужили славу наиболее авторитетного издания сказочного фольклора испанских провинций. Отличительной чертой этого сборника, впоследствии неоднократно переиздававшегося, стал научный подход к анализу сказочных текстов, тщательность отбора и презентации. Еще одним собирателем этого периода, специализировавшимся на астуриском фольклоре, является А. де Льяно Роса де Ампудия¹.

Устное народное творчество на каталаноговорящих территориях Испании также становится объектом изучения в начале XX в. Выдающийся исследователь Жоан Амадес (1890–1959) — один из соз-

¹ A. de Llano Roza de Ampudia «Del folklore asturiano: mitos, supersticiones, costumbres» (1922); «Cuentos asturianos recogidos de la tradición oral» (1924)

дателей «Архива этнографии и фольклора Каталонии», чьи идеи выводят на новый уровень подходы распространенных в Каталонии в этот период национально-культурных движений экскурсионизма и новесентизма. Начав свой научный путь со сборников музыкального и танцевального фольклора, он затем обращается к традиционному и праздничному фольклору², а также народным сказкам и легендам³. Всего научное наследие Ж. Амадеса включает в себя 427 работ, что делает его вклад в изучение фольклора восточных областей Испании уникальным по охвату и жанровому разнообразию.

Следует отметить, что в 1940–1980-е гг. в Испании большая часть фольклорных текстов издавалась на испанском языке, хотя они и сохраняли национальный колорит и давали представление о традициях и фольклорном мировоззрении разных исторических и лингвистических областей страны. Главные фольклористические исследования этого периода стали возможны благодаря открытию монастырских фондов и их передаче в публичные библиотеки и архивы.

Сороковые годы XX в. открывают второй этап развития современной испанской фольклористической мысли, когда политический контекст способствовал росту интереса к народным традициям и поискам черт национальной самобытности. Отметим, что многие исследования устного народного творчества в этот период нашли поддержку Франсиско Франко. Здесь следует выделить вклад писателя, журналиста и ученого К. Кабаля (1877–1967), который начиная с 1923 г. готовит к изданию работы по астурийской мифологии, легендам, сказкам и традициям⁴. В период диктатуры Франко растет его авторитет и влияние в научных кругах, он получает ряд государственных премий и занимает высокие посты.

Третий этап становления фольклористической школы в Испании связан с процессами демократизации страны в середине 1970-х гг., когда в Испании стали известны ранее запрещенные иностранные лингвистические, фольклористические и общефилологические работы. Среди исследований этого периода следует упомянуть работы Х.А. Санчеса Переса⁵, М. Курьеля Мерчана⁶ и других.

Испанский исследователь фольклора А. Родригес Алльмодовар (род. 1941), чьи основные труды выходят в конце XX века⁷, отмечает,

² «Costumari Catalá», 1950–1956.

³ «Folklore de Catalunya», 1950–1969; «Leyendas marineras de Cataluña», 1954.

⁴ «Del folklore de Asturias: cuentos, leyendas y tradiciones» (1923); «La mitología asturiana» (1925–1928); «Las costumbres asturianas» (1925–1931).

⁵ José A. Sánchez Pérez «Cien cuentos populares» (1995).

⁶ Marciano Curiel Merchán «Cuentos extremeños» (1987).

⁷ Antonio Rodríguez Almodóvar «Cuentos maravillosos españoles» (1982), «Cuentos al amor de la lumbre» (1983–1984), «Cuentos de la media lunita» (1985–2000).

что важную роль в становлении испанской фольклористической традиции сыграли такие теоретические работы, как «Примечания к сказкам братьев Гримм» И. Больте и Г. Поливки (1913–1918), «Указатель сказочных типов» С. Томпсона (1973), исследования испанских сказок и легенд Ральфа С. Богтса (1930–1932) и «Структурная антропология» К. Леви-Стросса (1958) [Rodríguez Almodóvar 1989]. Однако наиболее сильное влияние на развитие науки о фольклоре в Испании в XX в. оказали работы советского ученого В.Я. Проппа «Морфология сказки» (1928) и «Исторические корни волшебной сказки» (1986).

Несмотря на то, что знакомство испанского читателя со структурно-типологической теорией В.Я. Проппа, изложенной им в работе «Морфология сказки» (1928), происходит довольно поздно, именно оно становится основным научным импульсом для испанских исследователей последней трети XX в. Первый перевод работы Проппа выходит в 1958 г. в Англии, в 1970-е гг. — во Франции, в Испанию же работа попадает еще позднее в переводе Марии Лурдес Ортис, выполненному на материале французского перевода русского издания 1968 г.⁸

Теория Проппа оказала первостепенное влияние на развитие фольклористических исследований в Испании, ее положения обильно цитируют во всех современных работах по испанскому фольклору⁹, в ней же черпают базовую терминологию и методологию исследования. Внимание исследователей привлекают как сам структурно-типологический подход, так и полемические вопросы, связанные с тем, что теория Проппа лежит в русле, противоположном основным направлениям западноевропейской фольклористики. Материал исследования Проппа становится именно волшебная сказка, что обусловлено внутренней структурой и историческими корнями.

Вопрос о происхождении фольклорных сюжетов волновал первых испанских собирателей задолго до становления фольклористики. По мнению Х.М. Наваскуэса, истоки формирования испанской традиции остаются скрытыми от глаз исследователей, которые много веков спустя начинают изучение сохранившихся фольклорных текстов: «при изучении творчества *Народа* нужно различать два момента: во-первых, это *наблюдение* и *сбор* материала, что является исключительно вененаучной деятельностью, во-вторых, это

⁸ Отметим, что переводы первого издания «Морфологии сказки» 1928 г. были выполнены на английский и итальянский языки, а французский и затем испанский переводы основывались на втором, исправленном, издании работы.

⁹ См.: Rodríguez Almodóvar, A. «Los cuentos populares, o la tentativa de un texto infinito» (1989).

индукция и дедукция — научные методы в чистом виде»¹⁰. Ранние записи носят несистемный характер, начиная с эпохи Средневековья испанские фольклорные тексты используются как вставные элементы в сборниках исторического, религиозного или светского содержания, часть из которых не сохранилась. Примерами дидактических сочинений с вкраплениями фольклорных элементов могут служить сборник «Castigos de Sancho IV» (XIII в.) и переведенные на кастильский язык короткие рассказы «Hechos y dichos memorables» (1395). Среди текстов религиозно-морализаторской тематики выделяются сборники примеров «Evangelios moralizados» (*Juan López de Salamanca*), «Libro de los gatos» — анонимный перевод английской работы XIII в., «Libros de los ejemplos por a. b. c.» (*Clemente Sánchez de Vercial*) — один из самых известных средневековых сборников *exempla*, «Espéculo de los legos» — перевод с латинского языка первой половины XV в. и другие. Фольклорные элементы представлены также в произведениях рыцарской литературы, средневековых хрониках, биографиях¹¹. Сборник басеных текстов «Isopete» содержит вольный пересказ басен Эзопа и других авторов, перемежающийся фольклорными вставками. Однако наибольший интерес к заимствованию фольклорных сюжетов встречаем в литературных произведениях, например в сборнике XII в. «Disciplina clericalis» (*Pedro Alfonso de Huesca, Moseh Sefardí*), в котором представлены пословицы, примеры, рассказы о животных как авторского, так и народного происхождения.

Фольклорное творчество, сопровождавшее человечество с самого начала его существования, имеет гораздо более глубокие корни, нежели наука о нем: «El Folklore [...] pertenece a una de las más modernas ciencias» [Carreras y Candi 1943: 7]. Само понятие «фольклор» в европейских странах, в том числе Испании, «включает не только народно-поэтическое творчество, но прикладное искусство, поверья и обряды, и другие стороны традиционной народной культуры», подчеркивает Е.М. Мелетинский [Коккяра 1960: 14], этим же термином в испанском языке обозначается и наука о фольклоре. Говоря об истоках и развитии испанской фольклорной традиции, необходимо

¹⁰ «En el estudio de las manifestaciones del Pueblo hay que distinguir dos momentos: uno de observación y acopio de materiales, meramente extracientífico; otro de inducción y deducción, puramente científico» [J.M. De Navascués *Folklore y costumbres de España: Historia del Folklore*. Barcelona, 1943. T. 1. P. 17].

¹¹ Alfonso X El Sabio «Primera crónica general de España»; Pero López de Ayala «Cronicas de los Reyes de Castilla Don Pedro, Don Enrique II, Don Juan I, Don Enrique III»; Lope García de Salazar «Bienandanzas e fortunas», Pero Niño «El Victorial».

учитывать такие ее свойства, как непрерывность во времени, постоянная изменчивость и тесная связь с историей страны¹².

Помимо того, что испанский фольклор сохраняет традиции и представления о национальном сознании в целом, «каждый из народов, населяющих это многонациональное и полиэтническое государство, обладает своей собственной мифологией» [Оболенская 2004а: 5]. И хотя сами древние мифы не сохранились, их отражение можно найти в более поздних сюжетных насложениях, переложениях, легендах и сказках (например, многочисленные сказочные переложения легенды о змее и Святом Георгии).

Формирование фольклорной традиции на испанском языке происходит на протяжении многих веков и опирается на наследие до-романского периода в истории Пиренейского полуострова. Еще до того, как кастильский диалект выделился среди других диалектов Испании и получил официальный статус в XIII в. как язык королевской канцелярии, фольклорная традиция на данной территории уже существовала, будучи преемницей более ранних мифологических систем: индоевропейских и неиндоевропейских. Первые верования и обряды на Пиренейском полуострове появились одновременно с появлением первых людей — выходцев с Ближнего Востока и из Вавилона. В эпоху неолита поворот в сторону сельского хозяйства и оседлого образа жизни способствует развитию первых ремесел и погребальных обрядов, а торговые отношения с финикийцами и другими народами Средиземноморья усиливают культурный обмен. Позднее Испания на несколько тысячелетий становится ареной многочисленных миграций из северо-восточной Европы: народы, относящиеся к индоевропейской языковой семье, вступают в контакт с автохтонной неиндоевропейской культурой басков и иберов, что приводит к языковому и культурному взаимовлиянию.

«Сплав культур и традиций, религий и языков начался с прихода кельтских племен на земли, населенные иберами» [Оболенская 2004а: 7]. Культура иберов, достигнув расцвета к V в. до н. э., сохранилась до наших дней в виде немногочисленных письменных свидетельств, памятников архитектуры и искусства. Несмотря на то, что большая часть святилищ иберов была разорена Ганнибалом, сохранившееся наследие демонстрирует средиземноморский тип их культуры. Исследователи прослеживают тесные контакты иберов с финикийцами и греками, которые колонизировали испанские земли в I тыс. до н. э. «Кельтиберийский этнос удивительно гармо-

¹² «Todos esos aspectos que ese Pueblo uno e indiferenciable, *practica, usa, siente, cree, hace*, todos aquellos que son otros distintos del *conoce*, entran dentro de lo popular y, por consiguiente, en el contenido del concepto determinado por *Folklore*» [F. Carreras y Candi *Folklore y costumbres de España: Prólogo*. Barcelona, 1943. T. 1. P. 7].

нично сочетал воинскую доблесть и стойкость кельтов с иберийским упорством, трудолюбием и мужеством [...]. Кельтская мифология оказала сильнейшее влияние на мифологию астурийцев, кантабрийцев, басков, галисийцев, чуть меньшее — на кастильскую и наварскую [...]. Трехсотлетняя власть римской империи в VI веке не выдержала натиска вандалов — вестготов, — но внесла значительный вклад в мифологию Кatalонии и всего средиземноморского побережья» [Оболенская 2004а: 8].

Со временем готская и кельтская мифология ассимилируются с местным фольклором, достигнув вершин своего развития. Однако уже в VIII в. еще одним источником пополнения фольклорного фонда становится мусульманская культура, сохранившая свое господство на полуострове до XV в. Легенды, созданные во времена Реконкисты (отвоевания земель у арабов), повествуют о героях и их подвигах, истинных вере и любви. «Древние мифы и легенды — обычно довольно краткие изображения конкретных действий или событий под влиянием арабской традиции расцвечивались изысканными сравнениями и метафорами, эпитетами, детальными описаниями чувств и сердечных страданий героев, совершенствовалась сама манера повествовательной речи» [Оболенская 2004а: 10].

Таким образом, испанская фольклорная традиция на всех этапах своего существования демонстрирует тесную связь с историческими и культурными событиями в стране, однако фольклорное сознание, переосмысливая их по-своему, выстраивает собственную хронологию событий, систему ценностей, художественную картину мира. Географическое положение Испании и историко-политический контекст, сделавший ее центром пересечения разных культурных традиций: мусульманской, христианской, иудейской, — способствуют тому, что она неоднократно становится связующим элементом между восточной и западной цивилизациями. С XI в. в Испании складываются условия для появления центров перевода — *escuelas de traductores*, самой известной из которых является Школа переводчиков в Толедо. В XIII в. при Альфонсо X Мудром был выполнен перевод сборников восточных сказаний («Калила и Димна», «Сенебар»), которые оказали заметное влияние на развитие европейской фольклорной и литературной традиции. История сборника апологов «Calila y Dimna» (араб. *Kalila wa-Dimna*) насчитывает много веков, ее прототипом считается древнеиндийский памятник дидактической прозы «Панчatantra», чьи сюжеты получили широкое распространение в Европе и на Ближнем Востоке.

Итальянский исследователь Дж. Коккьяра, рассуждая о зарождении фольклористики в Европе, видит ее истоки в открытии в конце XV в. Нового Света и других географических открытиях XVI в.,

благодаря которым был привнесен в науку сравнительный метод исследования и выявлены проблемы социального устройства в цивилизованных странах [Коккьяра 1960: 23–24]. В дальнейшем поворотными моментами в развитии фольклористики стали философское движение XVII–XVIII вв. с его внимательным отношением к традициям и нравам и эпоха романтизма, опирающаяся на народную литературу и историческую древность для укрепления национального единства. Но именно эпохе географических открытий фольклористика обязана появлением критического подхода, и Испания вновь сыграла в этом процессе ключевую роль, распространив накопленное европейской цивилизацией культурное наследие в испаноязычных странах Нового Света.

«Эпоха Возрождения и знакомство с итальянской литературой привело к попыткам сознательной литературной обработки легенд и сказаний, и затем каждая господствовавшая литературная традиция не только подновляла старые мифы, но и создавала новые» [Оболенская 2004а: 10]. Жанр народной сказки в наибольшей степени испытал на себе эти изменения, оказав в свою очередь сильное влияние на развитие авторской литературы. «Сказка — источник разнообразных сюжетов, но сами эти сюжеты, попадая в орбиту литературы, подвергаются существенной обработке» [Пропп 2005: 10].

Сказочный жанр, являясь одной из наиболее распространенных фольклорных форм, особенно его бытовой и новеллистический подвиды, подвергается многочисленным изменениям вследствие устной формы бытования и разнообразных импровизационных техник. Сказитель в повествовании расставляет акценты таким образом, что устойчивые и подвижные элементы образуют единство, типизируя и обобщая реальность по принципам, укоренившимся в традиции народа и обладающим национальной специфичностью: «*Inconscientes, anónimas y colectivas en cuanto se producen. Universales en cuanto a su alcance en el tiempo y en el espacio*» [Navascués 1943: 16]. В национальной фольклорной традиции сказка существует в виде единства нескольких вариантов, дополняющих друг друга. Благодаря изначальному синкретизму — «состоянию невыделенности фольклора из практической жизни» [Аникин 2004: 166] — в сказочных сюжетах отражаются особенности народной жизни и быта, уровень развития духовной и материальной культуры в разные исторические периоды. Сублимирующий метод фольклора стремится к закреплению наиболее важного элемента смысла: «фольклорист постигает величные, народно-массовые приемы создания и выражения смысла, способы запечатления эффекта образного значения, приемлемого для множества людей» [Аникин 2004: 308]. Кроме того, сказочные жанры обладают особыми композиционными

и художественными свойствами, богатым формульным языком, облегчающим мнемонические и дидактические задачи, и разнообразными приемами воздействия на слушателей. Сказки, главным образом волшебные, отражают традиции жизни первобытного общества, древние религиозные представления, магические практики, социальные запреты и испытания. «Действительно, установив единство композиции волшебных сказок, я должен был задуматься о причине такого единства. Что причина кроется не в имманентных законах формы, а что она лежит в области ранней истории или, как некоторые предпочитают говорить, доистории, т. е. той ступени развития человеческого общества, которая изучается этнографией и этнологией, для меня было ясно с самого начала» [Пропп 1989: 137–138].

Исследователи сказочной прозы на испанском языке рассматривают несколько теорий происхождения волшебных сюжетов. Критикуя подходы теологической (*escuela teológica*) и доисторической школ (escuela prehistórica), а также индоевропейскую теорию (C.W. von Sydow, J. De Vries и др.) за недостаточную изученность перехода от примитивного общества к цивилизованному, они опираются главным образом на теорию мифологическую (*teoría mitológica*) и теорию распространения сюжетов (*teoría difusiónista*), получившие в дальнейшем разнообразные трактовки: «*El monogenismo original de la teoría se ha transformado en una poligénesis en el espacio y el tiempo*» [Roger 1965: 16]). Кроме того, учитываются отдельные выводы последователей теории самозарождения сюжетов (*teoría antropológica o evolucionista*), теории ритуалов, обращаящей внимание на отголоски в сказочных сюжетах древних обрядов: свадебных, инициации, путешествия в загробный мир (*teoría ritualista*), исторической теории, связывающей каждый сюжет с конкретным местом и временем (*histórica*), подходов немецкой школы психоанализа (*teoría psicoanalítica*), географо-исторического метода и др. [Roger 1965: 14–23].

Ключевую роль в изучении сказочного фольклора в Европе сыграли братья Гримм, чьи научные работы и фольклорные сборники послужили образцами для исследователей других стран (А. Кун, В. Шварц, В. Мянгардт, М. Мюллер, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев и другие). К середине XIX в. на смену мифологической теории приходит «теория заимствования» Теодора Бенфея, который выделил основные пути сильного влияния Востока на Запад, одним из которых назвал путь через мавританскую Испанию и деятельность знаменитых школ переводчиков [Оболенская 2018].

В конце XIX — начале XX вв. важный вклад в систематизацию сказочных сюжетов внес географо-исторический метод (К. Крон, Ю. Крон, А. Аарне). Данный метод, получивший в Испании известность как ‘финская школа’, был разработан в XIX веке в Великом

княжестве Финляндском, входившем в состав Российской империи (1809–1917). Как известно, после Русско-шведской войны (1808–1809) Финляндия получила статус автономного княжества с собственным законодательством и культурными институтами, что способствовало развитию национальной науки. В этом контексте исследователь «Калевалы» Юлиус Крон (1835–1888) и ученый Каарле Крон (1863–1934) создали методологию изучения сказочного фольклора с опорой на анализ географического распространения и исторической эволюции сюжетов, мотивов и жанров. Этот метод оказал значительное влияние на европейскую и, в частности, испанскую фольклористику. Так, в комментариях к первому сборнику испанских сказок (1923) А.М. Эспиноса указывает основные сказочные сюжеты в соответствии с Указателем сказочных сюжетов А. Аарне¹³, выделяя, таким образом, бытовые (*cuentos humanos varios*), дидактические (*cuentos morales*), волшебные (*cuentos de encantamiento*) подвиды, а также сказки-загадки (*cuentos de adivinanza*), сказки с элементами плутовства (*cuentos picarescos*) и сказки о животных (*cuentos de animales*). Изучение сказочного фольклора испанских областей Кастилии и Леона продолжил Эспиноса-младший, который определил основной корпус сюжетов волшебных сказок по наличию в них волшебных предметов и помощников.

Современный собиратель сказочного фольклора А. Родригес Альмодовар предлагает более детальную классификацию каждого подвида. Опираясь на структурно-типологический подход, Альмодовар в работе «Los cuentos populares, o la tentativa de un texto infinito» выделяет шесть основных типов волшебных сказок Испании¹⁴. В его классификацию вошли распространенные сюжеты о сказочном замке «Пойдешь-и-не вернешься», чудесных помощниках, Бланка-флор, семиглавом змее, заколдованным принце. Испанский исследователь Муриэль-Дуран [Muriel Durán 1993], проанализировав коллекции народных сказок Эспиносы и Альмодовара, отмечает, что из представленных сюжетов тридцать с уверенностью можно отнести к универсальной, индоевропейской, традиции¹⁵. Муриэль-Дуран делит испанские сказки на две основных группы *cuentos de costumbres* и *cuentos fantásticos* по принципу отсутствия или наличия

¹³ Antti Aarne *The Types of the Folktale*, 1910.

¹⁴ La adivinanza del pastor, Blancaflor, la hija del diablo, El príncipe encantado, Juan el Oso, La princesa encantada (La serpiente de siete cabezas / El castillo de irás y no volverás, Los animales agradecidos / La princesa encantada), Las tres maravillas del mundo.

¹⁵ «Su contraste nos ha ratificado en el concencimiento de que la treintena de cuentos recogidos pertenecen, en su mayoría, a una tradición universal, posiblemente indo-europea, que, al aclimatarse a la cultura de los diversos países, adquirió rasgos peculiares, que, sin embargo, no dañaron la trama interna» [Muriel Durán 1993: 10].

в них ярко выраженных фантастических черт. Отдельное внимание, как и его предшественники, исследователь уделяет жанру *cuentos picarescos*, тесно связанному с испанской литературной традицией¹⁶.

Современные испанские исследователи, следуя за структурно-морфологическим подходом В.Я. Проппа, обозначают волшебные сказки как *cuentos maravillosos*, однако более традиционным можно считать термин, используемый в начале XX в. Эспиной: *cuentos de encantamiento*, в основе которого лежит понятие *encanto* ('волшебство, колдовство'). Синонимами являются слова с отрицательной коннотацией *hechizo*, *embrujo*, *embrujamiento*, *maleficio*, а антоними — *desencanto*, *desencantamiento*, таким образом, термин как бы подчеркивает сюжетную основу волшебной сказки — ситуацию колдовства и последующего разрушения чар.

Наиболее сложным стал для испанских фольклористов выбор термина для обозначения бытовых сказок: *cuentos humanos varios*, что связано с их сюжетным многообразием¹⁷. Сюжеты бытовых сказок отражают различные ситуации повседневной жизни, бытового общения, вопросы отношений между поколениями, традиционных занятий и социальной иерархии. Отсутствие фантастических черт компенсируется насмешливым отношением к жизни, к общественным институтам и часто полной абсурдностью ситуации. Важную роль в бытовых сказках выполняют сатирическая, игровая и дидактическая функции. Ситуация обмана часто становится связкой сюжета бытовой сказки, благодаря этому персонажи делятся на две группы — обманщики и обманутые, умные и глупые и т. п. В отдельную подгруппу бытовых сказок испанские исследователи выделяют страшные сказки и сказки-загадки.

Подходы к периодизации испанской сказочной традиции обусловлены разными факторами, учитывающими такие свойства фольклорного текста, как устная форма бытования, анонимность, импровизационность, вариативность и др., но даже внутри границ одного жанра каждый сказочный подвид наделяется разной исторической перспективой. Так, наиболее древними считаются сказки о животных, за ними следуют волшебные сказки и анекдотические, более поздней жанровой формой считается новеллистический поджанр. Большинство исследователей тем не менее отмечают «невыясненность еще хронологической, географической и социальной датировки огромного большинства конкретных фольклорных

¹⁶ «Encuadramos bajo esta denominación aquellos cuentos, que, ya sea en sus temas o en sus personajes, enlazan con el género picaresco» [Muriel Durán 1993: 10].

¹⁷ Для обозначения бытовых сказок в испанской фольклористике также используются следующие термины: *cuentos realistas*, *cuentos de costumbres rurales*, *cuentos de la cultura agraria*.

текстов» [Соколов 2007: 28]. Общие законы композиции, статичный характер персонажей, а также типизирующий художественный метод удерживают сказочные подвиды в границах единой жанровой формы, несмотря на способность фольклорных сюжетов переходить из одного жанра в другой. Еще одним часто встречающимся во всех сказочных подвидах приемом можно считать мотив утроения: действий, героев, предметов.

Испанская сказочная терминология разрабатывается преимущественно в XIX в., в костумбрийский, а затем позитивистский периоды в истории фольклористики. Костумбрийский подход¹⁸ переживает расцвет в середине XIX в., когда под влиянием европейских фольклористов-романтиков начинает цениться эстетическая функция фольклорного текста, его связь с духом народа. При этом допускается литературная обработка фольклорного материала для придания текстам еще большей народности. Появление термина «костумбризм» связывают с именем писателя Рамона Месонеро Романоса, автора столичного бытописания *«Panorama matritense: cuadros de costumbres de la capital observados y descritos por un curioso parlante»* (1832–1835). Месонеро Романос также был основателем журнала *«Semanario Pintoresco Español»*, где публиковались очерки в жанре сатирических сценок *«cuadros críticos de costumbres»*. По-степенно в испанской столице сложился узкий круг единомышленников, куда входили также Серафин Эстебанес Кальдерон, Мариано Хосе де Ларра и другие журналисты, литераторы и издатели. Среди публикаций этого периода можно выделить коллективный сборник *«Los españoles pintados por sí mismos»* (1843–1844) и другие очерки о представителях различных слоев испанского общества, с критикой нравов и социальной сатирой.

Одной из центральных фигур испанской фольклористики этого периода является г-жа де Фабер из Севильи (1796–1877), получившая известность под псевдонимом Фернан Кабальеро. Помимо литературной деятельности она является автором нескольких сборников испанских сказок и загадок¹⁹. В Стране Басков фольклорные сборники издает А. де Труэба-и-Ла Кинтана (1819–1889), один из первых собирателей баскского фольклора, известный как *«Antón el de los*

¹⁸ Под термином «костумбризм» принято понимать направление в изобразительном искусстве и литературе Испании, которое подчеркивает важность возвращения к народной мудрости через описание-впечатление, путешествие-опыт (*pintoresquismo*). Костумбризм уходит корнями в Золотой век испанской литературы, но именно в XIX в. нравы и традиции различных областей Испании привлекают внимание исследователей.

¹⁹ Среди фольклористических работ Ф. Кабальеро отметим: *«Cuentos y poesías populares andaluzas»* (1859), *«Cuentos, oraciones, adivinas y refranes populares»* (1877) и др.

Cantares». В Каталонии фольклористическую деятельность ведут писатель и поэт Ж. Вердагер (1845–1902), автор сборника «*Folklore y Rondalles*», фольклорист Ф. Маспонс-и-Лаброс (1840–1901) и другие исследователи. Таким образом, в XIX в. в Испании можно выделить три главных центра фольклористических исследований — север, восток и юг страны.

В восьмидесятые годы XIX в. начинается позитивистский этап в истории испанской фольклористики, представители которого во главе с такими исследователями, как Антонио Мачадо-и-Альварес и Александро Гичот-и-Сьерра, выступают с критикой предыдущего опыта и выстраивают фольклористическую науку в Испании на английский манер. Одним из достижений этого периода принято считать появление самого термина *Folklore* на Пиренейском полуострове, что повлекло за собой долгую научную дискуссию²⁰. Кроме того, благодаря деятельности позитивистов во всех регионах страны создаются общества любителей фольклора («*El Folklore Andaluz*», «*Folklore Regional Gallego*», «*El Folklore Toledano*» и др.), а в 1885–1886 гг. выходит в свет многотомное собрание фольклорных материалов: «Библиотека испанских народных традиций».

Как уже отмечалось, основной корпус испанского фольклорного наследия формируется в XIX в., а филологический анализ и научные подходы к его изучению складываются не ранее XX в. Рассуждая о специфических чертах испанских сказок, современные исследователи подчеркивают, что в них сохраняются традиционные имена популярных сказочных персонажей. Например, героиня сюжета о Золушке может иметь имя *Puerquecilla* — ‘Свиньюшка’ (от исп. *puerco* — ‘свинья’) или *Estrellita de Oro* — ‘Золотая Звездочка’, а героиня сюжета о Белоснежке — *María* или *Mariquita* (‘божья коровка’ / уменьшительное от имени Мария). Традиционное имя часто достается и мужским персонажам, например Мальчик-с-пальчик может зваться и *Pulgarcito* (от исп. *pulgar* — ‘большой палец руки’), и *Periquillo* (уменьшительное от имени *Pedro/Pere*). Однако часто имя персонажа заменяется на указание его социального или семейного положения: *el rey* (‘король’), *el joven*, *el muchacho* (‘парень, юноша’), *la madrastra* (‘мачеха’), *la niña* (‘девочка’) и т. п. Схожую ситуацию можно наблюдать и в случае со сказочными антагонистами и помощниками, например чудище — *la fiera*²¹. Богата испанская тра-

²⁰ Традиционным было использование словосочетаний *saber popular*, *conocimiento popular*, *tesoro del pueblo*, *literatura popular*, *literatura oral* и др.

²¹ Зачастую характер героя определяется с помощью оценочной суффиксации: так, добрые волшебницы и феи получают обозначение *la agüelilla*, *la viejecita* (‘бабушка, старушка’), а злые — *la negra*, *la vieja*, *la gitana* (‘чернавка, старуха, цыганка’).

диция и на специфическую сказочную лексику, которая может образовывать синонимические ряды: *varita de siete virtudes*, *la varita de virtudes*, *la varita mágica* ('волшебная палочка, палочка-выручалочка').

Свообразием отличаются формульные элементы испанских сказок, что особенно заметно на примере медиальных формул, которые позволяют проследить основу сказочного повествования, а также роднят сказку с другими фольклорными жанрами. Исследователь Э. Мартин Ну涅с проводит параллель между инициальными, финальными, медиальными формулами фольклорной сказки и жанрами песни, загадки, лирического диалога (*coplas*, *adivinanzas*, *diálogo lírico*) [Martín Núñez 1988]. Среди наиболее известных испанских формул инициальные *Érase una vez*, *Érase que se era*, соответствующие русским «Жили-были...», и финальная «*Y vivieron tuy felices y comieron muchas perdices*», которую можно было бы соотнести с русским «Стали жить — поживать, да добра наживать». Испанские медиальные формулы, зачастую рифмованные, могут содержать советы, предостережения, запреты, подсказки, угрозы, выражение морального урока. Их положение в сказочном тексте обусловлено самим развитием сюжета и поступками героев, например они могут заменять шуточный диалог между персонажами: — *Vamos, hijo, levanta / y serás bueno. / — Quiero yo ser malo / Y estar me quieto* (— Да-вай, сынок, вставай / и будешь молодцом гулять. / — Готов я быть плохим, / лишь бы с кровати не вставать)²².

В отличие от несказочной прозы — мифов и легенд, — сказка воспринимается как продукт сознательного вымысла, а события, происходящие в ней, — как созданные с целью развлечения слушателей. Однако природа сказочного вымысла такова, что представляется сочетание были и небылицы, перемежая отдельные отголоски историко-географического ландшафта фантастическими элементами. Прошлое в испанских сказках имеет три степени удаленности: то, что произошло при жизни предыдущих поколений; то, что произошло много веков назад, в эпоху римского и мусульманского господства; то, что находится за пределами народной памяти и представляет собой синкретизм первобытной культуры и мифологического сознания. По мнению каталанского фольклориста Ж. Амадеса [Amades 1956: 14], наибольшее отражение в фольклорных текстах находят события, которые в свое время глобально изменили карту мира — великие переселения народов, смешения этносов, появление нового политico-социального или религиозного строя и т. п. Отношение к прошлому в сказках и жанрах несказочного фольклора, например легендах, отличается. Такие качества легенды, как краткость, неза-

²² См. подробнее [Баканова 2007b].

тейливость сюжета, простота повествования, «как правило, свидетельствует о ее древности и устном источнике» [Amades 1956: 10]. Для испанских легенд важными становятся такие поворотные события в истории Испании, как романизация полуострова и в дальнейшем многовековое мусульманское присутствие²³. Однако испанская сказка черпает свои мотивы в гораздо более ранних периодах истории человечества.

Место действия сказки, как и сказочное время, весьма условно. Топос волшебной сказки практически не учитывает географические особенности той страны, на языке которой рассказывается. Сказочный пейзаж лишен детальных описаний, в сказках разных народов встречаем скучные упоминания горных пещер, непроходимых лесов и других мест, внушавших страх первобытному человеку. Бросается в глаза также тот факт, что в сказках народов, живущих на морском побережье, например в каталанских, практически отсутствует упоминание моря²⁴, что еще раз подтверждает предположение о том, что основной сюжетный фонд волшебных сказок един и сохранился со времен глубокой древности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на особые художественные и языковые черты испанских сказок, большинство сюжетов имеют распространение в других областях Испании, а также в устной традиции других народов²⁵. В определенной степени это связано в тем, что Испания не только сохранила тесные связи с общеевропейскими фольклорными корнями, но и неоднократно сыграла важную роль посредника в распространении фольклорных сюжетов по всему миру.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о том, что современные фольклористические исследования в Испании опираются на методологию двух российских школ — географо-исторического метода и структурно-типологического подхода Проппа, о чем свидетельствуют многочисленные цитаты из их работ и попытки творчески развивать их методологию на материале испанской истории и национальной самостоятельности. При этом большая часть испанского сказочного фонда сформировалась

²³ «Los pueblos latinos que sufrieron la invasión romana sitúan los hechos remotos en el tiempo de los romanos y los del sur de Europa invadidos posteriormente por los árabes, fijan los hechos muy viejos en el tiempo de los moros. Estas edades, por lo común, no aparecen en el cuento y son más propias de la leyenda» [Amades 1956: 14].

²⁴ «Es interesante de observar la escasísima presencia del mar en el cuento» [Amades 1956: 14].

²⁵ «Esa permanente reelaboración del mensaje literario de transmisión oral permite que, con el objeto de aproximarse al mundo perceptivo de los oyentes, se impregnen de la atmósfera local o regional; con todo, estos cambios de núcleos accesorios —nombres de personajes, oficios, caracterizaciones, descripción de lugares, objetos, etc.— no afectan al patrón compositivo» [Muriel Duran 1993: 10].

на базе знаменитых сборников братьев Гримм и Ш. Перро. Однако теоретические изыскания немецких и французских исследователей фольклора не оказали столь сильного влияния на испанскую традицию, сосредотачивая внимание на идейной составляющей сказочных текстов и рассматривая архетипы героев и психологическую мотивацию их поступков в рамках немецкой психологической теории (В. Вундт, З. Фрейд).

В самих фольклорных текстах национальная идентичность проявляется главным образом в языке, богатом средствами художественной выразительности и формулами, а также в некотором видоизменении общеевропейских сюжетов, например в усилении морализаторской стороны. Несмотря на то, что испанские исследователи называют анализируемые ими тексты сказками того или иного региона Испании, речь идет скорее о территориальных вариантах общеизвестных фольклорных сюжетов. В жанровом отношении превалируют сказки бытовые и волшебные, в которых главными героями являются, как правило, люди, а сказки о животных немногочисленны и сюжетно близки к европейской басеной традиции.

Представляется, что перспективы развития испанских фольклористических исследований лежат в области дальнейшего дробления, как территориального, так и методологического. В них будет усиливаться внимание к локальным чертам, что неизбежно нанесет ущерб выработке единой терминологии и приведет к размытию понятийной базы. Очевидным результатом исследований последнего двадцатилетия можно считать субъективизм и политизированность в трактовке того или иного явления. Ряд исследований фольклорных вариантов отражают желание авторов преувеличить самобытность локальных черт анализируемых текстов, что в значительной степени обусловлено так и не преодоленными последствиями центробежных тенденций в языковой и общекультурной политике и сепаратистскими настроениями национально-культурных элит автономий этой полигэтничной страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.П. Теория фольклора. М., 2004.
2. Баканова А.В. Жанр народной сказки в истории испанских фольклористических исследований // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М., 2007. С. 131–139 [Баканова 2007а].
3. Баканова А.В. История испанского фольклора: костумбристский период // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. М., 2022. Т. 7. С. 28–36.
4. Баканова А.В. Малые жанры испанского фольклора // Иberoамериканские тетради. М., 2023. Т. 11. № 3. С. 146–163.
5. Баканова А.В. Традиционные языковые формулы как элементы языка испанских народных сказок // Голоса молодых ученых. Сборник научных публика-

- ций иностранных и российских аспирантов и докторантов-филологов. М., 2007. Т. 20. С. 71–77 [Баканова 2007б].
6. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. М., 2003.
 7. Коккяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960.
 8. Оболенская Ю.Л. Легенды и предания Испании. М., 2004 [Оболенская 2004а].
 9. Оболенская Ю.Л. Мир испанского языка и культуры. М., 2018.
 10. Оболенская Ю.Л. *Mitos y leyendas de España*. Легенды и предания Испании: С обширными лингвокультурологическими, историческими, грамматическими комментариями. Учебное пособие. М., 2024.
 11. Оболенская Ю.Л. Проблемы изучения мифологии народов Испании // Вестник РОСНОУ. Серия: Филология. М., 2004 [Оболенская 2004б].
 12. Оболенская Ю.Л. Этапы развития Школ переводчиков в Испании и результаты их деятельности // Романские языки и культуры от Античности до современности. М., 2011. С. 167–180.
 13. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1989.
 14. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001.
 15. Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2005.
 16. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974.
 17. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 2007.
 18. Amades J. *Morfología del cuento folklórico hispánico*. Miami, 1956.
 19. Caballero F. *Cuentos, adivinanzas y refranes populares*. Madrid, 1921.
 20. Carreras y Candi F. *Folklore y costumbres de España: Prólogo*. Barcelona, 1943. Т.1.
 21. Espinosa A.M. *Cuentos populares españoles*. Madrid, 1947.
 22. Guelbenzu J.M. *Cuentos populares españoles*. Madrid, 2000.
 23. Iribarren J.M. *El porqué de los dichos*. Madrid, 1956.
 24. Manrique de Lara G. *Leyendas y cuentos populares españoles*. Barcelona, 1971.
 25. Martín Núñez, E. *La poética del patetismo (Análisis de los cuentos populares extremeños)*. Mérida, 1988.
 26. Muriel Durán F. *Cuentos populares*. Sevilla, 1993.
 27. Navascués J.M. *Folklore y costumbres de España: Historia del Folklore*. Т.1. Barcelona, 1943.
 28. Pedrosa J.M. *Los cuentos populares en los siglos de oro*. Madrid, 2004.
 29. Pinon R. *El cuento folklórico: como tema de estudio*. Buenos Aires, 1965.
 30. Rodríguez Almodóvar A. *Los cuentos populares o la tentativa de un texto infinito*. Murcia, 1989.
 31. Rodríguez Pastor J. *Cuentos extremeños de costumbres*. Badajoz, 2002.

REFERENCES

1. Anikin V.P. *Teoriya folklorra* [Theory of folklore]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 432 p. (In Russ.)
2. Bakanova A.V. *Zhanr narodnoy skazki v istorii istranskikh folkloristicheskikh issledovaniy* [The genre of the folk tale in the history of Spanish folklore studies]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 2007, vol. 9, no. 4, pp. 131–139. (In Russ.)
3. Bakanova A.V. *Istoriya istranskogo folklorra: kostumbrischiy period* [History of Spanish folklore: The costumbrist period]. Iazyk i deystvitelnost. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V.G. Gaka [Language and reality. Academic readings at the Department of Romance Languages named after V.G. Gak], 2022, vol. 7, pp. 28–36. (In Russ.)

4. Bakanova A.V. *Malye zhanry ispanskogo folklora* [Minor genres of Spanish folklore]. Iberoamerikanskie tetradi [Ibero-American Notebooks], 2023, vol. 11, no. 3, pp. 146–163. (In Russ.)
5. Bakanova A.V. *Traditsionnye yazykovye formuly kak elementy yazyka ispanskikh narodnykh skazok* [Traditional linguistic formulas as elements of the language of Spanish folk tales]. Golosa molodykh uchenykh. Sbornik nauchnykh publikatsiy inostrannyykh i rossiyskikh aspirantov i doktorantov-filologov [Voices of young scholars. Collection of publications of foreign and Russian graduate students and doctoral candidates in Philology], 2007, vol. 20, pp. 71–77. (In Russ.)
6. Zueva T.V., Kirdan B.P. *Russkiy folklor* [Russian folklore]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2003. 400 p. (In Russ.)
7. Coccia G. *Istoriya folkloristiki v Evrope* [History of folklore studies in Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1960. 512 p. (In Russ.)
8. Obolenskaya Yu.L. *LegENDY i predaniya Ispanii* [Legends and traditions of Spain]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 320 p. (In Russ.)
9. Obolenskaya Yu.L. *Mir ispanskogo yazyka i kultury* [The world of the Spanish language and culture]. Moscow, Aleteyya Publ., 2018. 384 p. (In Russ.)
10. Obolenskaya Yu.L. *Mitos y leyendas de España. LegENDY i predaniya Ispanii: S obshirnymi lingvokulturologicheskimi, istoricheskimi, grammaticeskimi kommentariyami* [Myths and legends of Spain: With extensive linguocultural, historical, and grammatical commentaries]. Moscow, Lenand Publ., 2024. 352 p. (In Russ.)
11. Obolenskaya Yu.L. *Problemy izucheniya mifologii narodov Ispanii* [Problems of studying the mythology of the peoples of Spain]. Vestnik ROSNOU. Seriya: Filologiya [Bulletin of ROSNOU. Series: Philology], 2004, vol. 4, no. 2, pp. 45–52. (In Russ.)
12. Obolenskaya Yu.L. *Etapy razvitiya Shkol perevodchikov v Ispanii i rezul'taty ikh deyatelnosti* [Stages of development of the Schools of Translators in Spain and the results of their activities]. Romanskie yazyki i kultury ot Antichnosti do sovremennosti [Romance languages and cultures from Antiquity to the present], 2011, vol. 2, pp. 167–180. (In Russ.)
13. Propp V.Ya. *Folklor i deystvitelnost* [Folklore and reality]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 320 p. (In Russ.)
14. Propp V.Ya. *Morfologiya vol'shebnoy skazki* [Morphology of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)
15. Propp V.Ya. *Russkaya skazka* [Russian fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2005. 416 p. (In Russ.)
16. Roshianu N. *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional formulas of the fairy tale]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 208 p. (In Russ.)
17. Sokolov Yu.M. *Russkiy folklor* [Russian folklore]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
18. Amades J. *Morfología del cuento folklórico hispánico* [Morphology of the Hispanic folk tale]. Miami, Ediciones Universal, 1956. 240 p.
19. Caballero F. *Cuentos, adivinanzas y refranes populares* [Folk tales, riddles, and proverbs]. Madrid, Ediciones Cátedra, 1921. 288 p.
20. Carreras y Candi F. *Folklore y costumbres de España: Prólogo* [Folklore and customs of Spain: Prologue]. Barcelona, Editorial Ariel, 1943. Vol. 1, 320 p.
21. Espinosa A.M. *Cuentos populares españoles* [Spanish folk tales]. Madrid, Espasa-Calpe, 1947. 400 p.
22. Guelbenzu J.M. *Cuentos populares españoles* [Spanish folk tales]. Madrid, Ediciones Siruela, 2000. 352 p.
23. Iribarren J.M. *El porqué de los dichos* [The why of sayings]. Madrid, Aguilar, 1956. 256 p.

24. Manrique de Lara G. Leyendas y cuentos populares españoles [Spanish legends and folk tales]. Barcelona, *Editorial Planeta*, 1971. 304 p.
25. Martín Núñez E. *La poética del patetismo* (Análisis de los cuentos populares extremeños) [The poetics of pathos (Analysis of Extremaduran folk tales)]. Mérida, *Editora Regional de Extremadura*, 1988. 200 p.
26. Muriel Durán F. *Cuentos populares* [Folk tales]. Sevilla, *Editorial Algaida*, 1993. 224 p.
27. Navascués J.M. *Folklore y costumbres de España: Historia del Folklore* [Folklore and customs of Spain: History of folklore]. Barcelona, *Editorial Ariel*, 1943. Vol. 1, 336 p.
28. Pedrosa J.M. Los cuentos populares en los siglos de oro [Folk tales in the Golden Age]. Madrid, *Ediciones Akal*, 2004. 272 p.
29. Pinon R. *El cuento folklórico: como tema de estudio* [The folk tale: As a subject of study]. Buenos Aires, *Editorial Nova*, 1965. 208 p.
30. Rodríguez Almodóvar A. *Los cuentos populares o la tentativa de un texto infinito* [Folk tales or the attempt at an infinite text]. Murcia, *Universidad de Murcia*, 1989. 256 p.
31. Rodríguez Pastor J. *Cuentos extremeños de costumbres* [Extremaduran tales of customs]. Badajoz, *Diputación Provincial de Badajoz*, 2002. 192 p.

Поступила в редакцию 26.05.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 15.11.2025

Received 26.05.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 15.11.2025

ОБ АВТОРАХ

Юлия Леонардовна Оболенская — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иbero-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; obolens7@yandex.ru

Анна Валентиновна Баканова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иbero-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; asia_sim@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Iuliia L. Obolenskaia — Prof. Dr., Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; obolens7@yandex.ru

Anna V. Bakanova — PhD, Associate Professor, Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asia_sim@mail.ru

ПОЭМА «ДОБРЫНЯ» Н.А. ЛЬВОВА КАК АПОЛОГИЯ «РУССКОГО СТРОЯ»

К.Ю. Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; yurij-danilevskij@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается отношение к былинному тоническому стилю трех поэтов второй половины XVIII в. — Н.М. Карамзина, Н.А. Львова и Г.Р. Державина. Поэма Карамзина «Илья-Муромец» (1795) написана четырехстопными хореями с дактилическими клаузулами; этот размер и до него уже не раз использовался для фольклорных стилизаций. Откликом на «Илью-Муромца» стала поэма Львова «Добрыня» (1796), в которой применено шесть размеров (так же, как и у Карамзина, силлабо-тонических). Пять из них явно ощущались поэтом как фольклорные и действительно употребляются в народной поэзии: это нерифмованный двустопный пентон III; четырехстопный хорей с нерифмованными дактилическими клаузулами; двустопный анапест с нерифмованными женскими и дактилическими окончаниями; четырехстопный хорей с неупорядоченными женскими и мужскими рифмами; вольный хорей с женскими и мужскими клаузулами. Парадокс состоит в том, что Львов, используя в «Добрыне» силлабо-тонические метры, обрушивается с инвективами именно на них. Он объявляет хореи, анапесты, спондеи, дактили и другие стопы чуждыми природным свойствам русского языка. В итоге Львов не защищал своей поэмой «русский строй» (т. е. в первую очередь тонический стих былин), а укреплял позиции лишь нескольких силлабо-тонических размеров, встречающихся в фольклорных произведениях.

Публикация в 1804 г. «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова, первого свода былин, вызвала всеобщий интерес к русскому богатырскому эпосу и его тоническому стилю. В этом контексте открывались перспективы использования различных видов народного стиха в поэзии. Одним из первых, кто уловил эти настроения, был Державин, в чьей комической опере «Добрыня» имеется несколько хоров, написанных тоническим стихом.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века; стиховедение; Николай Львов; силлабо-тонический и тонический стих

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-10

Для цитирования: Лаппо-Данилевский К.Ю. Поэма «Добрыня» Н.А. Львова как апология «русского строя» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 125–137.

N.A. LVOV'S POEM "DOBRYNIA" AS A PRAISE OF THE "RUSSIAN FOLK VERSIFICATION"

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; yurij-danilevskij@yandex.ru*

Abstract: The paper examines the attitudes of three Russian poets of late eighteenth-century Russia (Nikolai Karamzin, Nikolai L'vov and Gavriil Derzhavin) on the use of tonic verse in the bylina (oral ancient heroic song). Karamzin's poem "Ilya Muromets" (1795) is written in trochaic tetrameter with dactylic clausulae; this meter had already been used several times before in folklore stylizations. A response to "Ilya Muromets" was Lvov's poem "Dobrynia" (1796), which uses six syllabotonic meters. The poet clearly considered five of them to be folkloric. They are indeed used in folk poetry: unrhymed ten-syllable lines divided into two pentasyllabic feet with fixed stress on the third syllable of each foot; trochaic tetrameter with unrhymed dactylic clausulae; anapestic dimeter with unrhymed feminine and dactylic endings; trochaic tetrameter with unordered feminine and masculine rhymes; free trochees with feminine and masculine clausulae. The paradox is that L'vov uses syllabotonic meters in "Dobrynia" while at the same time inveighing against them. He declares trochees, anapests, spondees, dactyls and other feet to be alien to the natural properties of the Russian language. As a result, Lvov does not defend Russian folk versification (i.e., primarily the tonic verse of bylinas) in his poem, but only strengthens the position of the syllabo-tonic meters found in folklore.

As the first collection of authentic bylinas, Kirsha Danilov's "Ancient Russian poems," published in 1804, awakened great interest in the old heroic epic and its tonic verse. It also introduced possibilities for applying various kinds of folk meters to the new Russian poetry. Derzhavin was among the first to take advantage of these ideas. In his comic opera "Dobrynia" some choruses are written in tonic verse.

Keywords: Russian poetry of the 18th century; prosody; Nikolai L'vov; syllabotonic and tonic verse

For citation: Lappo-Danilevskii K.Yu. (2025) N.A. Lvov's Poem "Dobrynia" as a Praise of the "Russian Folk Versification". *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 125–137.

Как уже отмечалось исследователями, импульсом к созданию «богатырской песни» Львова стала публикация в 1795 г. во второй части альманаха «Аглая» первой и единственной части «богатырской сказки» Н.М. Карамзина «Илья-Муромец» [Соколов, 1955: 295]. Ее открывает ироничная антиклассицистическая декларация, в которой отвергаются и тематика, почерпнутая из произведений древних авторов, и современное автору «одопение». Карамзин обращается к «любезным читателям», находящим удовольствие «в русских баснях, в русских повестях, в смеси былей с небылицами» [Карамзин

1795: 172]. Он настоятельно подчеркивает развлекательный и сугубо вымышенный характер своей поэмы и выражает желание, чтобы «Ложь, Неправда, призрак истины!» стала его богинею. С одной стороны, Карамзин явно ориентирован на волшебно-авантюрную беллетристику, складывавшуюся в России во второй половине XVIII в. под влиянием европейских рыцарских романов, обильно черпавшую материал из отечественного фольклора и его переосмыслившую (произведения В.А. Левшина, М.И. Попова, М.М. Чулкова). С другой стороны, повествование в «Илье-Муромце» пронизано иронией, характерной для литературных сказок, и потому заставляет вспомнить западноевропейскую традицию этого жанра. Заглавный герой Карамзина разительно отличается от своего былинного прототипа: писатель наделяет Илью-Муромца чувствительностью и галантностью, а также многократно именует его рыцарем. Собственно действие поэмы начинается с того, что витязь, поклявшись «вечно следовать богатырским предписаниям и уставам добродетели», отправляется на подвиги и вскоре обнаруживает светло-голубой шатер, где в тихом сне покоится «беспримерная красавица». Взволнованный Илья-Муромец, решившись беречь сон незнакомки, проводит неделю у ее ложа. Но вот, внезапно заметив муху, севшую на ее уста, он прогоняет насекомое, случайно прикасаясь перстнем к ее лицу. Выясняется, что сон, в котором пребывала красавица, был наслан на нее злым волшебником Черномором и что прикосновение волшебного перстня его развеяло. Юная дева облачается в доспехи и явно собирается поведать Илье-Муромцу свою историю, узнать которую читателям не суждено, ибо на этом месте «богатырская сказка» Карамзина обрывается.

Весьма существенно, что, «Илья-Муромец» написан нерифмованным четырехстопным хореем с дактилическими клаузулами — размером, воспринимавшимся во второй половине XVIII в. как фольклорный (его же для своей «Бахарианы» избрал через несколько лет М.М. Херасков). В примечании, сделанном в самом начале текста, Карамзин так отзывался об избранном размере: «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами» [Карамзин 1795: 171]. Этим замечанием Карамзин обнаруживает весьма поверхностное знание былин, что неудивительно — «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова, первый их свод, давший важнейший импульс к их изучению и осмыслению, вышел в свет девять лет спустя. В целом же монотонность звучания поэмы Карамзина разительно контрастирует с обилием метров, примененных Львовым в его «былинной» поэме.

«Богатырская песнь» Львова «Добрыня» (точнее, лишь ее «первая глава») была напечатана в 1804 г. в «Друге Просвещения» [Львов 1804]. Ее текст сопровождался кратким очерком «Памятник Николаю Александровичу Львову», автором которого был епископ Евгений (Болховитинов), как это следует из его переписки с Д.И. Хвостовым, издателем журнала¹. Я.К. Гrot, опубликовавший этот эпистолярий, недоумевал, кто мог предоставить Евгению биографические материалы о Львове, ибо архиерей с ним лично знаком не был, а с Державиным познакомился лишь летом 1805 г. (см. об этом в письме Евгения Д.И. Хвостову от 22 августа 1805 г. [Гrot 1868: 69–70]). По-видимому, и эти сведения, и саму поэму Евгению предоставил Федор Петрович Львов (1766–1836) — двоюродный брат Н.А. Львова, принадлежавший к его ближайшему дружескому кругу.

В «Памятнике Николаю Александровичу Львову», помимо общих биографических сведений, содержится важная информация о создании «Добрыни»:

«Лет за десять пред сим, он, в некотором кругу друзей своих, рассуждая вообще о преимуществе тонического стихотворения пред силлабическим, утверждал, что и русская поэзия больше могла бы иметь гармонии, разнообразия и выразительных движений в тоническом вольном роде стихов, нежели в поработлении только одним хореям и ямбам; и что можно даже написать целую русскую эпопею в совершенном русском вкусе. В доказательство сего на другой же день, после упомянутого разговора, предположив себе план для русской поэмы, в коей должен быть описан брак великого князя Владимира I и при оном потехи русских витязей, а преимущественно витязя Добрыни Никитича, — он в одно утро написал вступление в сию поэму и удачным исполнением своего предложения удивил друзей своих» [Евгений (Болховитинов) 1804: 194–195].

Под силлабическими стихами, как нетрудно догадаться, Евгений имеет в виду те, что принято ныне называть силлабо-тоническими, и потому вполне логично, что отказ от них — это прежде всего отказ от «поработления только одним хореям и ямбам». В таком случае «тонический вольный род стихов» — это народное тоническое стихосложение и в первую очередь стих былин. Как я постараюсь показать далее, именно такова точка зрения Евгения, но она отличается от того, что вычитывается из «богатырской песни» Львова, содержание которой имеет смысл вкратце напомнить.

¹ В комментарии к письму Хвостова от 27 сентября 1804 г., в котором сообщалось о посыпке первой главы «Добрыни», читаем: «Евгением написана без сомнения и заметка об авторе, пред посланная стихам» [Гrot 1868: 105]. Эти материалы, к сожалению, не были учтены М.В. Строгановым, утверждающим, что автором «Памятника» был Державин [Строганов 2001: 116].

«Автор» бродит ночью по лесу; струсиw, заводит песню, взвывая к Русскому духу, которого именует «Сыном природных сил, братом веселости, неразлучным другом наших прадедов» [Львов 1994: 192]. Главный герой-повествователь просит его о помощи в сочинении богатырской песни (при этом, как и у Карамзина, пародируются классицистические обращения к Музе, восходящие к античности). «Богатырский дух русских витязей», воспряvший ото сна, отнюдь не обрадован обращенным к нему призывом «старорусским петь мерным голосом», видя, сколь неуместно подобное пение в городах, где пришли в упадок традиции пращуров. Он рассматривает заморское платье главного героя, только что вернувшегося из Парижа, брезгливо отворачивается от «разнополого прынтика» и исчезает, оставляя тому гудок со смычком. «Автор» хотя и не умеет им пользоваться, но пытается «задерябить на чудной лад», требуя снисхождения к «русскому строю». Пренебрежительно отзываясь о героях авантюрных повестей, пришедших из Западной Европы (Бова, Франц и королевна Ренцывена), повествователь вспоминает Полкана, Потаню, Еруслана Лазарича и Ивана Усмовича — богатырей, что жили в «чудесный век Володимира». Требуя «богатырской речи» для живописания их подвигов и призывая «выступить своей стопой», Львов отвергает стопы иноземные, утвердившиеся в русской поэзии:

Анапест, спондеи, дактили
Не аршином нашим мерены,
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны; 150
И глагол славян обильнейший,
Звучный, сильный, плавный, значущий,
Чтоб в заморску рамку втискаться,

Принужден ежом жаться, корчиться
И, лишась красот, жару, вольности, 155
Соразмерного сile поприща,
Где природою суждено ему
Исполинский путь течь со славою,
Там калеко он щетинится.

[Львов 1994: 197]²

Львов воздает должное гению Ломоносова, но похвала эта амби-валентна: «пересиливая сверхъестественным дарованием» все трудности, поэт-одописец «легким делывал невозможное», заключая русский язык в силлабо-тонические размеры. В итоге дело не обо-

² При цитировании учитывается эмендация ряда мест поэмы, предложенная в статье: [Лаппо-Данилевский 2012: 271–288].

шлось безувечья и «кроителю» (т. е. самому Ломоносову), и «кроеному» (т. е. русскому языку).

«Русской строй» охарактеризован Львовым в «Добрине» весьма расплывчато, в то время как выпады против силлабо-тоники ярки, метки и вполне конкретны. Казалось бы, в качестве национальной альтернативы ей должен был выступить былинный тонический стих — именно так понял логику призывов Львова Евгений (Болховитинов). В высшей степени ожидаемым поэтому было бы написание самой поэмы или ее части былинным стихом, но вот как раз-то ни его, ни каких-либо других тонических размеров в полиметрическом шедевре Львова не встретишь. Как справедливо писал в 1999 г. В.А. Западов, поправляя предшественников, поэма написана «шестью различными размерами» [Западов 1999: 395]. Исследователь их не называет, поэтому имеет смысл это сделать:

нерифмованный двустопный пентон III (стихи 1–70, 131–146, 154–269, 274–311; всего 240);

четырехстопный хорей с нерифмованными дактилическими клаузулами (стихи 71–87, 147–153, 270–273, 312; всего 29);

двустопный анапест с нерифмованными женскими и дактилическими клаузулами (стихи 88–109; всего 22);

четырехстопный хорей с неупорядоченными женскими и мужскими рифмами (стихи 110–118; всего 9);

вольный ямб с неупорядоченными женскими и мужскими рифмами (стихи 119–130; всего 12; стихи 119–124, 126, 128, 130 — Я6; из них стихи 125, 127 и 129 — Я4);

вольный хорей с частично рифмованными женскими и мужскими клаузулами (стихи 313–327; всего 15, из них 9 рифмованные).

Заключительный, односложный 328-й стих («Простите») не поддается однозначной интерпретации.

Надо сказать, что лишь два из шести метров, упомянутых выше, имели на исходе XVIII столетия ярко выраженный фольклорный ореол. Первый из них позднее получил название «кольцовского десятисложника», что, как отмечал еще М.П. Штокмар, несправедливо, ибо именно Львов впервые стал активно использовать его [Штокмар 1952: 23].³ Широкое распространение этого размера в русской поэзии XIX столетия (В.Г. Бенедиктов, Е.П. Гребёнка, А.В. Кольцов, Н.А. Некрасов, И.С. Никитин, А.Н. Плещеев, А.К. Толстой, Н.Г. Цыганов и др.) и регулярная ударность в нем привели к тому, что он, по справедливому замечанию М.Л. Гаспарова, существовал

³ Этот размер находим у Львова также в песне «Как, бывало, ты в темной осени...» (1790-е) и в послании И.М. Муравьеву (1797).

как бы шестым при пяти классических силлабо-тонических метрах [Гаспаров 2012: 375].

Еще более давней и стойкой фольклорной аурой обладал четырехстопный хорей с нерифмованными дактилическими клаузулами — этим размером, к примеру, еще в 1770 г. Сумароков написал в народном духе песню «О ты, крепкий, крепкий Бэндер-град...» (см. также выше об опыте применения этого метра Карамзиным и Херасковым). Фольклорные ассоциации вызывал и вольный хорей, размер довольно редкий у русских поэтов в XVIII в., — это доказывается хотя бы его использованием в ариях простонародных персонажей в комической опере А.О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779). Двустопный анапест встречается в говорных фольклорных жанрах (загадках, прибаутках, заговорах и проч.) — не случайно пассаж, написанный им, имитирует в «Добрыне» скоморошью речь. А вот отрывок, написанный вольными ямбами с преобладаниемalexандрийских стихов, как кажется, должен был восприниматься именно как литературный, контрастирующий с другими, ибо в нем речь идет о переводном романе «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене», якобы чуждом русским читателям.

Тот факт, что в «Добрыне» тонический стих не задействован, убеждает, что Львов своей поэмой стремился укрепить в русской поэзии позиции силлабо-тонических метров, встречающихся в фольклорных произведениях, — и прежде всего пентона III, художественные достоинства которого Львов впервые оценил и к которому стремился привлечь внимание соотечественников. Как кажется, подобная позиция была в значительной степени вызвана тем, что Львов был в первую очередь связан с песенным фольклором, который собирали и популяризовали; именно в песнях, в особенностях плясовых, нередки случаи регулярного чередования ударных и безударных слогов.

Но чем тогда объяснить высказывания преосвященного Евгения о «Добрыне», приведенные выше? Дело в том, что иерарх опубликовал поэму Львова в 1804 г. в совершенно иной ситуации, чем та, в которой она была написана, а именно: после выхода в свет в этом году «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова [Данилов 1804], вызвавших всеобщий интерес к былинному эпосу и его тоническому стилю. В этот момент восхваление «русского строя» воспринималось именно как апология былинного стиха, убедительное свидетельство чего и оставил Евгений Болховитинов в «Памятнике Николаю Александровичу Львову»⁴.

⁴ В данном контексте весьма показательны укоры силлабо-тонике, которые, сравнивая ее со стихосложением древних, преосвященный Евгений сделал на рукописи «Рассуждения о лирической поэзии или об оде» Державина до ее публика-

Но, может быть, Львов намеревался использовать тонический стих в последующих песнях своей поэмы? Этот вопрос вполне резонен, ибо в наиболее авторитетной ее рукописи имеется краткое изложение содержания второй песни и двенадцать ее стихов. Этот отрывок было опубликован Г.С. Татищевой в 1972 г. в комментариях к «Добрине» в двухтомнике «Поэты XVIII века» и до сих пор должным образом не анализировался. Достаточно указать, что наиболее авторитетный текст поэмы в архиве Державина (ОР РНБ. Ф. 247. Т. 37. Л. 105 об.–100 об.) внесен сюда неизвестным писцом и хотя и содержит ряд поправок, сделанных почерком Львова, но явно не был автором внимательно вычитан, а потому и требует некоторых исправлений, сообразуясь с метрикой отрывка. Процитирую текст, напечатанный впервые в двухтомнике «Поэты XVIII века», уточняя его по рукописи и подвергая необходимой эмендации (в примечаниях приводятся искаженные писцом строки):

«Владимир празднует в Киеве бракосочетание с своей Милолицкою. Княжеский обед. Обряд свадебного пира. Обед народный. Народные игры и наконец богатырский обед и богатырские потехи. Загородный Владимира дом на Либиде. Вечернее гульбище. Киевский Нестор рассказывает, что все еще не так, как на Волыни, его родине.

О, не дай Бог и ворогу
В чужду-дальную сторону⁵,
Кольми паче в престольный град
Привалить перед праздником
Без рубля иль без дядюшки;
Под поветью настоишься,
У ворот не достучишься,
Ты хозяину челом,
А тебе тут хлоп окном⁶.
Вместо должного привету
Места нету,
Начинен и двор и дом».

[Поэты XVIII века 1972: 519].

В данном стихотворном отрывке задействованы два из шести размеров, которыми написана первая песнь «Добрини»:

ции: «Европейские стопы и такты единообразием своих расстановок утомительны для вольного слуха, и стесняют даже воспарение не только музыки, но и самой поэзии. Истинная красота есть подражание природы, а одномерным стопам и тактам ничего нет подобного в природе. Сим-то разнообразием числа слогов в самых стопах, поэзия греческая и римская преимуществует пред европейскою» [Евгений (Болховитинов) 1872: 621].

⁵ В ркн.: В чужду дальную сторону

⁶ В ркн.: А тебе тут хлоп и окном

двустопный анапест с преимущественно нерифмованными дактилическими окончаниями (стихи 1–5; всего 5);

вольный хорей с рифмованными женскими и мужскими клаузулами (стихи 6–12; всего 7; стихи 6–10, 12 — X4; стих 11 — X2).

Таким образом, нет никаких оснований утверждать, что при продолжении поэмы Львов обратился бы к тоническому стилю, а не остался бы верен силлабо-тоническим размерам, которые ощущались им как фольклорные.

Пассаж, приведенный выше, весьма важен для понимания львовского отношения к народному героическому эпосу — поэт в него не погружался, а черпал вдохновение и образы из волшебно-авантюрной беллетристики, о которой уже упоминалось выше. К ней он, подобно большинству современников, относился явно некритически и, как и они, был увлечен и псевдославянской мифологией, создаваемой во второй половине XVIII столетия, и практикой свободного использования былинных образов и мотивов в литературных произведениях. В данном контексте существенно и то, что в первой песни «Добрыни» Львов сравнивает Русского духа со Световидом — божеством, включенным М.М. Чулковым в славянский пантеон в качестве «бога солнца и войны» [Чулков 1767: 97–99; Чулков, 1782: 238]. Встречаем Световида и в повести Левшина о богатыре Булате [Левшин 9: 43]. Львов упоминает в «Добрыне» оперу Екатерины II «Новогородский богатырь Боеславич» (1786) — еще один пример свободного обращения с былинным сюжетом, внимание к которому незадолго до того привлек тот же Левшин пересказом одного из его вариантов («Повесть о сильном богатыре и старославенском князе Василье Богуслаевиче») [Левшин 5: 29; Новичкова 2001: 29].

Имя «Милолика», придуманное Левшиным для «болгарыни», супруги великого князя Владимира (для нее он якобы отказался от своих 800 наложниц и нашел свое счастье в моногамии), — убедительный маркер релевантности для Львова левшинской «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнышке Всеславьевиче и о сильном его могучем Богатыре Добрыне Никитиче» [Курышева 2009: 123]. Крайняя скудость сведений о предполагавшемся продолжении поэмы все же не позволяет понять степень ее возможной зависимости от этой повести.

В заключение статьи имеет смысл коснуться еще одного «Добрыни» — одноименного «театрального представления с музыкой» Г.Р. Державина (1804; опубл. 1808). Связь этого драматического замысла и «богатырской песни» Львова неоднократно отмечалась ранее, но лишь в 2002 г. А.О. Дёмин последовательно сопоставил два этих произведения. Исследователя интересовала при этом в первую очередь гетерогенность созданного в пьесе Державина художествен-

ного мира, в котором, как удалось показать Дёмину, соединены черты былинного богатырства и авантюристско-сказочного рыцарства, готической таинственности и сентиментальной чувствительности [Дёмин 2002: 54–56].

Принимая в целом данный вывод, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний о метрике арий и хоров державинского «Добрыни», которая заслуживает более подробного исследования. Стихи в этой пьесе, предназначенные для вокального исполнения, распадаются на две группы: сочиненные Державиным и подлинные народные песни. Использование вторых из них заставляет вспомнить аналогичный опыт Львова, на семнадцать лет ранее включившего народные песни в свою комическую оперу «Ямщики на подставе» (1787).

Арии и хоры, написанные самим Державиным для его «Добрыни», — это в основном силлабо-тоника (в трех случаях он взял за основу, в той или иной степени перерабатывая, любовные песни, написанные им еще в начале 1770-х гг.), но здесь мы также находим несколько текстов, написанных различными видами тонического стиха, в которых он в большей или меньшей степени опирается на фольклор: «Не сизы соколы по поднебесью...» (действ. III, явл. 4), «Вьется, вьется хмель золотой...» (действ. V, явл. 11), «Не тихие ветры попархивают...» (действ. V, явл. 11) и др. «Державинская рука» узнается по введению в часть из них рифм, использованию отдельных славянизмов.

Как видим, два «Добрыни» предлагали две качественно различные программы обогащения русской метрики — Львов не выходил за пределы установившейся системы стихосложения и побуждал к более активному применению силлабо-тонических размеров, обладавших, по его мнению, фольклорным ореолом и употребительных главным образом в народных песнях. Державин же шел намного далее: он ввел в свою пьесу, опубликованную в 1808 г., несколько текстов, написанных тоническим стихом. Подобная смелость Державина, на мой взгляд, в значительной мере объясняется переломом настроений в отношении былин, произошедшим в русском обществе после выхода в свет в 1804 г. «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова. Этот сборник не только представил читательскому вниманию значительное число фольклорных текстов, высокие художественные достоинства которых были должным образом оценены, но и способствовал обновлению взгляда на народный тонический стих в целом, что открывало широкие возможности для его применения в русской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2012.
- Грот Я.К. Переписка Евгения с Державиным // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 65–216.
- [Данилов Кириша] Древние русские стихотворения. М., 1804.
- Дёмин А.О. «Театральное представление с музыкою “Добрыня”» Г.Р. Державина и одноименная «героическая песнь» Н.А. Львова // Н.А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 52–57.
- [Евгений (Болховитинов)] Замечания на Рассуждение о лирической поэзии // [Державин Г.Р.] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VII. СПб., 1872. С. 618–626.
- [Евгений (Болховитинов)] Памятник Николаю Александровичу Львову // Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 194–196.
- Западов В.А. «Русские размеры» в поэзии конца XVIII века // XVIII век. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). Л., 1999. С. 391–400.
- [Карамзин Н.М.] Илья-Муромец // Аглая. Кн. II. 1795. С. 171–201.
- Курышева Л.А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В.А. Лёвшина: сказочно-историческая модель повествования. Новосибирск, 2009.
- Лаппо-Данилевский К.Ю. К истории текста поэмы Н.А. Львова «Добрыня» // Litteratum fructus. Сб. статей в честь С.И. Николаева. СПб., 2012. С. 271–288.
- Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти приключения. Ч. 1–10. М., 1780–1783.
- Львов Н.А. Добрыня. Богатырская песнь // Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 196–207.
- Львов Н.А. Избранные сочинения / предисл. Д.С. Лихачева; вступ. статья, составление, подгот. текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского... Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994.
- Новичкова Т.А. Эпос и миф. СПб., 2001.
- Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2 / сост. Г.П. Макогоненко и И.З. Сермана; вступ. статья Г.П. Макогоненко; биогр. справки И.З. Сермана; подгот. текста и примеч. Г.С. Татищевой. (Библ. поэта. Большая серия. Второе издание).
- Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955.
- Строганов М.В. Об авторстве первого некролога Н. А. Львова // Гений вкуса: Н.А. Львов: Материалы и исследования. Тверь, 2001. Сб. 2. С. 114–116.
- Чулков М.Д. Краткий мифологический лексикон. СПб., 1767.
- Чулков М.Д. Словарь русских суеверий. СПб., 1782.
- Штокмар М.П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

REFERENCES

- Gasparov M.L. *Metr i smysl: Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamiatii* [Meter and meaning: On one of the principles of cultural memory]. Moscow, Fortuna EL, 2012. 415 p. (In Russ.)
- Grot Ia.K. Perepiska Evgeniiia s Derzhavim [Correspondence between Evgenii and Derzhavin]. *Sbornik statei, chitannyykh v Otdelenii russkogo iazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of articles read in the Department of Russian

- Language and Literatures of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 5. Issue 1. St. Petersburg, *Printing house of the Imperial Academy of Sciences*, 1868, pp. 65–216. (In Russ.)
3. [Danilov Kirsha]. *Drevnie russkie stikhovoreniiia* [Ancient Russian Poems]. Moscow, S. Selivanovskii, 1804. (In Russ.)
 4. Demin A.O. «Teatral'noe predstavlenie s muzykoiu “Dobrynia”» G.R. Derzhavina i odnoimennaia «geroicheskaiia» pesn' N.A. L'vova [“Theatrical Performance with Music “Dobrynia”” by G. R. Derzhavin and the “heroic” Song of the same Name by N. A. L'vov]. N.A. L'vov i ego sovremenniki: literatory, liudi iskusstva [L'vov and his contemporaries: writers, people of art]. Saint Petersburg, *Saint Petersburg Scientific Center*, 2002, pp. 52–57. (In Russ.)
 5. [Evgenii (Bolkhovitinov)] Zamechania na Rassuzhdenie o liricheskoi poezii. *Sochineniya Derzhavina s ob'iasnitel'nymi primechaniiami Ia. Grota* [Derzhavin's Works with J. Groot's explanatory notes]. Vol. VII. St. Petersburg, *Printing house of the Imperial Academy of Sciences*, 1872. (In Russ.)
 6. [Evgenii (Bolkhovitinov)] Pamiatnik Nikolaiu Aleksandrovichu L'vovu [Monument to Nikolai Aleksandrovich L'vov]. *Drug Prosveshcheniia*. 1804, no 9, pp. 194–196. (In Russ.)
 7. Zapadov V.A. “Russkie razmery” v poezii kontsa XVIII veka [Russian meters in poetry of the late 18th century]. *XVIII vek*. Vol. 21. St. Petersburg, *Nauka*, pp. 391–400. (In Russ.)
 8. [Karamzin N.M.] Il'ia-Muromets [Il'ia-Muromets]. *Aglaia* [Aglaia]. Vol. II. 1795, pp. 171–201. (In Russ.)
 9. Kurysheva L.A. *Povesti o bogatyriakh v «Russkikh skazkakh» V.A. Levshina: skazochno-istoricheskaiia model' povestvovaniia* [Tales about heroes in the “Russian Tales” of V. A. Levshin: a fairy-tale-historical model of narration]. Novosibirsk, *Nauka*, 2009. (In Russ.)
 10. Lappo-Danilevskii K.Yu. K istorii teksta poemy N.A. L'vova “Dobrynia” [About the history of the text of N.A. Lvov's poem “Dobrynia”]. *Litterarum fructus. Sb. statei v chesti S.I. Nikolaeva* [Collection of articles in honor of S.I. Nikolaev]. St. Petersburg, *Al'ians-Arkheo*, 2012, pp. 271–288. (In Russ.)
 11. Levshin V.A. *Russkie skazki, soderzhashchie drevneishie povestvovaniia o slavnnykh bogatyriach...* [Russian fairy tales, containing ancient stories about glorious knights...]. Vol. 1–10. Moscow, *Printing house of Moscow University*, 1780–1783. (In Russ.)
 12. L'vov N.A. Dobrynia. Bogatyrskaya pesn' [Dobrynia. Heroic Song. 1796]. *Drug Prosveshcheniia*. 1804, no 9, pp. 196–207. (In Russ.)
 13. L'vov N.A. Izbrannye sochineniia / predisl. D.S. Likhacheva; vступ. stat'ia, sostavlenie, podgot. teksta i komment. K.Yu. Lappo-Danilevskogo... [preface by D.S. Likhachev; edited by K. Yu. Lappo-Danilevskii]. Köln, Weimar, Wien, Böhlau; St. Petersburg, *RKHGI, Acropolis*, 1994. (In Russ.)
 14. Novichkova T.A. *Epos i mif* [Epic and Myth]. St. Petersburg, *Nauka*, 2001 (In Russ.)
 15. Poetry XVIII veka [Poets of the 18th Century]. Vol. 2 / preface by G.P. Makogonenko; biographies by I.Z. Serman; edited by G.S. Tatishcheva. Leningrad, *Soviet Writer*, 1972. (Bibl. poeta. Bol'shiaia seriia. Vtoroe izdanie). (In Russ.)
 16. Sokolov A.N. Ocherki po istorii russkoi poemy XVIII i pervoi poloviny XIX veka [Essays on the history of Russian poems of the 18th and half of the 19th century]. Moscow, *Moscow University Press*, 1955. (In Russ.)
 17. Stroganov M.V. Ob avtorstve pervogo nekrologa N. A. L'vova [About the author of the first obituary N.A. L'vov]. *Genii vukusa: N.A. L'vov: Materialy i issledovaniia* [Ge-

- nious of taste: N.A. L'vov: Materials and studies]. Tver', *Tver' State University*, 2001. Sb. 2, pp. 114–116. (In Russ.)
18. Chulkov M.D. *Kratkii mifologicheskii leksikon* [Short mythological lexicon]. St. Petersburg, *Printing house of the Imperial Academy of Sciences*, 1767. (In Russ.)
19. Chulkov M.D. *Slovar' russkikh sueverii* [Dictionary of Russian superstitions]. St. Petersburg, *Shnor printing house*, 1782. (In Russ.)
20. Shtokmar M.P. *Issledovaniia v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniia* [Research in the field of Russian folk versification]. Moscow, *Printing house of the Academy of Sciences*, 1952. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.07.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.11.2025

Received 04.07.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский — доктор филологических наук, Dr. habil., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; yurij-danilevskij@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii — DSc in Philology, Dr. Habil. in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; yurij-danilevskij@yandex.ru

РОМАН Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» В КИТАЕ Ди Сяося

Сычуаньский университет иностранных языков; центр исследования стран ШОС при Сычуаньском университете иностранных языков, Чунцин, Китай;
ninadi@163.com

М.М. Голубков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m.golubkov@list.ru

Аннотация: Статья анализирует историю рецепции романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае. Знакомство с ним китайского читателя началось позже, чем в России и на Западе. По мнению яркого исследователя русской литературы профессора Чжана Цзянхуа, можно выделить три этапа восприятия романа Б. Пастернака в Китае. Первый начался в 1950-е годы и закончился в середине 1980-х годов. В этот период в континентальном Китае не было полных переводов «Доктора Живаго», лишь некоторые отрывки романа были переведены с испанского языка. Они носили сугубо фрагментарный характер и не давали китайскому читателю возможность представить роман как художественное целое. В это время восприятие романа в Китае было сугубо негативным и воспроизводило советские идеологические установки. Но уже в середине 1980-х годов наступает второй этап, который длится целое десятилетие и характеризуется исследованиями, основанными на серьезном и глубоком прочтении романа, который уже был переведен и опубликован в КНР. Этот период знаменовался отходом от идейно-политических штампов и приближением к проблематике романа, в первую очередь в ее социально-историческом аспекте. В центре внимания оказались категории нравственности, гуманизма, культуры в историческом контексте первых десятилетий XX века. Третий этап, связанный с постижением художественного своеобразия произведения, начался с середины 1990-х годов и продолжается по сей день. Внимание исследователей переключилось с социально-исторической проблематики романа на эстетические и философские ее аспекты. Стали исследоваться жанровые особенности произведения, религиозные взгляды писателя, трагическое в мироощущении Пастернака. Однако изучение «Доктора Живаго» в художественном и эстетическом аспектах в Китае еще только начинается. Перед учеными стоит задача поместить роман в контекст раннего творчества художника, его поэзии, с тем, чтобы сделать его своим для китайского читателя.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак; «Доктор Живаго»; рецепция в Китае; перевод на китайский язык; иностранная интерпретация

Для цитирования: Сюся Д., Голубков М.М. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае // Вестн. Моск. ун.-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 138–150.

PASTERNAK'S NOVEL DOCTOR ZHIVAGO IN CHINA

Di Xiaoxia

Sichuan International Studies University, China; ninadi@163.com

Mikhail M. Golubkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.golubkov@list.ru

Abstract: The article analyzes the history of reception of B. Pasternak's novel *Doctor Zhivago* in China. The Chinese reader's acquaintance with it began later than in Russia and in the West. According to Professor Zhang Jianghua, a prominent researcher of Russian literature, there are three stages in the perception of Boris Pasternak's novel in China. The first stage began in the 1950s and ended in the mid-1980s. During this period, there were no complete translations of *Doctor Zhivago* in mainland China, and only a few excerpts of the novel were translated from Spanish. These translations were fragmented and did not provide the Chinese reader with a comprehensive understanding of the novel. At that time, China's attitude towards *Doctor Zhivago* was influenced by the demands of orthodox ideology and mirrored the Soviet Union's stance. The second stage began in the mid-1980s and ended in the mid-1990s. It was marked by a shift away from ideological and political clichés and a focus on the novel's themes. Researchers began to explore the categories of morality, humanism, and culture in the historical context of the early 20th century. The third stage, which focused on understanding the artistic uniqueness of the novel, began in the mid-1990s and continues to this day. Social and historical analysis has been replaced by aesthetic analysis: scholars have turned to the genre of *Doctor Zhivago*, to Pasternak's religious consciousness, to the tragic elements in his work, to the inheritance of classical traditions, and to the analysis of the spatial and temporal structure of the narrative. However, the study of *Doctor Zhivago* in artistic and aesthetic terms is still in its early stages in China. Scholars face the challenge of placing the novel in the context of the artist's early work and poetry, in order to make it accessible to Chinese readers.

Keywords: B.L. Pasternak; *Doctor Zhivago*; reception of Russian literature in China; translation into Chinese

For citation: Di Xiaoxia, Golubkov M.M. (2025) Pasternak's Novel *Doctor Zhivago* in China. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 138–150.

Рецепция романа «Доктор Живаго» в Китае имеет свою историю. По политическим причинам китайский читатель познакомился с романом тогда же, когда и советский, спустя почти тридцать лет с момента публикации в Милане (1957). Но если в позднем СССР достаточно было осуществить типографский набор текста романа

и опубликовать его в «Новом мире», то для китайского читателя его нужно было перевести. Первый перевод «Доктора Живаго» вышел в свет в 1981 году на Тайване, потом в 1986-м в континентальном Китае. После этого роман был переведен еще два раза. На сегодняшний день существует четыре перевода романа на китайский язык.

Такого же взрыва интереса к роману в китайской читательской аудитории, как в русской, не последовало. Публикация романа за рубежом, а не на родине, травля Пастернака, еще более усилившийся поток оскорблений после присуждения писателю Нобелевской премии, прямые призывы к лишению советского гражданства и депортации — все эти обстоятельства, важнейшие для рецепции этого романа в русскоязычной среде, сохраняющие и по сей день свою значимость, для китайского читателя оказались не только малоизвестными, но и, пожалуй, неактуальными, малозначащими. Суждения официозных критиков, повторявших на протяжении трех десятилетий до публикации первого перевода, как мы покажем дальше, советские формулировки 50-х годов, никакого интереса у китайского читателя вызвать не могли.

Один из основоположников современного китайского литературоведения, яркий исследователь русской литературы XX–XXI вв. профессор Чжан Цзянхуа предлагает выделять три этапа восприятия романа в Китае. Первый начался в 1950-х и закончился в середине 1980-х гг.

Для китайского читателя важнее были не обстоятельства, сопровождавшие появление романа в СССР, а его мировое признание. Вскоре после публикации в Италии в 1957 г. роман был переведен на десятки языков, получил мировую известность, но его оценки были обусловлены прежде всего политической конъюнктурой борьбы двух мировых систем.

В это время восприятие романа в Китае было сугубо негативным и воспроизвело советские идеологические установки. «Доктор Живаго» расценивался как вредоносное произведение. Статьи о романе носили пасквильный характер: «Как Пастернака наградили Нобелевской премией?» «Гнойник или клад? — почему Нобелевская премия дана Б. Пастернаку?», «Мещанин, предатель — доктор Живаго и его создатель» [Чжан Цзяньхуа 2011: 41]. До конца 1970-х годов ситуация никак не менялась. Официальный дискурс сводился к следующему: Б. Пастернак чужд великому социалистическому делу СССР, и советский народ отторгнул его от себя. «“Доктор Живаго”, беспорядочный по структуре и примитивно прямой по содержанию, стал снарядом, которым буржуазия хочет попасть в Октябрьскую революцию и марксизм-ленинизм» [Чжан Иньлунь, Люй Тунлю, Цянь Шаньсин, Ху Чжаньчжэн 1980: 219]. Пастернак исказил смысл

революции, не увидел всю значимость исторической роли большевиков, обнаружил недооценку личности в ходе революционных преобразований, показал, исказив реальную историческую картину, догматизм и прожектерство новой власти. Но главная его историческая ошибка состоит в том, что он поставил личное над общественным, классовым, утвердив индивидуализм как норму поведения. Таким образом, до середины 1980-х годов давление ортодоксальной идеологии исключало саму возможность литературно-критической интерпретации и научного изучения романа. На китайский язык были переведены лишь некоторые его фрагменты, которые не могли дать никакого понимания реального смысла произведения, причем переведены с испанского.

Второй этап, по мысли Чжана Цзянхуа, начался с середины 1980-х годов и закончился в середине 1990-х. Если первый сводился к огульному политическому осуждению романа, то второй знаменовался приближением к его проблематике. Он характеризуется критической рецепцией, основанной на серьезном и глубоком прочтении романа, который уже был переведен на китайский.

Первый перевод романа был сделан профессиональным переводчиком Ван Чжаохуем и издан на Тайване в 1974 г. В континентальной части Китая в 1986 г. роман перевели совместно известные китайские русисты Ли Ган и Цзи Ган. Этот перевод можно назвать одним из самых удачных: он прост и ясен, сохраняет поэтическое и эмоциональное воплощение оригинала, его метафоричность, особенно значимую для прозы поэта, и лиричность. Исследователь русской литературы Ван Цзясинь и другие ученые рассматривают его как перевод, почти полностью адекватный русскому оригиналу. Следующим стал перевод, сделанный Лань Инънянем и Чжан Бинхэнем в 1987 г. В том же году вышел в свет еще один перевод, сделанный Гу Ялином и Бай Чуньжэнем.

Объективности ради надо сказать, что каждый перевод имеет свои достоинства и недостатки, которые не дают возможности увидеть все аспекты поэтики и проблематики русского оригинала. Различное понимание переводчиками российского исторического контекста, их индивидуальный творческий опыт, различные концепции перевода (от доместикации до форенизации) обуславливают дистанцию между ними. И каждый из этих переводов актуализировался в зависимости от того, какие аспекты проблематики и поэтики этого романа выходили на первый план в тот или иной период его осмысления в китайской аудитории.

На рубеже 1980–1990-х гг. начали постепенно формироваться современные взгляды на роман. На первый план вышли такие аспекты его проблематики, как соотношение правды истории и правды

личности, интеллигенция и революция, хаос и гармония, право и свобода, что в русской традиции звучит скорее как «воля и свобода». Одна из первых исследователей Пастернака Сюэ Цзюньчжи показала, что «Доктор Живаго» не политический роман, а его герой не связан ни с белым движением, ни с контрреволюцией в принципе. Она сосредоточилась на «рефлексии над историей и призывае к человечности», полагая, что именно эта дилемма формирует главный аспект проблематики романа [Сюэ Цзюньчжи 1989: 71]. Исследовательнице удалось поставить «Доктора Живаго» в контекст всего творчества Пастернака, начиная с раннего периода, обнаружить его эстетические взгляды, этические воззрения. Работа Сюэ Цзюньчжи внесла большой вклад в освобождение китайского литературоведения от гнета устаревших клише, влияние которых было еще вполне ощутимо на тот момент.

Чжао Ифань в своей книге «Любовь Эдмона Вильсона к России» (1987) познакомил китайского читателя со взглядами американского ученого Э. Вильсона, с точки зрения которого, «роман “Доктор Живаго” — это самое большое событие в истории литературы и моральной истории человечества», «это поэтический роман, который связан с самой великой революцией XX века», и «этот роман является ключом, которым мы можем открыть дверь в сокровище русской культуры и душу русской интеллигенции». Комплекс проблем — «революция — история — жизненная философия — культура» [Чжао Ифань 1987: 38] — расширил взгляды китайских читателей на гуманистическую и эстетическую ценность романа «Доктор Живаго».

Этот же период характеризует появление статей, разрабатывающих новые пути исследования романа и расширяющих дискурсивный арсенал его интерпретаций, среди них: «Проблема философии и нравственности» Чжэн Юя (1987), «Поле зрения сопоставительного исследования» Го Сяояня (1988), «Судьба романа “Доктора Живаго” и его автора» Сяо Цзюань (1989), «Анализ лирики Пастернака» Гу Юньпу (1989), «Осознание трагедии» Гун Болу (1991), «Интерпретация поэзии футуризма» Ян Кэсяня (1993), «Анализ гуманизма» Вань Е (1993).

Следует отметить, что китайские писатели также внесли весомый вклад в формирование творческой репутации Б. Пастернака, через него обращаясь к гуманистическому пафосу русской литературы в целом. Прочитав «Доктора Живаго», Чжан Канкан писала, что, как она всегда осознавала, ее колыбелью является русская литература, дающая веру в то, «что безобразие и лицемерие будут побеждены любовью и чувством Бога» [Чжан Канкан 1989: 122]. Хорошо известный у себя на родине писатель Е Цзюньцзян видел в Пастернаке значительную фигуру мировой литературы [Е Цзюнь-

цзянь 1988]. Подобные суждения указывали на необратимость процесса вхождения творчества Пастернака в китайское литературоведение, литературу, в культуру в целом.

Нужно сказать, что в писательской среде оценка романа и фигуры его автора все же не была однозначной. И Шуцюань и Чжэн Сяочунь не сочли возможным отказаться от прежних интерпретаций героя романа и его автора. С точки зрения И Шуцюаня, четко осознанный, продуманный индивидуализм ведет героя к трагедии [И Сучюань 1989: 74]. Чжэн Сяочунь рассматривал роман сквозь призму марксистской критики, полагая, что абстрактный гуманизм лишил автора возможности увидеть классовый характер революционной борьбы и привел к надклассовым антиисторическим позициям. Эти писатели полагали, что Пастернак не просто исказил историю, а заблудился в ней [Чэн Сяочунь 1990: 5]. Но подобная интерпретация не была доминирующей. Наставало время обратиться к художественному миру романа.

Следующий, третий, этап, начало которого можно отнести к середине 1990-х гг., характеризуется почти полным отказом от изучения социально-классовой проблематики. Теперь ученые концентрируют свое внимание на художественных особенностях романа и эстетических взглядах его автора. Этот этап длится и по сей день. В центре внимания исследователей — художественное своеобразие романа, его жанровая природа, религиозно-философские взгляды писателя, связь с классической традицией, трагическое как идеино-эстетическая категория.

Видный переводчик, ученый, писатель и журналист Жэнь Гуансюань полагает, что изучение русской литературы вне контекста ее христианского пафоса обедняет выводы исследования. Обращаясь к стихам, написание которых Пастернак передоверяет своему герою, исследователь выделяет в них три аспекта проблематики: любовь, страдание и раскаяние. Жэнь Гуансюань усмотрел в образе Живаго прямые ассоциации с Христом [Жэнь Гуансюань 2007: 12]. Его друг и отчасти оппонент Чжан Цзяньхуа считает, что роман Пастернака является собой попытку преодоления духовного вакуума пореволюционной эпохи, полагая, что революция породила этот вакуум, сметя прежние философские, религиозные, нравственно-этические ориентиры и не дав новых. Почувствовать это и попытаться преодолеть этот вакуум дано таким, как Юрий Андреевич Живаго [Чжан Цзяньхуа 2011: 44].

В небольшой статье нельзя отразить все аспекты литературоведческой интерпретации романа Пастернака, философии его автора, творческой репутации писателя. Обозначим лишь некоторые. Так, Лю Шоупин показывает, что Пастернак утверждает ценность лич-

ности в движении истории и развитии общества [Лю Шоупин 1998: 107]. Дун Сяо рассматривает роман «Доктор Живаго» как эпическое произведение, видит в «Докторе Живаго» реалистический роман [Дун Сяо 2000], а Бао Гохун считает этот роман автобиографическим. Видный ученый Се Чжоу видит в романе характерную для русской философской мысли начала XX века тему преодоления смерти, наиболее ярко выраженную философией русского космизма [Се Чжоу 2002], Лю Юйбао обращает внимание на соотношение лирического и эпического, что дает возможность Пастернаку осмыслить жизненный путь главного героя эпическими и лирическими средствами, имея в виду поэтический цикл, который завершает роман. Не менее важный аспект поэтики романа, по его мнению, определяет «единство человека и природы», что «составляет основу философии этого романа и является эстетическим идеалом, ценностью, конечной правдой, к которым Пастернак всю жизнь стремился» [Лю Юйбао 2007: 35]. Современные исследователи пишут об интертекстуальности романа [Цзян Сюйян 2011], о звуковой и лексической структуре лирики Пастернака, о ее уникальной метафорической системе, об отношениях между природой и искусством, поэтом и природой [У Ди 2003: 90]. Ван Яньцю выявляет в лирике Пастернака наследие футуризма [Ван Яньцю 2006: 30].

Естественно, что внимание исследователей привлек основной любовный конфликт этого романа и, в первую очередь, образ Лары Антиповой. В своей статье «Протест против унижения: анализ образа Лары» Чжао Шанькуй пытается вскрыть истоки ее обаяния, причины ее притягательности и природу невероятного женского очарования. Любовная линия «Живаго — Лара Антипова» безмерно обогащает как Лару, так и Юрия, дарует ему возможность наслаждаться обаянием ее личности. Любовь доктора Живаго к Ларисе смягчает ее чувство вины, поднимает ее на более высокую ступень, а образ ее прямо соотносится с образом Марии Магдалины из поэтического цикла романа [Чжао Шанькуй 2002: 60].

Интерпретация образа главного героя также формирует один из аспектов проблематики современной китайской русистики. Так, например, Хуан Вэй в статье «Вопрос об отношении к “Доктору Живаго”» отрицает интерпретацию его образа как образа лишнего человека. Напротив, по его мнению, в характере доктора Живаго воплощается один из вариантов русского юродства [Хуан Вэй 1997: 67]. Эту точку зрения поддержал Ван Чжигэн, писавший, что Живаго, «подобно юродивому, стоит над реальностью и мелочами жизни, он как будто внешне покоряется этому миру», но в действительности у него сохраняется духовная самостоятельность и критическое отношение к окружающему» [Ван Чжиген 2006: 37]. Пред-

ставление о герое как юродивом определяет и предложенную Ваном Чжигэном оценку того, как реализует себя Юрий Живаго в развитии любовных линий романа. В своей жизни он знал трех женщин, но ни для одной из них не стал настоящей опорой, скорее сам нуждался в такой опоре. Он не может защитить Лару: позволяя Комаровскому обмануть себя, он отдает ей любимую женщину. Он свободен от чувства сильной избирательности и привязанности к кому-либо.

Естественно, что китайская русистика не обходит стороной и социально-политическую проблематику романа. Так, Лань Инъянь справедливо констатирует, что Пастернак, обращаясь в своем романе к самым важным историческим событиям начала XX века — Первой мировой войне, Октябрьской революции, гражданской войне, — не смог осознать и показать их историческую значимость, их воистину грандиозный масштаб. Напротив, эти события оказались заслонены от взора автора трагической судьбой нескольких человек, представителей русской интеллигенции начала XX века [Сюэ Цзюньчжи 1989: 61]. Однако Лань Инъянь далек от того, чтобы трактовать этот роман как антисоветский, становясь на позиции партийной критики 1950-х гг.

Всестороннее осмысление этого романа поставило перед китайскими учеными вопрос уже не столько о романе как грандиозном явлении русской литературы, но и о некоторых особенностях китайской литературы XX века: отсутствии произведений, ставивших подобные вопросы на китайском историческом опыте. Так, Ван Цзечжи, размышляя об истории китайской литературы прошлого столетия, приходит к выводу о том, что роман Пастернака побуждает задуматься, почему проблемы столь глобального исторического масштаба не были осмыслены китайской литературой и не оказались предметом литературно-критической рефлексии на китайском историческом опыте [Ван Цзечжи 2007: 48].

Критик и эссеист Ван Цзясинь, автор эссе «Пролог Варыкино» и «Пастернак», не только в свободной форме интерпретирует художественную специфику романа, но и говорит о сугубо китайском опыте его восприятия: «Пастернак изобразил героя на скрещении истории и его собственной загадочной жизни, и его раздумья об истории связаны с постоянными и мучительными вопрошаниями совести. А это то, что было очень созвучно китайской интеллигенции 90-х годов» [Ван Цзясинь 2007: 120].

Одним из самых знаковых явлений китайской русистики стала монография Фэн Юйчжи «Изучение творчества Б. Пастернака» (2007). Основное внимание в монографии уделяется анализу романа «Доктор Живаго». Фэн Юйчжи рассматривает роман сквозь призму его поэтики. Важным для исследователя становится рассмотре-

ние повествовательной структуры романа, анализ системы персонажей, особое внимание уделяется пейзажу в романе.

Автор монографии видит в Пастернаке яркого представителя русского Серебряного века: впитав его художественные открытия, усвоив уроки символизма и футуризма, он как бы перекидывает мосты между классической литературой и ее современными течениями и направлениями.

Автор пишет о влиянии на Пастернака романа Л. Толстого «Война и мир». Исследователь считает, что в обоих романах исследуется взаимосвязь между личностью и историей. Для Толстого в романе-эпопее первоочередное внимание уделяется «мысли народной», а для Пастернака важнее история частного человека, стремящегося к осмыслению исторических событий и своей роли в них. Если «Война и мир» — классический эпос, то «Доктор Живаго» — эпос лирический. Фэн Юйчжи считает, что в работе над «Доктором Живаго» Пастернак обращался к собственному опыту переводов Шекспира и Гете. «Гамлет» и «Фауст» прямо оказались на трактовке личности Живаго. Высокое чувство одиночества героя возводится в ранг этической, философской категории. Гамлет, противостоящий обществу, судьбе, року, как бы передает опыт своего трагического одиночества доктору Живаго.

Еще одна из важных тем монографии — преемственность романа по отношению к ранней прозе Пастернака; в «Детстве Люверс», как и в «Докторе Живаго», одиночество трактуется как глубинная потребность творческой личности и возводится в ранг философской категории. Анализируя повествовательную структуру романа, Фэн Юйчжи отмечает, что в функции автора здесь выступают повествователь и имплицитный повествователь; обсуждается также роль диалогов (в которых могут воплощаться имплицитные сюжеты), внутренних монологов, писем, дневников, воспоминаний.

Важный аспект проблематики монографии — история присуждения Пастернаку Нобелевской премии. В этой главе Фэн Юйчжи делает упор на идею жертвенности творческого поведения автора.

Глава построена на сопоставлении Пастернака с тремя другими русскими писателями — нобелевскими лауреатами. Юйчжи размышляет о характере творческой репутации каждого из четырех писателей. Сопоставляя произведения Шолохова и Пастернака, ученый обнаруживает сходство Григория Мелехова и Юрия Живаго: оба автора застают своих героев в кризисной ситуации, в состоянии дезориентированности в историческом времени.

Евангельские мотивы романа подробно описаны в монографии, прежде всего тема смерти, которая преодолевается Воскресением, чemu посвящены евангельские стихи живаговского цикла. Сюда же

можно отнести тему предательства, раскаяния, грехопадения и искупления грехов, святой жертвенной любви к Богу.

Чжан Цзяньхуа, упоминавшийся нами в начале статьи, видит специфику китайского литературоведения в том, что идеологические и социально-политические аспекты проблематики романа выходят на первый план, заслоняя его художественные достоинства: «мы видим в Пастернаке просто мыслителя, а не художника» [Чжан Цзяньхуа 2011: 46]. В китайском литературоведении и критике собственно эстетического подхода, обращенного к художественной стороне произведения, явно не хватает.

Чжан Цзяньхуа предлагает вести исследование творчества Пастернака в несколько иных направлениях, чем это было раньше. Прежде всего, должна сформироваться национальная специфика восприятия романа: его содержание, его проблематика должны быть соотнесены с китайским историческим опытом и опытом китайской литературы XX века. Кроме того, критика должна увидеть и оценить поэзию Пастернака — от раннего творчества к позднейшим его этапам. Тогда китайские читатели смогут увидеть Пастернака в его «доместицированной», если воспользоваться переводческим термином, версии.

Чжан Цзяньхуа, размышляя о перспективах изучения Пастернака, был прав. В настоящее время китайское литературоведение идет именно по этому пути. Исследования «Доктора Живаго» сосредоточены в основном на художественном мире романа. Приведем лишь названия наиболее знаковых работ, чтобы представить современный дискурсивный арсенал китайского литературоведения: «Художественный мир романа Пастернака “Доктор Живаго” с символической точки зрения» (2011) — диссертация Шэн Ся; «Сны, образы и метафоры в “Докторе Живаго”» (2015) — статья Ван Цзечжи, посвященная онейросфере романа. В монографии «“Неклассический” психологиям, его истоки и его “присутствие” в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”» (2015) Ди Сяоя показаны эстетические, философские и религиозные истоки психологизма Пастернака. В диссертации «О “жизнесознании” в творчестве Пастернака» (2018) Го Вэньцзин раскрыла символические смыслы в образной системе романа, обратившись к «естественным» образам, «неестественному» образам и символам персонажей. В диссертации Чжан Хуй «Исследование библейского архетипа в “Докторе Живаго”» (2018) показаны библейские прототипы, соответствующие образам Лары, Живаго и Антипова.

Исследований, связанных с изучением художественного пространства в романе, сравнительно немного. Назовем статью Гуй Яньсуна «Бегство от страданий: “Доктор Живаго” с точки зрения

литературной географии» (2012), диссертацию Ван Ихан «“Московское письмо” в романе Пастернака “Доктор Живаго”» (2020), докторские диссертации Ван Лэя «Изучение искусства повествования в “Докторе Живаго”» (2014) и Сунь Лэя «Исследование нарративного дискурса романа “Доктор Живаго”» (2016).

И все же, несмотря на более чем полувековой путь осмысления великого романа XX века, изучение художественных аспектов «Доктор Живаго» в Китае пока только начинается. Китайским ученым еще предстоит сделать этот роман своим для китайского читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжан Цзянъхуа. Исследование творчества Пастернака в Новом Китае (после 60-х годов) // Зарубежная литература, 2011. № 4. С. 40–47 (张建华.新中国六十年帕斯捷尔纳克小说研究之考察与分析[J].外国文学, 2011, (6): 40–47).
2. Чжан Иньлунь, Люй Тунлю, Цянь Шаньсин, Ху Чжаньчжэн. Биографии известных зарубежных писателей. Пекин, 1980 (张英伦, 吕同六, 钱善行, 胡湛珍.外国名作家传[M].北京:中国社会科学出版社, 1980).
3. Сюэ Цзюньчжи. Возвращение советских запрещенных писателей: 5 мнений. Пекин, 1989 (薛君智.回归—苏联开禁作家五论[M].北京:社会科学文献出版社, 1989).
4. Чжао Ифань. Любовь Эдмонда Вильсона к России // Чтение, 1987. № 4. С. 35–38 (赵一凡. 埃尔蒙·威尔逊的俄国之恋[J].读书, 1987, (4): 35–38).
5. Чжан Канкан. Человек с большой буквы // Зарубежная литературная критика, 1989. № 4. С. 122–124 (张抗抗.大写的“人”字[J].外国文学评论, 1989, (4): 122–124).
6. Е Цзюньцзянь. Семья Пастернака // Венъхуэй, 1988. С. 7–13 (叶君健.帕斯捷尔纳克一家[N].文汇报, 1988-7-13).
7. И Сучуань. Судьба интеллигенции одного поколения — критика романа «Доктор Живаго» // Теория и творчество, 1989. № 4. С. 71–75 (易漱泉.一代知识分子的命运—评《日瓦戈医生》[J].理论与创作, 1989, (4): 71–75).
8. Чэн Сяочунь. Заблуждение Пастернака: субъективное сознание писателя и отражение реальности // Литературная теория и критика, 1990. № 2. С. 4–11 (陈晓春.帕斯捷尔纳克的迷误—兼论作家的主体意识与文学真实性的关系[J].文艺理论与批评, 1990, (2): 4–11).
9. Жэн Гуансюань. Евангелическое просвещение в стихах романа «Доктор Живаго» // Русская литература, 2007. №3. С. 10–15 (任光宣.小说《日瓦戈医生》组诗中的福音书契机[J].俄罗斯文艺, 2007, (3):10–15).
10. Лю Шоупин. «Доктор Живаго»: Размышления о судьбе личности // Зарубежная литература, 1998. № 4. С. 104–107 (刘守平.《日瓦戈医生》：主体命运的反思[J].国外文学, 1998, (4): 104–107).
11. Дун Сяо. «Доктор Живаго» — классика в моих глазах // Русская литература, 2000. № 4. С. 50–54 (董晓.《日瓦戈医生》—我心目中的经典[J].俄罗斯文艺, 2000, (4): 50–54).
12. Се Чжоу. Трагический дух доктора Живаго // Вестник Сычуаньского института иностранных языков, 2002. № 4. С. 33–36 (谢周.论日瓦戈医生的悲剧精神[J].四川外语学院学报, 2002, (04): 33–36).
13. Лю Юйбао. Поэтические особенности «Доктора Живаго» // Русская литература, 2007. № 2. С. 31–36 (刘玉宝.日瓦戈医生的诗意图特征[J].俄罗斯文艺, 2007, (2): 31–36).

14. Цзян Сюйян. Исследование интертекстуальности романа «Доктор Живаго» и поэзии Пастернака. Чанша: Средне-южный университет, 2011. Дисс. ... PhD (蒋旭阳.《日瓦戈医生》与帕斯捷尔纳克诗歌互文性研究[D].长沙:中南大学, 2011).
15. У Ди. О пейзажной лирической поэзии Пастернака // Исследования зарубежной литературы, 2003. №4. С. 86-90 (吴笛.论帕斯捷尔纳克的风景抒情诗[J].外国文学研究, 2003, (4):86-90).
16. Ван Яньцю. Танец клавиш: акустическая красота поэтического творчества Пастернака // Русская литература, 2006. № 4. С. 26-30 (王彦秋.琴键的舞蹈——帕斯捷尔纳克诗歌创作的声形美[J].俄罗斯文艺, 2006, (4): 26-30).
17. Чжао Шанькуй. Сопротивление униженности: анализ образа Лары в романе «Доктор Живаго» // Русская литература, 2002. № 5. С. 58-61 (赵山奎.反抗卑——析日瓦戈医生中的拉拉[J].俄罗斯文艺, 2002, (5): 58-61).
18. Хуан Вэй. Исследование проблемы отношения доктора Живаго // Вестник Хайнаньского университета, 1997. № 2. С. 66-70 (黄伟.日瓦戈医生的态度问题研究[J].惠州大学学报, 1997, (2): 66-70).
19. Ван Чжиген. Живаго и юродство // Современная зарубежная литература, 2006. №2. С. 33-41 (王志耕.日瓦戈与圣愚[J].当代外国文学, 2006, (2): 33-41).
20. Сюэ Цзюньчжи. Возвращение советских запрещенных писателей: 5 мнений. Пекин, 1989 (薛君智.回归——苏联开禁作家五论[M].北京:社会科学文献出版社, 1989).
21. Ван Цзечжи. Вековой горький стон: духовная связь Пастернака с китайской интеллигенцией // Искания и дискуссии, 2007. №9. С. 48-52 (汪介之.世纪苦吟: 帕斯捷尔纳克与中国知识者的精神关联[J].探索与争鸣, 2007, (9):48-52).
22. Ван Цзясинь. Стихи писателя: откровения русско-советской поэзии // Зарубежная литература, 2007. №6. С. 114-122 (王家新.承担者的诗——俄苏诗歌的启示[J].外国文学, 2007, (6): 114-122).
23. Фэн Юйчи. Исследования творчества Б. Пастернака. Пекин, 2007 (冯玉芝.帕斯捷尔纳克创作研究[M].北京:人民文学出版社, 2007).

REFERENCES

1. Zhang Jianhua. Study and Analysis of Pasternak's Novels in the Sixty Years of New China [J]. *Foreign Literature*, 2011, (6), pp. 40-47.
2. Zhang Yinglun, Lv Tongliu, Qian Shanxing, Hu Zhanzhen. Biographies of Foreign Famous Writers [M]. Beijing: *China Social Sciences Press*, 1980, pp. 218-221.
3. Xue Junzhi. Return — Five Discussions on the Soviet Union's Ban on Writers [M]. Beijing: *Social Sciences Literature Press*, 1989.
4. Zhao Yifan. Edmond Wilson's Love in Russia [J]. *Reading*, 1987, (4): 35-38.
5. Zhang Kangkang. The Capitalized Character "ren" [J]. *Foreign Literature Review*, 1989, (4), pp. 122-124.
6. Ye Junjian. The Pasternak's family [N]. *Wen Hui Bao*, 1988, 7, 13, (3).
7. Yi Shuquan. The Fate of a Generation of Intellectuals: A Review of "Doctor Zhivago" [J]. *Theory and Creation*, 1989, (4), pp. 71-75.
8. Chen Xiaochun. Pasternak's Mistakes: A Discussion on the Relationship Between Writers' Subjective Consciousness and Literary Authenticity [J]. *Literary Theory and Criticism*, 1990, (2), pp. 4-11.
9. Ren Guangxuan. The Gospel Opportunity in the Poem of the Novel "Doctor Zhivago" [J]. *Russian Literature and Art*, 2007, (3), pp. 10-15.
10. Liu Shouping. Doctor Zhivago: Reflection on the Fate of the Subject. *Foreign Literature*, 1998, (4), pp. 104-107.
11. Dong Xiao. Doctor Zhivago — A Classic in My Mind. *Russian Literature*, 2000, (4): pp. 50-54.

12. Xie Zhou. On the Tragic Spirit of Dr. Zhivago [J]. *Journal of Sichuan University of Foreign Languages*, 2002, (04), pp. 33–36.
13. Liu Yubao. The Poetic Characteristics of Dr. Zhivago [J]. *Russian Literature*, 2007, (2), pp. 31–36.
14. Jiang Xuyang. Study on Intertextuality between “Doctor Zhivago” and Pasternak’s Poetry [D]. Changsha: Central South University, 2011.
15. Wu Di. On Pasternak’s Landscape Lyrical Poetry [J]. *Foreign Literature Studies*, 2003, (4), pp. 86–90.
16. Wang Yanqiu. The Dance of Piano—The Sound and Shape Beauty of Pasternak’s Poetry Creation. *Russian Literature*, 2006, (4), pp. 26–30.
17. Zhao Shankui. Resisting the Humble—Analysis of Lala in Doctor Zhivago [J]. *Russian Literature and Art*, 2002, (5), pp. 58–61.
18. Huang Wei. Study on the Attitude of Dr. Zhivago [J]. *Journal of Huizhou University*, 1997, (2), pp. 66–70.
19. Wang Zhigeng. Zhivago and holy fool [J]. *Contemporary Foreign Literature*, 2006, (2), pp. 33–41.
20. Xue Junzhi Return — Five Discussions on the Soviet Union’s Ban on Writers [M]. Beijing: Social Sciences Literature Press, 1989.
21. Wang Jiezhi. Century’s chanting: The Spiritual Connection between Pasternak and Chinese Intellectuals [J]. *Exploration and Controversy*, 2007, (9), pp. 48–52.
22. Wang Jiaxin. The Poetry of the Undertaker: Insights from Russian and Soviet Poetry [J]. *Foreign Literature*, 2007, (6), pp. 114–122.
23. Feng Yuzhi. Research on Pasternak’s Creation [M]. Beijing: People’s Literature Publishing House, 2007.

Поступила в редакцию 07.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 20.11.2025

Received 07.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 20.11.2025

ОБ АВТОРАХ

Ди Сяоя — кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Сычуаньского университета иностранных языков; профессор центра исследования стран ШОС при Сычуаньском университете иностранных языков; ninadi@163.com.

Михаил Михайлович Голубков — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; m.golubkov@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Di Xiaoxia — PhD in Philology; Professor, Faculty of Russian Language, Sichuan International Studies University; Professor of Center for Research on SCO Countries of Sichuan International Studies University; ninadi@163.com

Mikhail M. Golubkov — Prof. Dr., Head of the Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.golubkov@list.ru

ОБРАЗ ГОРОДА В РОМАНЕ А. ПАЛАЦЦЕСКИ «РИМ»

А.В. Ямпольская

Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия;
khomkins@mail.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка охарактеризовать образ города в романе А. Палаццески «Рим» (1953), используя методику изучения городского текста, в то время как итальянские исследователи сосредоточили внимание на несоответствии описанных событий исторической правде и на стилистическом отличии романа от других произведений писателя. Анализ персонажей, в том числе реальных исторических фигур, таких как папа Пий XII, рассмотрение топонимических, урбанистических, климатических, историко-культурных элементов, а также мифологизированного представления римского народа объясняет своеобразие романа, который принято считать самым неудачным произведением Палаццески. Созданная им ретроспективная утопия является уникальной в итальянской литературе XX века и решительно противоречит образу Рима в произведениях современников писателя, зато она отсылает к описанию римской жизни в сонетах Дж. Дж. Белли, у нее обнаруживается немало общего с отрывком Н.В. Гоголя «Рим». У Палаццески присутствуют такие традиционные элементы римского текста, как противопоставление жителей Рима и форестьеров, тема близости римской жизни природе, тема избранности римского народа и божественного покровительства, Рим представлен как центр христианского мира, показана глубокая религиозность римлян и особое поклонение Пресвятой Деве. Созданный образ города оказывается настолько ярким и насыщенным смыслами, что это вредит романной конструкции, делает персонажей маловыразительными, а сюжет слабым и неправдоподобным, создает впечатление незавершенности повествования. Центральное место в нем занимает образ римского князя, очевидно списанный с Пия XII и также перекликающийся с героем Гоголя.

Ключевые слова: итальянская литература; Палаццески; Рим; образ Рима; городской текст

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-12

Для цитирования: Ямпольская А.В. Образ города в романе А. Палаццески «Рим» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 151–160.

THE IMAGE OF THE CITY IN THE NOVEL *ROME* BY ALDO PALAZZESCHI

Anna V. Jampolskaja

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia;
khomkins@mail.ru

Abstract: The paper attempts to characterize the image of the city in A. Palazzeschi's novel *Rome* (1953), using the methodology of literary city text, while Italian researchers focused on the discrepancy between the events described and the historical truth, and on the stylistic difference of the novel from other works by the writer. The analysis of characters, including real historical figures such as Pope Pius XII, consideration of toponymic, urban, climatic, historical and cultural elements, as well as the mythologized representation of the popolo romano, explains the specificity of the novel, which is considered to be Palazzeschi's worst work. The retrospective utopia he created is unique in the Italian literature of the 20th century and decisively contradicts the image of Rome in the works of the writer's contemporaries, but it corresponds to the description of Roman life in the sonnets of G.G. Belli, and it has much in common with *Rome* by N.V. Gogol. Palazzeschi uses such traditional elements of the Roman text as the opposition of the inhabitants of Rome and the forestiers, the proximity of Roman life to nature, the chosenness of the Roman people and divine patronage; Rome is presented as the center of the Christian world, the deep religiosity of the Romans and special worship of the Virgin are shown. The image of Rome turns out to be so bright and saturated with meanings that it harms the novel's structure, makes the characters inexpressive, and the plot weak and implausible, creates the impression of an incomplete narrative. The central place in it is occupied by the image of the Roman prince, obviously copied from Pius XII and also echoing Gogol's hero.

Keywords: Italian literature; Palazzeschi; Rome; image of Rome; city literary text

For citation: Jampolskaja A.V. (2025) The Image of the City in the Novel *Rome* by Aldo Palazzeschi. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 151–160.

Роман Альдо Палаццески «Рим» увидел свет в 1953 г. во флорентинском издательстве «Валлекки». Его действие происходит в Риме в 1940–1950 гг., в книге рассказано о последних годах жизни князя Филиппо Ди Санто Стефано и его четверых детей; освещены исторические события — преследование евреев нацистами, бомбардировка города, празднование Святого года и провозглашение догмата о Вознесении Пресвятой Девы Марии. Роман был встречен весьма прохладно и до сих пор считается самым слабым произведением Палаццески. Так, М. Миччинези упрекал писателя в нежелании видеть настоящий Рим военных лет: «Рим Ардеатинских пещер, выстраданного Сопротивления, мучений и страха, дней

освобождения и полного тревог послевоенного времени, Рим черного рынка, “сенюорин”, первых трудных попыток оправиться от ужасов войны, Рим кварталов, где живет простой народ и царят нищета и голод»¹ (цит. по [Memmo 1986: 80]). По мнению Миччинези, подобная забывчивость непростительна для писателя, который называет роман именем города и помещает в нем действие. Помимо исторической недостоверности книги критиковали за ходульность персонажей, неубедительный сюжет, неуравновешенную композицию, в том числе за пространные и не оправданные с точки зрения романной конструкции описания города и его обитателей (см. о рецепции романа [Memmo 1986: 77–83; Palazzeschi 2005: 1459–1538; Tellini 2021: 176–186]). Критики призывали Палаццески вернуться к обычной для него театрализованной и ироничной манере повествования. Пожалуй, только Э. Монтале уловил необычность этого произведения: «“Рим” <...> сочли брошенным на половине, в то время как это был всего лишь портрет патриция, отказывавшегося принимать все, что случилось в Риме после 1870 г.; портрет действительно выдающийся, но мало или совсем не понятый критикой, дезориентированной перед романом, который не был ни романом, ни антироманом» (цит. по [Palazzeschi 2005: 1491]).

Действительно, созданный Палаццески образ противоречит образу Рима у других итальянских писателей XX века (А. Моравиа, Э. Моранте, К.-Э. Гадда и др.), а также в фильмах неореалистов [Roma degli scrittori 2015; Ilardi 2017]. На наш взгляд, выявить его особенности и объяснить своеобразие романа поможет применение методики изучения городского текста, разработанной в рамках отечественной филологической школы, прежде всего В.Н. Топоровым [Топоров 1995; Потанина, Гололобов 2012]. Топоров также ввел в оборот понятие Римского текста [Топоров 1987], который к настоящему времени изучен преимущественно на материале произведений не итальянских, а зарубежных, в том числе русских авторов, например Н.В. Гоголя [Владимирова 2006]. Систематизация присутствующих у Палаццески элементов городского текста (природных и культурных образов, способов изображения пространства и времени, топонимов, образов людей, мотивов и т. д.) позволяет среди прочего выявить элементы, которые итальянские исследователи воспринимают как нечто само собой разумеющееся и не подвергают анализу (например, упоминающиеся локусы).

Прежде всего, обращают на себя внимание центральные персонажи — римский князь и его слуга, напоминающие внешне и по характеру Дона Кихота и Санчо Пансу. Дон Филиппо необычайно

¹ Здесь и далее перевод мой. — А.Я.

высокого роста, с «благородной лошадиной головой»², черная одежда подчеркивает его худобу и бледность; впалые щеки, кудрявые, до конца не поседевшие волосы, «большие черные глаза, влекущие и отталкивающие, словно бездна». Он камерье Его Святейшества, глава Конгрегации Сан Винченцо де Паоли, участвует в церковных службах и церемониях в Ватикане. Князь — представитель обедневшего старинного рода, воплощение благородства и христианской веры, его антагонисты в романе — разбогатевшие промышленники. Слуга князя, сор Кекко, — суетящийся по хозяйству «розовый ста-ричок» с круглым румяным лицом, также одетый в черное. Князь и его слуга — францисканцы в миру. У князя четверо детей: первая, любимая дочь, настоятельница монастыря; вторая дочь вместе с мужем колесит по свету; третья дочь вышла за промышленника; сын и наследник ведет беспутную жизнь, восстает против отцовской воли, однако в конце романа решает образумиться, вернуться в Рим и спасти семью от полного разорения.

Хотя детям князя в романе уделено немало внимания, больше запоминаются другие персонажи, например привратница Сора Биче (т. е. Беатриче), «небесная донна», облик которой поражает суровостью и которая в свободные дни совершаает паломничество по святым местам; колоритные обитатели виа Монсеррато, где стоит дворец князя, — например, старуха, несущая бутылку молока, словно белоснежную лилию, а также изображенные на первых страницах романа «дети римского народа», одетые в обноски, играющие в уличной пыли, рано перенимающие у взрослых манеры, походку и музыкальную речь.

Однако самый яркий персонаж романа — Пий XII, «любимый папа», «римлянин». В трагический момент, в день бомбардировки Рима он спешит в разрушенный квартал Сан Лоренцо: «среди избежавшей смерти толпы <...> появилась неизвестно откуда совершенно белая фигура <...>. Он был со всеми и среди всех, чтобы страдать и любить. Он шел медленно, под легким одеянием тело казалось тростинкой, и пока все, чтобы набраться духу, зажмуривали глаза, его глаза все шире раскрывались на потемневшем от горя лице <...>. Посеревшие пальцы взлетали над головами людей, чтобы послать им возвращающие жизнь лучи». Палаццески неоднократно говорит о Пие XII, сравнивая его присутствие в Риме с «невидимой неугасающей лампадой», от которой исходит тепло. В романе есть сцена обращения папы к народу 24 марта 1944 г. на площади Св. Петра, когда он предостерегает воюющие стороны: «Рим не дозволено,

² Цитаты из романа приводятся по изданию *Palazzeschi A. Roma // Palazzeschi A. Tutti i romanzi. Vol. 2. Milano, 2005. P. 435–665.*

нельзя трогать, горе тому, кто осмелится его тронуть <...> Так через человеческие уста излился Божий гнев». Уход немцев из Рима и появление американцев, не сопровождавшиеся боями и разрушениями, в романе названы «чудом»; вместе с римлянами папа отправляется в церковь Св. Игнатия, чтобы поблагодарить Мадонну Божественной Любви за заступничество. Наконец, папа показан во время торжеств в рамках Юбилейного года (1950), на службе в Соборе Св. Петра, во время провозглашения доктрины о Вознесении Пресвятой Девы Марии. Персонажи Пия XII и князя тесно связаны: оба римляне, почти ровесники, князь всю жизнь следил за папой, пока обоих не озарило «сияние Святости».

Помимо персонажей римский текст романа определяют упоминающиеся в нем места. Дворец князя стоит на виа Монсеррато — «тесной улочке, чье богатство осталось в прошлом», в историческом центре, неподалеку от палаццо Фарнезе (этот квартал противопоставлен кварталу Монте Париоли, населенном состоятельной буржуазией). Князь ходит в скромную приходскую церковь Св. Лючии; отпевают его в подобающей человеку его положения церкви Сант'Андреа делла Валле; «полюсы жизни князя» — Собор Св. Петра, куда он являлся в торжественном одеянии, и Санта Мария ин Арачели, где он бывал в скромном монашеском платье. Римские церкви вообще играют в романе огромную роль: подчеркивается, что только там люди находили утешение в годы войны; пейзаж города с куполами церквей важен и в сцене ухода Кекко из мира, о чем сказано ниже. Палаццески рисует и картины военного Рима: вокзал Термини; разрушенный квартал Сан Лоренцо; пустынная на Рождество пьяцца Навона; римское гетто (квартал между площадью Торре Арджентина и Тибром), где проходят облавы. В романе описан Пантеон и окружающие его улицы, римские острии; упоминается и противопоставленный Риму коренных жителей туристический Рим — виа Венето, Аппиева дорога, Колизей.

Особую роль играет в повествовании церковь Санта Мария ин Арачели. В одной из первых сцен князь и слуга поднимаются к ней вместе с толпой детей в праздничный день: «Ведущая к ней лестница — самая крутая (124 ступени из белого мрамора, необычайно высоких и опасно гладких, ведут от основания Капитолийского холма к францисканской церкви Арачели); это «самая неудобная, самая утомительная из известных лестниц»). Особенно выразительна заключительная сцена романа: Кекко, решив после смерти хозяина постричься в монахи, проходит пешком от дверей уже бывшего дома до подножья Капитолия и медленно поднимается к церкви, читая Символ веры. Прежде чем исчезнуть в темном проеме дверей, он прощается с миром — прощается с Римом и куполами его церк-

вей: «Он оглянулся. Залитые солнцем купола Рима казались золотыми. От купола Святого Петра, самого далекого, до Джезу, прямо напротив, и остальных, словно окружавших его: Сант'Андреа делла Валле, Сант'Аньезе, Сан Карло ин Катинари и Сан Карло на Корсо, Санта Мария ин Валличелла, Санта Мария делла Паче, Санта Мария дель Пополо, Фьорентини... Колокола каждой звучали, как крики надежды». Как подчеркивает Й. Солдатески, именно Кекко показывает, что христианская вера дарит покой и радость, идя по ступеням и становясь все легче, невесомее, он словно поднимается к небесам [Soldateschi 2002: 370].

Церковь на Капитолии, в самом сердце Рима, важна и тем, что там находится «Святой Младенец», которого ласково называют «ег Риро» («малыш»), — скульптура Младенца Иисуса, вырезанная в XV в. из древесины оливкового дерева из Гефсиманского сада. Скульптура почитается как чудотворная, церковь украшают многочисленные *ex voto*. В романе сюда в рождественские дни спешат родители с детьми, к которым присоединяются главные герои.

Красноречиво описано жилище князя: некогда его семейство занимало весь громадный и величественный дворец, теперь хозяин и слуга ются в квартирке, где царят монашеская нищета и полу-мрак. На этаж к ним ведет высокая лестница (как и в описании церкви Арачели, символизирующая духовный подъем). При этом в квартире наряду с тесной комнатой князя, кухней и закутком, где юится Кекко, есть «бескрайний и совершенно пустой» тронный зал, где на покрытом красным ковром возвышении стоит под огромным пурпурным балдахином золотой трон с папским гербом. В силу старины привилегии, дарованной роду князя, некогда на троне восседал сам папа. Когда князь прячет у себя еврейских женщин и детей, они располагаются на полу, у подножья трона, символизирующего покровительство Ватикана. То же значение имеет табличка «Святой престол», которую прибивают у входа во дворец.

Огромное место в романе занимает очевидно мифологизированное описание Рима. Так, в главе под красноречивым названием «Город солнца» (прямой отсылки к сочинению Т. Кампанеллы здесь нет) Палаццески рассуждает о том, что Рим — город, живущий в светлое время суток и замирающий ночью (ночной Рим — для ищущего романтики форестьера, римлянин по натуре не романтик). В этом городе, подчиняющемся природным ритмам, вместо пения птиц слышны колокольный звон, пение и насиживание отправляющихся на работу людей; характерные для римских домов террасы уподобляются садам Семирамиды. Писатель ценит в римлянах физическое и психическое здоровье, чувственность, близость природе: «Все дышит симпатией и горячим, плотским счастьем — пло-

тью, слепленной из хорошего теста, хорошего цвета, которую не тревожат нервные потрясения, не печалит тирания ума, плотью, которая ищет и привлекает другую плоть <...> контакт с ней не вызывает ни малейшего отвращения, тревоги, беспокойства, она наделена здоровой, спокойной, природной силой». В главе «Красота и святость» Палаццески продолжает открыто восхвалять Рим: «Рим — город равновесия, лености и равнодушия, — эти качества обнаруживают прибывшие из других регионов Италии сторонники крайностей, поскольку они не в состоянии понять величайшую добродетель, лежащую в основе подобного образа жизни. <...> В чувстве меры и скрыто величие этой цивилизации». Писатель находит это в характере римлян и в их внешнем облике — манере одеваться, двигаться, держаться. Он даже утверждает, что подлинное Возрождение следует искать в Риме, а не во Флоренции, тесно связанный со Средневековьем. Упоминает он и поэта римского народа Дж. Дж. Белли, автора знаменитых римских сонетов, описавшего местные типы и быт простолюдинов [Белли 2012]. Рисуя сценки из жизни римлян в этой и других главах, Палаццески следует за Белли: он утверждает, что настоящих римлян можно наблюдать не в кафе на виа Венето, а в остериях; подробно описывает блюда римской кухни, вино из Кастелли Романи, разговоры за столом, поведение взрослых и детей. При этом Палаццески рассуждает о хранящих Рим могущественных силах: «Сила, лежащая в основе народа, имеющего древнюю цивилизацию, в Риме всегда вмешивается»; «Рим всегда со всем спрятится».

В романе не раз встречаются пространные рассуждения о римском народе, его характере и привычках: «Ни один народ не создан чудесным образом для мира, как народ Рима: небо здесь светло-голубое, прозрачное, солнце окрашивает розовым все вокруг и заставляет улыбки сиять у всех на устах»; «Римский народ не создан для драмы, и ни один народ не может похвастаться столь же драматичной историей, даже народ Израиля. <...> Жизнь ему нравится, и он счастлив существовать. Он не ленив, как говорят, и не равнодушен, как можно подумать, однако он никогда не торопится и порицает суеверную жизнь, ему нравится спокойно пробовать жизнь на вкус, и в этом он самый что ни на есть утонченный синьор. Он не гоняется за удобными случаями, но когда такой случай проходит перед ним, ловко ухватывает его за чуб. Ему чужд фанатизм, его ни в чем не назовешь экстремистом, он рассматривает фанатизм и экстремизм как проявление бескультурья и дурного вкуса. <...> Он не сопротивляется никакому режиму или форме правления, он безусловно принимает его из принципа и у всех берет ту часть, что ему нравится: он любит зрелище, театральность; спектакли, которые

умеет показать римский народ, неслыханной красоты, поэтому он готов шуметь, производить громкий шум ртом и руками, ведь это относится к счастью существования, и ничто лучше шума не выражает этого счастья».

Подобные рассуждения, которые ожидаешь встретить у авторов прошлых столетий и которые в середине XX в. кажутся анахронизмом, напоминают отечественному читателю хорошо известные рассуждения о римском народе в отрывке Гоголя «Рим». В одноименных произведениях Гоголя и Палаццески вообще много общего, начиная с главного героя — римского князя, с восхищения народом Рима и размышлений о его особой судьбе, красочных картин римской жизни, и кончая тем, что оба произведения кажутся незаконченными, а их герои достаточно условными, римские декорации в итоге оказываются куда интереснее, чем разыгранная в них история. Специфику гоголевского «Рима» пытались объяснить (см., например, [Джулиани 2009: 117–205; Владимирова 2006: 17–20]), исследователи творчества Палаццески, как правило, ограничивались критикой. На наш взгляд, своеобразие романа Палаццески связано с тем, что писатель создает чрезвычайно оригинальный для своего времени образ Рима, отражающий его собственный опыт и типологически близкий образу Рима, созданному итальянскими и зарубежными авторами XIX века. Возможно, это объясняется тем, что Палаццески, родившийся во Флоренции и переехавший в Рим в зрелом возрасте, сохранял взгляд со стороны.

Характеризуя образ Рима в романе Палаццески, можно выделить следующие составляющие, традиционные для римского текста: противопоставление Рима как южного города северу страны; противопоставление римлянина и приезжего (особенно иностранного туриста); изображение Рима как солнечного и близкого природе города (имплицитно противопоставленного северным промышленным городам); мифологизированное представление населения Рима как наделенного особыми физическими и нравственными качествами римского народа; связанное с этим мифологизированное представление Рима как города, издревле находящегося под покровительством высших сил; последние два элемента тесно связаны с утверждением об особой религиозности римлян, их приверженности христианской вере, о безоговорочном авторитете Ватикана (кажется, что город подчиняется папе, а не светским властям). Внимание к религиозной жизни объясняет, почему центральное место в романе занимает персонаж Пия XII и во многом списанный с него персонаж римского князя; главным элементом городского пейзажа оказываются церкви и их купола; ставится знак равенства между Римом и миром.

Созданный Палаццески портрет Рима основан на реальном опыте (писатель с 1941 г. жил в Риме и был непосредственным свидетелем описанных исторических событий), на него наложили отпечаток и религиозность автора, и чувство единения с римлянами в трудные годы, однако в романе присутствуют настолько мощные традиционные элементы римского мифа, что именно они определяют образ города, делают его выпуклым и самодостаточным, ослабляя романную конструкцию и отвлекая внимание читателя от сюжета и персонажей, которые, по сути, превращаются в украшающие римский пейзаж фигуры. Как верно подменил Монтале, Палаццески и его герои как будто отказываются видеть все, что случилось после 1870 г., когда Рим присоединили к итальянскому государству. Ретроспективная утопия, также являющаяся характерным элементом римского текста, вызвала недоумение у современников писателя и определила рецепцию романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белли Дж.Дж. Римские сонеты / пер. и вступ. статья Е. Солоновича. М., 2012.
2. Владимирова Т.Л. Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.
3. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай. М., 2009.
4. Потанина Н.Л., Гололовов М.А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7). С. 32–37.
5. Топоров В.Н. Вергилианская тема Рима // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 196–215.
6. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 259–367.
7. Ilardi E. La capitale delle storie. Roma come contesto narrativo // Tracce urbane. 2017. № 2. P. 48–64.
8. Memmo F.P. Invito alla lettura di Palazzeschi. Milano, 1986.
9. Palazzeschi A. Tutti i romanzi. Vol. 2. Milano, 2005.
10. Roma degli scrittori. Calvino, Gadda, Landolfi, Levi, Malerba, Manganelli, Moravia, Pasolini / A cura di G. Biferali, postfazione di F. La Porta. Roma, 2015.
11. Soldateschi J. I romanzi romani // L'opera di Aldo Palazzeschi. Atti del Convegno Internazionale. Firenze, 22-24 febbraio 2001. Firenze, 2002. P. 357–371.
12. Tellini G. Palazzeschi. Roma, 2021.

REFERENCES

1. Belli G.G. *Rimskie sonety* [The Roman Sonnets]. Transl. and introd. by E. Solonovich. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2012. 260 p. (In Russ.)
2. Vladimirova T.L. *Rimskii tekst v tvorchestve N.V. Gogolya* [Roman literary city text in Gogol's works]. Abstract for the degree of Candidate in Philology. Tomsk, 2006. 22 p. (In Russ.)
3. Giuliani R. *Rim v zhizni i tvorchestve Gogolya, ili Poteryannyi rai* [Rome in Gogol's life and works, or the Paradise lost]. Moscow, NLO Publ. 2009. 288 p. (In Russ.)

4. Potanina N.L., Gololobov M.A. *Gorodskoi tekst kak teoreticheskaya problema* [Literary city text as a theoretical problem]. *Filologicheskaya regionalistika*, 2012, № 1 (7), pp. 32–37. (In Russ.)
5. Toporov V.N. *Vergilianskaya tema Rima* [Virgil's theme fo Rome]. *Issledovaniya po strukture teksta* [Text Structure Researches]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 196–215.
6. Toporov V.N. *Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» (Vvedenie v temu)* [Petersburg and «Peterburg's text of the Russian literature» (Introduction to the theme)]. In: Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of the Mythopoetics. Selected Works]. Moscow; Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 259–367.
7. Ilardi E. La capitale delle storie. Roma come contesto narrativo. *Tracce urbane*, 2017. № 2, pp. 48–64.
8. Memmo F.P. *Invito alla lettura di Palazzeschi*. Milano, Mursia, 1986. 134 p.
9. Palazzeschi A. *Tutti i romanzi*. Vol. 2. Milano, Mondadori, 2005. 1771 p.
10. Roma degli scrittori. Calvino, Gadda, Landolfi, Levi, Malerba, Manganelli, Moravia, Pasolini / A cura di G. Biferali, postfazione di F. La Porta. Roma, Artemide, 2015. 103 p.
11. Soldateschi J. *I romanzi romani*. In: L'opera di Aldo Palazzeschi. Atti del Convegno Internazionale. Firenze, 22-24 febbraio 2001. Firenze, Olschki, 2002, pp. 357–371.
12. Tellini G. *Palazzeschi*. Roma, Salerno editrice, 2021. 339 p.

Поступила в редакцию 15.03.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 22.11.2025

Received 15.03.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 22.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Анна Владиславовна Ямпольская — кандидат филологических наук, dottore di ricerca in linguistica (Università degli Studi di Firenze), доцент кафедры художественного перевода Литературного института имени А.М. Горького; khomkins@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Jampolskaja — PhD, Associate Professor, Department of Literary Translation, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing; khomkins@mail.ru

О СИМВОЛИЗМЕ ОТЦА И ОТЦОВСТВА В ДРАМАТУРГИИ Х. ИБСЕНА

В.М. Толмачев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tolmatchoff@hotmail.com*

Аннотация: В статье анализируются позиции невыразимого в творчестве Ибсена. Его носителями практически во всех значимых пьесах Ибсена становятся фигуры отцов. Как правило, это внесценический персонаж, связанный с ужасом лжесыновства, с всепроникающей ложью жизни. Сознательная или бессознательная борьба сыновей с отцами и отцовством образует стержень поисков абсолюта ибсеновскими героями. По ходу этого апофатического поиска идеальным субститутом отца становится матери, материнство. Однако это замещение всегда парадоксально: отречение от отца способно перекинуться на мать. Иногда на место таких сыновей ставятся дочери, становящиеся гендерно двусмысленными. Поиски абсолюта у Ибсена основаны на парадоксах не только самотождественности (быть собой / быть не собой), пола (гендерно двусмысленные мужчины, женщины), но и перетекания жизни в смерть. Отождествление абсолюта и смерти, ритуализация добровольного отказа от жизни составляют нерв зреющей ибсеновской драматургии. Ее анализ, выполненный в технике тщательного чтения, позволяет автору статьи дать сравнительно новую интерпретацию ибсеновского творчества и его основной символики.

Ключевые слова: Х. Ибсен; целостность ибсеновского творчества; мистерия; бунт против отца, отцовства; парадоксальность фигур сына, отца, матери; поиск нерелигиозной религиозности; «Бранд»; «Пер Гюнт»; «Привидения»; «Дикая утка»; «Гедда Габлер»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-13

Для цитирования: Толмачёв В.М. О символизме отца и отцовства в драматургии Х. Ибсена // Вест. Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2025. № 6. С. 161–180.

ON THE SYMBOLISM OF FATHER AND FATHERHOOD IN H. IBSEN'S DRAMATIC WORK

Василий М. Толматчов

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tolmatchoff@hotmail.com

Abstract: The article analyzes the position of the inexpressible in Ibsen's work. Its bearers in almost all of Ibsen's significant plays are father figures. As a rule, this

is an offstage character associated with the horror of falsehood, with the pervasive lie of life. The conscious or unconscious struggle of sons with their fathers and fatherhood forms the core of Ibsen's characters' search for the absolute. In the course of this apophasic search, mothers and motherhood become the ideal substitute for the father. However, this substitution is always paradoxical: the renunciation of the father can spill over into the mother. Sometimes daughters take the place of such sons, becoming gender ambiguous. Ibsen's search for the absolute is based on the paradoxes of not only self-identity (to be oneself / not to be oneself), gender (gender ambiguous men, women), but also the flow of life into death. The identification of the absolute and death, the ritualization of the voluntary renunciation of life form the nerve of Ibsen's mature dramaturgy. Its analysis, performed in the technique of close reading, allows the author of the paper to give a relatively new interpretation of Ibsen's work and its basic symbolism.

Keywords: H. Ibsen; integrity of Ibsen's work; mystery; rebellion against father; fatherhood; paradoxical figures of son, father, mother; search for non-religious religiosity; "Brand"; "Peer Gynt"; "Ghosts"; "The Wild Duck"; "Gedda Gabler"

For citation: Tolmatchoff V.M. (2025) On the Symbolism of Father and Fatherhood in H. Ibsen's Dramatic Work. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 161–180.

У А.П. Чехова, как известно, все основные пьесы о «пудах любви». У Х. Ибсена же, его драматургического отца, фигурируют «клубки» (выражение Перя Гюнта), то есть своего рода пуды, различных видов лжи, нити которой незримо опутывают собой всё, включая любовь, и делают, казалось бы, идеально задуманное, «горнее», героическое, таков ибсеновский рок, своей противоположностью — материальным, дольним, комичным. Причем это касается у Ибсена как всемирно окрашенного мессианства, как национальной или индивидуальной героики, так и чего-то относительно частного, отношений конкретных мужа и жены, родителей и детей. Девальвация, деидеализация, отметим, все-таки обходят стороной единственно безусловного, но при этом и внесценического, внеобразного героя Ибсена — правду, некую тотальную правду. Однако этот ибсеновский абсолют в условиях трансформации трагедии в комедию, маскарад сближается со смертью, с ничто — сходом лавины, выстрелом, падением. Вольное или невольное влечение к небытию — основа ибсеновской мистериальности, которая превращает его драмы, нет, не в растянутые эпilogи, как это нередко считается, а в прологи. И это лейттема творчества Ибсена от «Катилины» (1850) до «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899).

Впрочем, особый правдоискатель, этот парадигматический персонаж Ибсена, и порой столь причудливый, как Пер Гюнт, на всем протяжении ибсеновского творчества — не только герой на глиня-

ных ногах, персонаж с врожденной раной или бессознательный агент безжалостной судьбы, не переносимого для обычной жизни идеала, но и тот, кто вопреки всей своей фундаментальной слабости двойного, а то и многоликого (то есть нецельного), человека все-таки пытается решить в его ситуации носителя нецельности, человека-дроби, самую сложную и даже почти что абсурдную из задач — встретиться, преобразуя на этом пути этику, эстетику, общественные институты, саму религию, с самим собой, стать человеком-единицей, Человеком¹. На символическом, или мистериальном, языке ибсеновских пьес это и означает умереть, то есть максимально сблизиться с теневым, невозможным, страшным, невыразимым. «Кто видел Бога, тот умрет», — раз за разом, и, разумеется, не только в «Бранде», Ибсен варьирует образ данной загадки человекобожия и связанных с ней выбора, загадки жертвоприношения, отсылающей, скорее, к мистериям Египта и античности, неоплатоническому гноисису, ренессансной алхимии, ритуальным практикам тайных обществ и братств, чем к Моисееву (Бранд — как бы новый Моисей) и, тем более, Христову², свету. В любом случае, ибсеновский человек судьбы, особый судья другим и самому себе, шаг за шагом убивает себя прежнего, в его восприятии так или иначе ветхого (в силу своих связей с жизнью — таковы любовь, отец, мать, дети, общественное призвание, религия, даже половая принадлежность, сковывающие разгорание мистериального огня³), и после разрыва этих связей,

¹ Этот знаменитый образ, восходящий в случае Ибсена, скорее всего, к С. Кьеркегору, метафоричен и обозначает, если вдуматься, не абсолютно само-достаточное существование части вне какого-либо целого, а приданье части через ее самоуглубление статуса нового целого, самих радуги, лабиринта, водопада, «зо-лота», подвижной полноты бытия. То есть речь идет о решении неклассической культурой принципиальной для нее задачи, придании заведомым субъектности, субъективности, иллюзорности статуса Идеи, «неведомого шедевра» — объективности, объективности, реальности.

² Имя Иисуса Христа в творчестве Ибсена значимо только в мистериальной драме «Кесарь и Галилеянин» (1873), где с Его незримым присутствием, победой христианства над язычеством, борется, как может, до последнего вздоха Юлиан Отступник, в одном лице император, гностический мистик, искатель синтеза плоти и духа, эстетик, «проклятый поэт». Часто забывают, что по ходу многолетней работы над этой драмой, самой по себе несколько умозрительной, растрянутой, драматургически неубедительной, Ибсен, использовав ее творческий потенциал, создал свои шедевры, «Бранда» (1866) и «Пера Гонта» (1867).

³ Горение духа в Бранде отражено в семантике его фамилии. Правда, в отличие от Моисея при восхождении на синайскую гору Бранд ищет своего бога, *Il fuoco*, в снежных вихрях, даже призрачная ледяная церковь становится для него соблазном остановки. Иными словами, ибсеновский огонь является, скорее, белым, бледным, незримым и даже черным (в случае Гедды Габлер — той богини, опаленной любовью к самой себе, которая не желает, чтобы к ней прикасались), чем красным. Его символические эквиваленты, тем не менее, материальны: безудержное красноречие Перы Гонта, огненная тарантелла Норы, пожар, устроенный

совершения, иначе говоря, особого, сакрального, преступления против своего человечества (здесь «самоотречение», «самоубийство», «отцеубийство» переходят друг в друга) подводится Ибсеном в роли строителя неких таинственных объектов — лабиринта или башни (самых символов не знающего никаких разделений сверхчеловечества⁴) — к своему второму рождению.

Последовательную ибсеновскую поэтизацию данного метафизического акта и тьмы как особого света можно попытаться объяснить по-разному — биографически, особыми анархизмом и атеизмом (в этом он «человек 1840-х годов», что уподобляет Ибсена Фейербаху, Гарibalди, Бакунину в одном и Вагнеру в другом), ставшими следствиями его детской травмы, разочарования в национальном идеале, или наличием в творчестве пока еще не в полной мере выявленного символического капитала — чего-то такого, что наделяет «мистерию», перемещенную из Мемфиса или Элевсина в современный быт, чертами той площадки, где утверждаются ценности пострелигиозно понимаемой свободы, неких полета-восхождения (ono же в силу ибсеновской парадоксальности падение) и нового Адама. Театрализация этого акта, связанного с ним невыразимого, то более подробная, близкая к опыту натурализма (так называемые пьесы о современности), то более эскизная, романтическо-аллегорическая в раннем творчестве или уже близкая к запросам символизма в позднем (начиная со «Строителя Сольнеса»), облекается у Ибсена в разные исторические костюмы, осуществлена в разных драматургических стилистиках (поэтическая драма, «куски жизни», миракль), но при этом не меняется ни ее суть (дерзновение абсолютно понимаемой пострелигиозной свободы «я»), ни метод идейного оформления (многочисленные парадоксы, выстраиваемые вокруг оппозиции «быть собой» / «быть не собой»), ни сюжетные и театральные приемы, сочетающие точность, даже навязчивость детали, жеста с символикой, наличием внесценических образов. Мировое ибсеноведение, как правило не замечая единства ибсеновского творчества (распространяющегося, вне всякого сомнения, на «Бранда», «Пера Гюнта», «Кесаря и Галилеянина»), уподобляя его критике патриархальных нравов, национального начала, буржуазности, отношений мужчины и женщины с позиций «модернизма» или по-

в собственном доме Сольнесом, желание Гедды спалить волосы Теа и вложить в руку Левборга револьвер и т. п.

⁴ См. по этому поводу известное стихотворение Вяч. Иванова, написанное в момент максимального увлечения Ибсеном русских символистов (*«Зодчий»*, 1906): «Я башню безумную зижду / Высоко над мороком жизни». Проблематика Ибсена, «обогащенная» чтением Ницше (шедшего с Ибсеном параллельными путями), вынесена Ивановым в центр трагедии *«Прометей»* и поэмы *«Человек»*, написанных в 1910-е годы.

стрелигиозного гуманизма⁵, проходит мимо того, что составляет эту фундаментальную, не подберем иного выражения, пергюнтовскую, загадку Ибсена⁶, наличие которой делает норвежца современником как Достоевского, так и Ницше. Находится в несомненном застое и отечественная скандинавистика, воспроизводящая применительно к Ибсену, точнее, лишь к части его творчества, те или иные социологизированные штампы марксистской и постмодернистско-неомарксистской идеологии (в их свете совершенно непонятно, чем Ибсен приковал к себе внимание Стриндберга, Уайлда, Шоу, Метерлинка, Вилье де Лиль Адана, Д'Аннуцио, Блока, У.Б. Йейтса, Конрада, Дж. Джойса, Томаса Манна, Брехта, О'Нила)⁷. И это при том, что еще более ста лет назад усилиями прежде всего И. Анненского и Андрея Белого был заложен фундамент для понимания всей совокупности ибсеновского творчества как программно символистского задания, сердцевину которого составляет мифология «кризиса европейского духа» и художника, пытающегося обратить этот предельно активированный им кризис ненормативного художественного слова в площадку прорыва по ту сторону слова, в место встречи с богом неведомым. С данным богом в той или иной форме пытаются встретиться все основные герои Ибсена. Важный контекст этой встречи-невстречи — отец, отцовство.

Перед тем как перейти в связи с отцовским началом к рассмотрению ряда конкретных пьес, отметим в рамках избранной темы общее в них. Отец чаще всего *внесценический персонаж*. И это касается не только пьес Ибсена о современности, где тема отцовства лишь при поверхностном подходе к ним рассмотрена, как в «Привидениях», в терминах социальной болезни — проступков отца, матери и обусловленных ими вырождения, духовной болезни детей как заложников физиологически понимаемого прошлого. Но сведение «Привидений» к действию «биологического детерминизма» [Одесская 2007: 148] крайне обедняет пьесу. Ведь перед читателем мощный и разнообразно представленный конфликт отцов и матерей, роди-

⁵ См. влиятельную монографию Торил Мои, где Ибсен, но лишь начиная с появления «Кукольного дома», представлен как «модернист», подвергнувший критике все основные концепты «идеализма» XIX в. (*Moi T. Henric Ibsen and the Birth of Modernism: Art, Theater, Philosophy*. N.Y.; Oxford: Oxford UP, 2006).

⁶ О ней в «Пере Гюнте» заявляет, отдавшим должное юмору этой специфической мистериальной драмы в форме «антидрамы», такой фантасмагоричный персонаж, как *Бегриффенфельдт* (директор сумасшедшего дома в Каире): «Пер Гюнт... это — символ!» (2, 543). Зд. и далее русский перевод ибсеновских пьес с указанием в круглых скобках конкретных тома и страницы приводится по 4-томнику издательства «Искусство» [Ибсен 1956–1958].

⁷ Появление издания А.А. Юрьева, обозначившего проблему ибсеновской мистериальности (Ибсен Х. Кесарь и Галилеянин. СПб.: Наука, 2006 [серия «Литературные памятники»]), не изменило это общее положение дел.

телей и детей, необходимости и свободы, сознательного и бессознательного, конфликт, который позволяет, с поправкой на современность, вспомнить не только о натурализме (в действительности выступающем в защиту эротики и, шире, витального начала бытия, в условиях современной цивилизации подвергающихся насилию илиискажению со стороны тех или иных социальных институтов), но, к примеру, и о Софокле. И в целом отец у Ибсена — отнюдь не атрибут предыстории основного сюжета. Напротив, как источник невыразимого в действии он многолик — является в виде отцовства и конкретным персонажем, подобием Дон-Жуана, вложившим в детей донжуаново начало в разных, но не обязательно исключительно эротическом, видах, и измерением национальной истории, патриархального северного уклада жизни (уходящего корнями в дохристианские времена), и, что существенно, продолжением радикального протестантского представления о Боге карающем, о почти что неискупимых следствиях некоего загадочного греха, а также, что еще более неожиданно, богом наоборот, тем богом неведомым, который не связан с определенной религией, с добром и злом и порой принимает облик матери, даже особой великой матери. Ни о какой *felix culpa* речь у Ибсена в связи с отцовством, с изгнанием из «рая» (детской жизни, счастливого брака и т. п.), с последующим поиском нового отца не идет! Разумеется, крайне важны здесь не только автобиографическое измерение образа (сложные отношения Ибсена с собственным отцом), но и его психическо-психологические (комплексы отречения от отцовства) и литературные (начиная с «Царя-Эдипа», «Гамлета» и вплоть до «Или — или», «Страха и трепета»⁸) аспекты. Но не менее важно то, что довольно сдержаненный в общении, а порою и скрытный (о чем он пишет, в частности, Б. Бьёрнсону), драматург не выносил на всеобщее обозрение. Учитывая как угадывающуюся пламенную атеистичность Ибсена, как его критицизм в отношении всех общественных институтов, так и обыгрывание его героем в свою пользу возможностей «мира как театра» (темы маскарада, его гения, соответствующего ритуала заданы в «Пере Гюнте»), можно предположить, что Ибсен применительно к своему ультраиндивидуализму является не столько ироником, разоблачителем всех и всяческих иллюзий, сколько апологетом «человека играющего» и связанной с этим образом особой нерелигиозной религиозности.

Итак, отец, отцовство у Ибсена при первом подходе — «вчера», некое умершее, но все еще властное прошлое: лютеранство, христи-

⁸ Подобно кьеркегоровским вещам, драмы Ибсена являются сплавом исповеди (их автобиографизм хотя и не явен, но несомненен) и опыта самоиронии, комедии безжалостного самоанализа.

анская мораль, национальная идея (человек Севера), распределение ролей в традиционном браке, «современные» горожане, чья современность половинчатая (пробст, фогт, коммерсант, журналист, адвокат, учитель, врач, архитектор и т. п.). По контрасту сын и сыновство здесь — движение в противоположном направлении: или попытка расчета с отцовством, или попытка сублимации невроза, в чьем формировании отец занимает центральное место. На фоне очевидной критики отца и отцовства более чем заметно у Ибсена другое: наличие в связке с отцами сильных матерей, подталкивающих сыновей к свободе. Однако, как и отцы, отцовство, матери и материнство у Ибсена неоднозначны: то они именно матери, то жены, то сестры, то соперницы, то загадочные фигуры, наподобие Герд или Хильды. Отречение от отца, подчас замещающего собой мать, влечет за собой и конечное отречение от матери, а также от детей, от устойчивых гендерных ролей, от эротики.

Тема отца начинает развиваться в «Бранде» со списка действующих лиц. Отца в нем нет. После номинации первым Бранда следует «Его мать». Неслучайность детали обнаруживается уже в первой сцене. В диалоге с крестьянином Бранд говорит: «Кого назвал ты — мать имел» (2, 137). Это умолчание имени Бога говорящее, оно распространяется затем на отрицание отцовства во всех смыслах, включая, как уже косвенно следует из данной строки, смысл религиозный.

В той же первой сцене крестьянин ставит под сомнение отцовство Бога, когда Бранд предлагает тому пройти по хрупким льдам над бездной и дать утешение умирающей дочери. Осторожный крестьянин отказывается рисковать собой и демонстрирует, как это находит Бранд, безжизненность еще при жизни.

Собственно, Ибсен уравнивает смерть отца и смерть Бога («Кто же умер там? — Тот Бог, кого своим назвал», 2, 150) — бездомность в житейском и в высшем смысле. Личный источник данной бездомности Брандом не скрыт: «Детских лет воспоминанья... Там один я, как в изгнанье...» (2, 159); «Дома солнца я не знал» (2, 188). Но в глубине всего нечто иное — ужас от случайно увиденного: «Ничто не выждет этот след... ужасный шрам...» (2, 193). Маленький Бранд невольно оказывается свидетелем того, как мать, не считаясь с только что остывшим телом супруга, начинает рыться в его кровати, разыскивая якобы спрятанные там деньги. Позднее выясняется, что умерший не отец Бранда и что у него, сына, не знающего своего отца (кто он, этот, как утверждает фогт, «ученый... парень», пожелавший жениться на матери Бранда, но, видимо, не имевший достаточных средств для женитьбы, остается неизвестным; 2, 274–277), имеется подобная ему сводная сестра, Герд, также рожденная от случайной связи. Иными словами, дом Бранда основан, по его убеждению, на

лжи, на несении «кровных уз тягот» (2, 159), разоблачение которых распространяется им на всех и вся, включая Отца Небесного, молитву Отче наш (2, 159). Став позднее очевидцем страшного преступления, убийства крестьянином своих детей, совершенного на фоне наводнения, голода, мора, всеобщей «тьмы», Бранд распространяет ее на себя, выросшего «под тенью злодеяния, преступленья» (2, 179), той «темной загадки», которая делает «долг отцов сыновним долгом» (2, 180). Соответственно, дальнейшая жизнь Бранда — упрямый поиск нового, то есть не «дряхлого», не мягкого, не «бога рабов земли» (2, 150), отца, — поиск, разворачивающийся согласно видению себя как «человека-камня» («И сердце обращалось в камень», 2, 209). Однако в силу роковой работы наследственности, лишающей внебрачного сына подлинной моци («Где силы нет...», 2, 184), эта задача невыполнима: «Не можешь быть, чем должен стать, / Так будь, чем можешь, но вполне...» (2, 184–187).

Разумеется, важнейший момент избранного пути — выяснение отношений с матерью: «Я не был сыном, не была ты матерью...» (2, 191). Та вышла замуж из меркантильных соображений, жила в несчастливом в плане эротики браке («Со мною не был он хорош!», 2, 194), родила Бранда, своего внебрачного сына, а затем, сознавая, в определенной мере, тяжесть своих компромиссов, решила как бы откупиться — сделать из сына священника, чтобы тот основал новый, то есть как бы безгрешный, род («...ты теперь последний в роде...», 2, 191), отмолил ее. Как мы знаем, Бранд в конечном счете отказывает матери в исповеди и предсмертном причастии, поскольку считает, что ее покаяние неполное и что она осталась человеком-дробью, не отреклась полностью от проклятия денег, то есть не стала самой собой. Поэтому, фактически жертвуя в finale своей жизнью, он прерывает род, приносит себя как сына в жертву, словно исходит из представления о неискупимости на физическом уровне переданной ему вины. Однако умолчание об отце или лже-отце и, тем более, отрицание Бога-Отца фогта и пробста, а также неприятие духовной нецельности матери не означают в пьесе отречения от материнства в некоем высшем смысле.

Что не удалось матери Бранда, то, вроде бы, осуществлено Агнес. Важно, что она дочь сектанта — как и Сольвейг в «Пере Гюнте»: обе «из-за стен» конвенционального протестантизма, в силу чего способны оценить творческую сторону необычной пассионарности героя и поставить его как человека с горы на место своего прежнего возлюбленного. Из развития темы Агнес — последовательные жертвы женщины-овечки, последовавшей за мужчиной, вдохновившим ее на подвиг, — вытекает, что Агнес должна отречься и от Эйнара (которого раньше любила), и от семьи с ее верой, и от собственных

замужества, дома, семейного счастья, и от себя как женщины, и от сына, и даже от вещей, напоминающих о малютке Альфе (налицо абсолютный разрыв связей с жизнью ради любимого мужа!) — вытекает, что у Бранда сложные отношения с любовью как с тем началом, которое способно размягчить волю. Поэтому смерть Агнес не героизирована Ибсеном настолько, чтобы стать в драме чем-то безусловным. Агнес, получается, принадлежит тому же национальному, крестьянскому миру, что и мать Бранда. Сам же Бранд рожден не только от ученого парня, но и появляется в сельской местности, как сообщает фогт, из «большого города». Его отношения с Агнес при всей их важности — это именно этап его «вечного боя» (2, 349) на пути вверх. Крестьянству, жизни на земле, браку, плотским утехам, детям, самой церкви, построенной на берегу фьорда, не место в жизни горновосходителя и «каменоносца»! И тогда на место возводящей вверх, той путеводительницы высшего рода, которая связана с бесконечным преодолением себя на путях «я есть» (симптоматично двусмысленное «Он есть...», 2, 380!), неожиданно ставится автором не жена, не некий «друг и брат» (2, 202), а нечто особое — сводная сестра, безумица, полуцыганка Герд. Она в конечном счете спасает Бранда своим *случайным* выстрелом (выстрелом при этом серебряной пулей!) от вхождения даже в призрак ледяной церкви, от всякой остановки (Бранд пытается прислушаться к голосу Христа о милосердии, но заглушает его) и гибнет с ним в вызванной ее выстрелом лавине!

Обратимся к «Перу Гюнту». Осе, мать героя, — одиночка. От нее вот уже 20 лет как сбежал муж, «пошел бродить по свету коробейником мой Йун!» (2, 392). И не исключено, что он сбежал в преддверии рождения сына. А вот что говорят о родителях Пера посторонние: «Отец пьяница был, а мать скупа» (2, 465). Скорее всего, от отца Перу передалось умение очаровывать женщин («сын Йуна Гюнта», 2, 408). Тот был мотом, спустил наследство, таскался по деревням. Пер Гюнт, зная об этом, надо полагать, от Осе, сам не вспоминает родителя: «Черт бы взял воспоминанья!» (2, 434). Он предпочитает ассоциировать себя с матерью, которую безусловно любит и которая в детстве снабдила его игрушкой в виде ложки для литья, которая стала любимой. Если допустить, что неразборчивость в любви у Пера от отца, то как «сочинитель» (ложка — талисман «лжи», сочинительства!) он явно создан матерью. Оба — «сказочки», оба подыгрывают друг другу. Осе выпестовала Пера-фантазера, сказочника, самого императора, то есть того монарха, гения лжи, который стирает границу между жизнью и фикцией, Библией и книгой. Возникает не «Илиада», «Одиссея», а *гюнтиада*, причудливо искривленный мир по Гюнту. Пер — сам гений лжи, обмана, сам

«поэт», сам толковник своей жизни как книги книг, как бы каббалист (о чем ему напоминают в сумасшедшем доме) и земное воплощение Гермеса.

Отношения между матерью и сыном выходят за рамки обычных. Вот Пер подхватывает Осе на руки: «Я — олень, ты — Пер!» (2, 399). Сын даже сакрализует мать в момент смертельной опасности: «Мать! Помоги! … Умираю» (2, 461). Именно он помогает ей умереть, причем исполняет в момент этого, не подберем иного слова, *устремления* своего рода колыбельную. И во всей пьесе это единственный положительный, если не полный мистериального смысла, поступок героя, который, как мы помним по финалу этой стихотворной драмы, получает вопреки всем проступкам своей жизни, и аналогично Бранду, высшее вознаграждение. Человека-ртуть, *владельца плавильной ложки* не расплывить никакому Пуговичнику, не остановить никакому Кривому! И вот Сольвейг, встав на место матери («Я мать…», 2, 635) и *даже* Мадонны, убаюкивает Пера («Буду сон охранять твой…», 2, 635), отходящего, как можно догадаться, в мир иной. И ждет этого момента Сольвейг, ставшая не только сестрой, женой (вспомним знаменитые слова А. Блока из цикла «На поле Куликовом»), но и особой ибсеновской вечной женственностью, не 20 лет, подобно Осе, а целых, если подсчитать, 56 (в момент первой встречи с Пером ей 14)! Но Ибсен, наверное, не был бы Ибсеном, мастером «антидрамы», если бы не указал на слепоту 70-летней женщины. В ее глазах возлюбленный вечно молод. Для него же, *вечно молодого повесы*, она инкарнация умершей матери.

Пьесы Ибсена о буржуазной современности в контексте отцовства лишь на первый взгляд отделены от предшествующих драм.

В «Кукольном доме» отец — опять-таки внесценический персонаж, не имеющий имени. Как доверчиво полагает Торвальд Хельмер, на деньги, полученные Норой в качестве наследства, он лечился в Италии и благодаря этому выздоровел. Однако это некий святой обман, придуманный Норой, чтобы любой ценой спасти мужа. В действительности 1200 специй, полученные благодаря поддельной подписи Норы, не отцовские деньги. Отец, как свидетельствует Нора во время выяснения отношений с Торвальдом, не завещал им «ни гроша». Более того, он был мотом, то есть обладал свойством, которое муж приписывает своей жене как якобы переданное по наследству. Наконец, при ревизии его дел Хельмером выясняется, что умерший «не был безукоризненным чиновником» (3, 412). Впрочем, адвокат из любви к Норе закрывает на это глаза. Собственно, отец, а не Хельмер, формирует отношение к дочери как «куколке» (3, 447), которой «забавляется» (3, 447), и подталкивает к браку с выгодной партией. Матери Нора фактически не знает. Изменившая отношение

к своей роли в семье Нора, говорит об этом Хельмеру так: «Ты и папа много виноваты передо мной. Ваша вина, что из меня ничего не вышло» (3, 448). Другой персонаж выражается по данному поводу резче: «Ни религии, ни морали, ни чувства долга» (3, 443). И судя по пьесе, таково некое универсальное положение дел. Доктор Ранк через месяц умрет, «за чужие грехи», вследствие «неумолимого возмездия... в каждой семье» (3, 415), как умрет из-за явления аналогичных «кредиторов» в другой пьесе Освальд. Любопытно, что в «Кукольном доме» отсутствуют всякие упоминания о матери Норы. Нора именно папина дочка, что бы это ни означало. Соответственно, отказ от данной роли она мотивирует желанием перестать быть женщиной в том виде, в каком это нравится весьма разным мужчинам — ее отцу, Торвальду (для него, отметим, ценителя красоты, жена безусловно эстетически и эротически притягательна в своих телесного цвета чулках, в роли соблазнительной танцовщицы, чуть ли не Саломеи), Крогстаду (он знает, на что ради мужа пошла Нора), доктору Ранку. Правда, окончив эротически взволновавший мужа танец, Нора из одалиски стремительно становится подобием вакханки, мстительницы, готовой растерзать прежних богов, мужчин. «Сведем счеты, Торвальд!» (3, 446). Здесь нет места для телесной любви и для женщины-«куклы»: «[моя] священная обязанность... перед самой собою... стать человеком» (3, 449).

Хотя интерпретаторы Ибсена, как правило, идеологизировали это заявление и превращали в кредо «нового брака», «новой женщины» (такой «современной» женщиной отчасти является в пьесе фру Линне), оно понятно не больше, чем желание Бранда стать самим собой или склонность Пера Гюнта быть не собой. Иными словами, здесь манифестируется ибсеническое возвращение «билета Богу» и «неверие», как характерно заявляет *Бранд-Нора*, «в чудеса». При этом отказ от «чуда» для Норы, от жертвования собой ради спасения другого (мужа) — подобие «ужаса», ухода в никуда. Но завеса пала, прежний мир остается позади. Дети, муж, ее собственная женская привлекательность — куколки. Из кокона пора появиться бабочке, любой ценой спасать себя, лететь на огонь... Здесь Ибсен пользуется таким же приемом, как и в «Бранде». В конце пьесы никто не стреляет и не стреляется, но уход Норы от тени отца, мужа, детей, былой себя сродни встрече со смертью. Не выкурить ей ли перед уходом в ночь сигару, как умирающему доктору Ранку (курение сигары молодой женщиной будет обыграно Б. Шоу в «Профессии миссис Уоррен»)?! Она перестала быть женщиной-женой («Я разорвала бы тебя на тысячу кусков», если останусь), матерью (дети проснутся и узнают, что у них нет матери), перестала разделять женскую восторженность по поводу самопожертвования ради дру-

гих (см. слова Крогстада; 3, 415), быть кокеткой или истеричкой. По иронии, «мужественная» фру Линне, также без конца жертвовавшая собой ради других, становится «немужественной», по любви став женой Крогстада и вынуждая того к сжиганию поддельного векселя Норы, то есть к лжи, которая Норой на сей раз отвергнута. Нора с размаху хлопает дверью. Дом словно сотрясается. Он остается без ключа, должен рухнуть как карточный домик, «сгореть». Бранд ранее выкидывал ключ от специально построенной для него церкви в ручей.

«Я расскажу вам всю правду...» — произносит уже в первом действии «Привидений» фру Элене Алвинг. Она не представляет себе еще всех глубин неправды, которые ожидают ее впереди, и делают все ее прежние жизненные решения бессмысленными (включая попытку удалить призрак покойного мужа из своего дома), а также подталкивают в конечном счете к немыслимому, к одобрению инцестуального союза сына и его сводной сестры, а затем — фактически к согласию помочь любимому сыну уйти в мир иной, умереть. Сыну, как оказывается в finale, ее мертвого мужа, *не ее сыну*. Если Освальд и возвращается из Парижа в свой родной дом, то не к живой матери, а к мертвому отцу, и, если так можно выражаться, к любимому отцу. Сын повторяет отца (развитие отношений с Региной), становится им, в какой-то момент он даже «ласкает и гладит» мать (3, 501). И остается при этом «ребенком», «моим не-наглядным мальчиком» (3, 526)... Всё, и в еще худшем варианте, чем раньше, начинается сначала... Перед нами слепая мать и безумный зрячий сын (он утверждает, что видит солнце) у нее на руках. Приют для обездоленных гибнет в пожаре, но вскоре появится бордель, «Приют для моряков». Современная женщина ради любви к сыну вроде бы становится «святой». С одной стороны, эта святость наделяет ее пониманием сути жизни как фатального обмана, доставшегося по наследству и охватывающего собой все, включая ее саму: «...все мы призраки. В нас входит не только то, что мы унаследовали от отца и матери... старые мертвые воззрения... Все это уже не живет в нас, но все-таки сидит еще так крепко...» (3, 493). С другой стороны, эта современная, то есть постморально окрашенная, святость оказывается лжесвятостью, ложью. Ведь идол Элене — боготворимый сын, всячески ограждаемый ею от осознания того, чей именно он сын и кем является, если является, в роли ее сына. Он же ее фатум, направляемый «призраком» отца. Таким образом, любой идеал, следование ему — источник ослепления и, нет, не трагедии, ей в конечном счете нет места в этом буржуазном доме, а некоего зловещего маскарада. Лишь смерть выводится за рамки этого действия, одним из устроителей которого становится «кукольник»-

Согласно Ибсену, получается, что в разной степени виноваты, судя по всему, в «Привидениях» все, — все слепцы, все актеры, играющие роли, содержание которых им не вполне доступно. Ибсеновские циники и провокаторы (наподобие Крогстада, Энгстрана, а затем в некоторой степени и Грегерса Верле) на фоне этой комедии, этого вселенского сумасшедшего дома-театра, смотрятся как своего рода реалисты предпочтительнее. Таковы жизнь, путь всякой плоти. Но данная констатация, и здесь некоторое ибсеновское отличие от Г. де Мопассана (роман «Жизнь», 1883), загадочна. Экзистенциальный смысл жизни иной, чем то, чем она кажется в своих праздничных, и всегда иллюзорных, проявлениях. И сущностно он без остатка трагичен. Если эта трагедия жизни никакими не приоткрыта, то перед нами ибсеновские «марионетки», трагикомические или комические (пастор) фигуры. И они преобладают у Ибсена. Если же она в какой-то степени познана и герой Ибсена рискует сблизиться с этим богом неведомым, черным солнцем, то он умрет. Но данная смерть в «Привидениях» — все же не эпилог, а почти что заклинальное обещание восхода («Восход солнца», 3, 526).

К моменту создания «Дикой утки» (1884) уже, пожалуй, оправданно говорить либо о выработке ибсеновского стереотипа, «арт-ибсенизма», неких подчеркнуто эффектных в авторском понимании типажей и ситуаций, либо о безостановочных попытках сублимации драматургом устойчивого бессознательного комплекса, связанного с эротической раной, важнейшим атрибутом ибсеновского героя. Правда, «Дикая утка» — тот редкий случай, когда внесценический персонаж именно мать, покойная мать, а не отец. Грегерс Верле — воистину мамин сын. «Я похож на мать», — утверждает он (3, 654). Не удивляет, что Грегерс желает смотреть на мир «глазами» матери (3, 666). Он не может простить отцу-коммерсанту ее смерти 14-летней давности — в его понимании это итог ее исковерканной судьбы, ставшей следствием выбора Верле, корыстно взявшего в жены девушку с «большим состоянием» (3, 696). От матери сыну передалось и то, что старший Верле, а также доктор Реллинг, пусть каждый по-своему, считают его дефектом. Это уже не владение ложкой и не сифилис. Речь идет о духовной болезни, специфическом идиотизме. Доктор Реллинг трактует ее, скорее, философически, как предъявление к обычным людям невыполнимых идеальных требований: «Вы ведь тоже человек ненормальный, больной. ... И болезнь у вас сложная. ... у вас тяжелая форма горячки честности и затем, что еще хуже, вы одержимы манией преклонения» (3, 723). Для стареющего старика Верле же, стремящегося найти очередную молодую женщину, — сей идиотизм предстает как акт мести ему, как союз матери и ее сына под знаком «чувства справедливости» — того настроя, который рискует не считаться с житейским обманом (его непременный атрибут эротика; Грегерс, похоже, «хранит верность» матери, в отличие от Гины, которая легко переходит от старика к молодому человеку), этим важнейшим средством преодоления одиночества, а также символом относительности границ между правдой и ложью: «Вы с ней всегда были заодно. Она и восстановила тебя против меня с самого начала» (3, 651). По трагической иронии, что ни имел бы в виду Верле под «отуманными глазами» жены тогда, когда она была еще влюблена в него (3, 654), у самого коммерсанта, проявляющего здоровье в своих эротических запросах, возникают проблемы со зрением (намек на развитие венерического заболевания!), которые передаются его внебрачной дочери, 14-летней Хедвиг. Сам же Грегерс утверждает, что именно мать, «бедная покойная страдалица» (3, 654), еще при последней встрече с ним открыла ему глаза на происходящее в доме, — на любовные отношения между отцом и молоденькой служанкой Гиной. Грегерсу, впрочем, потребовалось целых четырнадцать лет, которые он вслед за учебой в университете и работой провел простым служащим на отцовском

заводе в Горной долине, чтобы спуститься с этой специфической горы (память о Горной долине по-своему хранит старик Экдаль) и вернуть к жизни 13-го — скорее, не себя в роли «идиота», носителя правды, а, казалось бы, навсегда удаленную из дома Верле тень матери.

Ради этих взаимосвязанных разоблачения семейной лжи и акта любви он даже идет на провокацию — подталкивает свою, как обнаруживается, сводную сестру Хедвиг к пожару в доме, к выстрелу в утку. Та, по его замыслу, становится в данной ситуации символом попытки пробуждения «от обмана жизни» не только друга юности Ялмара, возможности обретения тем брака не по лжи, зреня, некой нечердачной свободы, но и свободы от отца, ибо утка, подстреленная на охоте, подарена семье Экдала именно Верле. Разумеется, Грегерс переоценивает свои возможности спасителя, как недооценивает свое сыновство, свое умение стрелять в цель, а также свою зависимость от матери. И в этом он смешон, хотя и пытается вести дебаты с доктором Реллингом. Не кто иной, как Верле, ставя под сомнение экзальтацию сына, его гендерную неоднозначность, произносит слова «Кто одинок — не так легко смеется...» (3,654). По иронии, закопанный в землю университетский талант Ялмара, его нежелание открыть глаза на происходящее также восходят к безотцовству, он, оказывается, был воспитан двумя тетушками (3, 722). Подобное воспитание, читается у Ибсена, способно дать одно (склонность к творчеству — ей обладает и Тесман в «Гедде Габлер»), но обделить другим (жизненная энергия, сексуальность, сила и правда творчества). Как следствие, мотив всеобщей слепоты, реализуемый в пьесе весьма по-разному в отношении разных персонажей (Гина, фру Сербю едва ли слепы!), свидетельствует о том, что всякой дикой утке, из-за выстрела охотника поменявшей вольное небо на чердак с сухими елками, суждено стать либо уткой жареной («бутерброды» пьесы), либо попугаем или голубой птицей некоей простой души, либо случайным источником «любви наоборот» и свойственного для нее удара милосердия, того выстрела в себя, который призван вернуть стреляющей (но не вернет!) любовь отца.

Чем дальше, тем больше у Ибсена самоубийство становится единственным эквивалентом достижения отрицательно сформулированной истины (ее символические эквиваленты — горы, солнце, водопад, море), а также соответствующего ей, этому в действительности страшному, и лишь по своей видимости красивому началу, невыразимому.

Гедда Габлер в одноименной пьесе (1890) — дочь давно скончавшегося генерала. От него она переняла аристократическую чванливость в отношении буржуазии и представление о порядке вещей, красоте, эротике. Ее вспоминают с отцом на лошади в длинной

черной амазонке, с перышком на шляпе. У Гедды словно не было матери, о которой косвенно напоминает лишь запах лаванды и розовой соли, исходящий от тетушек Тесмана. Отец — демонстративно отвернувшийся от молодых людей, Гедды и Эйлерта Левборга, читающий спиной к ним газету, — как бы дает согласие на их романтические отношения, которые в присутствии генерала завязываются на том самом диване, на котором Гедда кончает в finale пьесы с собой. Ее выстрел в себя из нового ибсеновского талисмана, бережно хранимого ею отцовского пистолета — продолжение некогда не совершенного выстрела в Эйлерта, когда тот решил бросить ее (4, 124). Но в пьесе, на что почти никто не обращает внимание, фигурируют все же не два выстрела, а три — не только Эйлертов (случайный, в себя), Геддин (намеренный), но, судя по намекам ассессора Бракка, и давний, столь же намеренный, выстрел генерала («А, старый знакомый!», 4, 132; «Я видел его вчера. Да и прежде тоже», 4, 186). Это явно выстрел в себя, надо полагать, тот самый аристократичный выстрел в висок, который дочь своего отца, Диониса и Пана в своих отношениях с женщинами, предлагает сделать своему бывшему, и гениальному, любовнику с тем, дабы его жизнь не превратилась, что так или иначе фатально, в существование, не вросла бы в мещанский тетушкин быт, в семейную рутину, в разработку темы брабантских, то есть средневековых, кружев. Именно эта подразумеваемая отцовская смерть красива, в отличие от безобразной, в ее восприятии, кончины от болезни тетушки Тесмана и от смерти Левборга в борделе. Выданный ей этому, как видится Гедде, опустившемуся гению отцовский пистолет случайно стреляет тому в борделе в живот, то есть лишает мужского и творческого достоинства. Дочь повторяет отца по-разному. Она по-особому дерзка, высокомерна в отношении мещанства, женщин из другого, чем она, сословия, она «дуэлянтка» (вступает в поединки с мужчинами, чтобы любой ценой побеждать в них), соблюдает некий стихийский кодекс победенного, который отвергает милость слабого победителя — природы-материнства, Теа или заурядного совратителя (Бракк). Ей чуждо занятие Средневековьем, которым профессионально интересуется муж. В ней больше мужчины, чем женщины: ценя в ней женскую сексапильность, окружающие ее мужчины, включая Бракка, обманывают по поводу ее возможностей быть любовницей, женой, матерью, а также вдохновительницей мужчины-гения. Отсюда ее соперничество с мужским творчеством, ее *noli mi tangere*, ее специфическое заигрывание с Теа. Отсюда попытка Гедды «кастрировать» Эйлерта. Она не желает быть женщиной-матерью ни в каком смысле: ни мужу Тесману (который в этом по-своему нуждается и инстинктивно находит такую мать в Теа), ни

Левборгу (музой гения), ни, тем более, собственному ребенку, которого носит во чреве. Гедда детоубийца: и нерожденного, и мужчин — вечных детей, и, кроме того, рукописи новой гениальной книги, плода отношений Левборга и Тea. Она и убийца себя как женщины, как источника эротики. Существенно, что Гедда кончает с собой не на глазах зрителей, вне сцены — в комнате с тем самым Эйлертовым диваном, но на сей раз с занавешенными окнами, то есть в темноте. Тем не менее, за происходящим наблюдает, как мы догадываемся, незримое око. Это подобие иконы, висящий на стене «портрет красивого старика в генеральском мундире» (4, 103). Огонь выстрела во тьме, возвращение к отцу — двуединство абсолютного отрицания (не буду служить никому и ничему — природе, полу, мужчинам, материнству, полу, любви, эросу — о Боге ей не упоминается вовсе!) и утверждения. Гедда возвышается до роли своего рода жертвы за абсолютизацию некоей высшей любви к самой себе. Понять это «нет-да» возможно только в терминах ибсеновского парадокса. Так не поступают... не поступают со своей головой прекрасные женщины, можно продолжить заключительную реплику Бракка. Но они же подразумевают опровержение. Не быть (себой) значит быть (себой)! Так поступают, что бы это ни обозначало, стремящиеся «по ту сторону» бытия... к вечности «черного солнца» и сообщества бесмortalных стариков в «красивых мундирах».

Подведем итог. Итак, мы имеем дело с устойчивым ибсеновским комплексом, в основе которого символ отца и отцовства. Условно назовем его гамлетическим. Он, этот мощный внесценический образ невыразимого, Ибсеном варьируется (порой отцовство перетекает в свою противоположность, материнство), но во всем творчестве Ибсена по существу не меняется. С ним связано откровение некоторого священного ужаса, так или иначе связанного со страхом лжесновства. Бранд-Ибсен (воспользуемся известным образом И. Анненского из «Книги отражений») как бы не уверен в том, чей именно он сын. В этой ситуации для него вдвойне значимой становится фигура матери — то жертвы (пошедшей в браке на сделку), то, если так можно выразиться, сестры или даже любовницы (не вполне понятные намеки на инцест сопровождают ибсеновское творчество), то нового отца и самого божества. Образ Молли Блум у Джойса появляется не на пустом месте! Отсюда символические отсылки к отце и матереубийству, к смешению детьми как отцов и матерей, родителей и возлюбленных, так людей и божеств. Сыновья ненавидят отцов, ревнуют к матерям, находят в «материнском» и матерей, и любовницах, иечно женское, и нечто все же материнскому внеположное. То есть налицо многогранный парадокс: отрицая отцов и Богоотцовство, герои Ибсена сами стремятся стать отцами и бо-

гами; ненавидя отцов, они отождествляют себя с материами, но через них воспроизводят отрицаемое; страстно нуждаясь в любви, они не любят, не желают любить и отрицают любовь.

Самая сложная, самая загадочная фигура в этом контексте — отнюдь не Гедда Габлер, а ибсеновский парадигма не только Гамлета, Дон-Жуана, но и Фауста. Речь идет о Пере Гюнте, самом камне ибсеновской «церкви» — многоликом гении обмана и, параллельно, гении искусства лжи (бытия не собой). «Так неужели всюду пустота?» (2, 630) — на свой риторический вопрос этот герой Ибсена, *некто и никто*, после ряда ритуальных действий и, как угадывается, после трех встреч со своей Софией (ср. с поэмой В.С. Соловьева «Три свидания», где лирический герой, в частности, посещает Египет) отвечает согласием стать из посвящаемого посвященным, стать актором мира как театра и вопреки всем своим приступкам оказаться, подобно Фаусту, спасенным. Он очередное художественное воплощение той силы, которая, по ее заявлению, вечно желает зла, но обречена вечно творить добро...

Можно ли хотя бы в какой-то степени подтвердить подобную интерпретацию ибсеновского творчества его биографией, кругом чтения и знакомств? Да, это в определенной степени возможно. Для краткости еще раз напомним, что «строитель башни» был сдержан и весьма мало сообщал о себе что-либо достоверное. Тем не менее, в биографии этого писателя обращает на себя внимание следующее. Во-первых, это несомненная травма, нанесенная будущему писателю в 1835 году полным, и несколько неожиданным для окружающих, разорением его отца. В пятнадцать лет Ибсен, в детстве живший на центральной площади Шиене в собственном доме своих родителей, принадлежавших тогда к сливкам местного общества, был направлен Кнудом Ибсеном в чужой город для службы там помощником аптекаря. Расставшись в 1843 году с Шиене, Ибсен впоследствии фактически отказывается от дальнейших контактов с семьей (родителей он видит в последний раз в 1850 году), делая некоторое исключение для младшего брата Оле и сестры Хедвиг. Сам став в Гримстаде отцом внебрачного ребенка (1846), Ибсен никогда больше не встречался ни с ним, ни с его матерью. Во-вторых, Ибсен относился к тем норвежцам, кто поначалу вдохновлялся всплеском национального самосознания, но затем под воздействием разгрома Пруссии Дании под Дибболом пережил глубочайшее разочарование во всех аспектах национального возрождения, перенес свое свободолюбие,вшенное французской революцией, установлением конституционной монархии в Дании, на поиск ценностей некоего особого, апофатически утверждаемого абсолюта, не знающего национальных границ, а также разделений религий, культур, пола,

сословий. Инициация в тайну этого великого ничто, связывающего в лабиринтах криптоистории и ее «красивых стариков» времена Юлиана Отступника и Фридриха Ницше, составляет нерв ибсеновских драм как мистерии пролога, преддверия «восхода солнца». На могиле Ибсена, безусловного борца средствами драматургии за радикальное обновление индивидуализма, был водружен, что символично, именно масонический обелиск⁹. В-третьих, женитьба Ибсена на Сюзанне Торесен после рождения их единственного ребенка, сына Сигурда (1858), довольно быстро исчерпала себя. Это не помешало сохранению брака (в практической части жизни драматург зависел от жены), но в то же время привело к появлению в пьесах целой череды специфических с точки зрения их сексуальности «новых женщин». В-четвертых, на рубеже 1840–1850-х годов Ибсен имел возможность познакомиться в Гrimстаде, Бергене по ходу своей первой заграничной поездки (Дания, Германия) с сочинениями Кьеркегора¹⁰, а также Шекспира, Вольтера, Гёте и Моцарта (опера «Дон-Жуан»). Противоречивым синтезом всех этих факторов в жизни и драматургии Ибсена и стали символизм отца и отцовства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибсен Г. Собрание сочинений в 4 томах. М., 1956–1958.
2. Одесская М.М. Отец как внесценический персонаж в драматургии Ибсена, Стриндберга, Чехова // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб., 2007.

REFERENCES

1. Ibsen H. Collected works: in 4 vol. Moscow, Iskusstvo Publ., 1956–1958. (In Russ.)
2. Odesskaja M.M. Otets kak vneszenicheskij personazh v dramaturgii Ibsena, Strindberga, Chehova [Father as offstage character in the dramatic works of Ibsen, Strind-

⁹ См. помимо статьи Дж. Д'Амико («Между оккультизмом и драмой: Хенрик Ибсен и Элистер Кроули», 2015) следующие работы: Ghaderi, Behzad. Images of Freemasonry in Ibsen's Dramas // North-West Passage. 2004, no. 2. P. 57–80; Vidalin, Robert. Le théâtre d'Ibsen et le symbolisme maçonnique // Cahiers laïques 205 (1986). P. 194–198; на возможность связи Ибсена с масонством уже в молодые годы указывают посещение им после переезда из Бергена в Кристианию фри масонского зала, где проходили собрания общества «22 декабря», возглавляемого Петером Блиттом (см. об этом в кн.: Figueiredo, Ivo de. Henrik Ibsen: The Man and the Mask. New Haven, CT: Yale UP, 2019).

¹⁰ Текстуальные переклички с С. Кьеркегором (особенно в «Бранде») в случае Ибсена не менее значимы, чем знакомые ему по биографии датчанина кьеркегоровские неприятие отца, отцовского лютеранства, а также расторжение помолвки с Р. Ольсен. От Кьеркегора («Или — или») Ибсен перенимает и представление об отраженных друг в друге этапах самопреодоления: эротическом и эстетическом («донжуановском»); этическом, философско-религиозном; истинно религиозном, эзотерическом.

berg, Chehov]. *Tvorchestvo Henrika Ibsena v mirovom kul'turnom nasledstve*. Saint-Petersburg, Pushkinskij dom Publ., 2007. (In Russ.)

Поступила в редакцию 05.07.2025
Принята к публикации 21.10.2025
Отредактирована 23.11.2025

Received 05.07.2025
Accepted 21.10.2025
Revised 23.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Василий Михайлович Толмачёв — доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
tolmatchoff@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vasily M. Tolmatchoff — Doctor Hab. in Philology, Distinguished MSU Professor, Chairman, Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University; tolmatchoff@hotmail.com

ИЗ АРХИВА

КНЯГИНЯ З.А. ВОЛКОНСКАЯ О СТАТЬЕ А. Г. ГЛАГОЛЕВА «ИТАЛЬЯНЦЫ»

М.С. Токарева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; marinatok97@gmail.com*

Аннотация: В статье обсуждается неопубликованный отклик кн. З.А. Волконской на статью А.Г. Глаголева «Итальянцы». Степень завершенности чернового текста Волконской представляется дискуссионной и специально не обсуждается; цель работы состоит главным образом в том, чтобы охарактеризовать основное содержание рукописи и описать главные аспекты полемики Волконской и Глаголева. Показано, что Волконская не соглашается с его негативными характеристиками итальянского народа и подчеркивает величие итальянской культуры. Княгиня доказывает, что, несмотря на раздробленность страны, ей удалось сохранить первенство в культуре. Большое внимание оба автора уделяют влиянию политической обстановки на формирование итальянского национального характера. Глаголев в основном связывает достижения Италии с древностью, а ее современное состояние описывает иронически. В результате анализа двух текстов выяснилось, что различия в позициях Глаголева и Волконской вызваны тем, что Глаголев не принял концепцию книги мадам де Сталь «Коринна», которой Волконская придавала особое значение и которую рассматривала в сложном контексте идей. Содержание статьи Волконской выходит за рамки обычной полемической реплики: перед нами содержательный и в значительной мере самостоятельный культурно-исторический этюд. Это документ, раскрывающий характерный для Волконской подход к осмыслиению общественного прогресса: в качестве ключевого критерия его оценки она рассматривала состояние искусства и культуры. Данное исследование вносит вклад в понимание дискуссий начала XIX века о национальном характере и культурной идентичности в контексте романтического переосмысления исторического наследия Италии.

Ключевые слова: Зинаида Волконская; «Московский вестник»; Андрей Глаголев; де Сталь; Италия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-14

Для цитирования: Токарева М.С. Княгиня З.А. Волконская о статье А.С. Глаголева «Итальянцы» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 181–187.

PRINCESS Z.A. VOLKONSKAYA ON A.G. GLAGOLEV'S ARTICLE "ITALIANS"

Marina S. Tokareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; marinatok97@gmail.com

Abstract: The article examines an unpublished response by Princess Z.A. Volkonskaya to A.G. Glagolev's article "Italians". The degree of completion of Volkonskaya's draft text remains debatable and is not specifically discussed; the study's sole objective is to characterize the manuscript's core content and outline the principal aspects of the polemic between Volkonskaya and Glagolev. The analysis demonstrates that Volkonskaya disputes Glagolev's negative assessments of the Italian people, instead emphasizing the grandeur of Italian culture. The princess argues that despite Italy's political fragmentation, it managed to maintain cultural preeminence. Both authors pay considerable attention to the influence of political circumstances on the formation of the Italian national character. Glagolev primarily associates Italy's achievements with antiquity and describes its contemporary state with irony. A comparative analysis of the two texts reveals that the divergence in their positions stems from Glagolev's rejection of the conceptual framework of Madame de Staël's *Corinne*, a work to which Volkonskaya attached particular significance and interpreted within a complex web of intellectual traditions. Volkonskaya's response transcends the boundaries of a conventional polemical rejoinder, presenting instead a substantive and largely autonomous cultural-historical essay. The manuscript represents a unique document elucidating Volkonskaya's distinctive approach to conceptualizing social progress: she consistently regarded the state of arts and culture as the fundamental criterion for its evaluation. This study contributes to comprehending the early 19th-century intellectual debates concerning national character and cultural identity within the framework of Romantic reinterpretation of Italy's historical legacy.

Keywords: Zinaida Volkonskaya; *Moskovsky Vestnik*; Andrey Glagolev; madame de Staël; Italy

For citation: Tokareva M. (2025). Princess Z.A. Volkonskaya on A.G. Glagolev's Article "Italians". *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 181–187.

В личном фонде кн. Зинаиды Александровны Волконской в РГАЛИ есть черновой автограф ее статьи, направленной против опубликованной в «Московском вестнике» заметки под названием «Итальянцы» [Глаголев 1827: 319–331]. Ее автор — Андрей Гаврилович Глаголев (1793/1799–1844) (см. о нем [Проскурин 1989: 570–571]); определенную известность он приобрел благодаря своим «Запискам русского путешественника» [Глаголев 1837]. Текст, ранее опубликованный в «Московском Вестнике», вошел в «Записки» с небольшими изменениями. Волконская хорошо знала издателя и постоянных авторов «Московского вестника». В 1825 году ее салон в России

посещали будущие члены редакции — Д.В. Веневитинов, М.П. Погодин, Н.М. Рожалин, С.П. Шевырёв и прочие [Сайкина 2002: 128].

Большая часть наблюдений Глаголева посвящена социальному и политическому состоянию итальянского общества XIX века. Он отмечает, что внешняя приветливость и мягкость итальянцев обусловлены скорее осознанием их уязвимого социально-политического положения, нежели врожденной добротой [Глаголев 1827: 320]. Глаголев подчеркивает историческую зависимость Италии от жестких форм правления и недовольство итальянцев более мягкими режимами [Там же: 321]. Одновременно он говорит о высоком уровне преступности, превращающем страну в очаг повсеместно распространяющихся разбоев [Там же: 323]. Статья Глаголева перекликается с отдельными фрагментами поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», где Рим — символ утраченного величия, а современная Италия — пример упадка духа и политической раздробленности. Подчеркнем, что Глаголев принадлежал к «архаическому» направлению в литературе и неоднократно выступал с критикой романтической поэтики [Прокурин 1989: 571]. Его трудно причислить к поклонникам Байрона, поэтому обнаруженные параллели будем считать случайным совпадением, нежели сознательным заимствованием или влиянием.

Волконская и Глаголев сходным образом оценивали состояние художественной культуры в Италии. «Живопись <...> сохранила все блестательные достоинства знаменитых школ пятнадцатого и шестнадцатого столетия» [Глаголев 1827: 325]. Волконской культурные достижения Италии представляются наиболее ценными в ее истории: «Именно итальянцы создают мастерские, именно среди них учатся ценить шедевры, и никогда коллекции других стран Европы не воспитают знаменитого художника, если он не почерпнет чувство прекрасного среди народа, чей вкус является синонимом возвышенного»¹. Оба автора исходят из представления о важной роли климата в становлении национального характера: в этом видится влияние географического детерминизма в трактовке Ш. Монтескье и А. Фергюсона, высказанные в «Истории гражданского общества»². Однако есть и существенные различия: княгиня считала, что природа Италии способствовала развитию творческого мышления, а Глаголев рассматривал ее как источник праздности и излишней страсти (что косвенно служит возрастанию преступности) [Глаголев 1827: 323–324]. Кроме того, Волконская, как и упо-

¹ РГАЛИ, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 27, л. 6.

² Влияние вышеназванного сочинения Фергюсона на исторические взгляды Волконской прослеживается в ее новелле «Славянская картина V века» [см. подробнее: Токарева 2024: 208–213].

мянутые мыслители, видела причину упадка Рима не в характере итальянцев, а во внешних обстоятельствах и внутренней политической борьбе. Глаголев же считал, что сама слабость характера итальянцев привела к раздробленности.

Различия между позициями Волконской и Глаголева во многом обусловлены ориентацией первой на книгу де Сталь «Коринна, или Италия», от которой Глаголев, насколько можно судить, далек. При этом позиция Глаголева совпадает с мнением героя де Сталь Освальда: воспитанный в духе Просвещения, он, видя запустение Рима, осуждает бездействие его жителей [Сталь 1809: 40–41]. Однако голос автора оспаривает эту точку зрения: в повседневной жизни итальянцы проявляют беспечность, подобную восточным народам, однако в моменты возбуждения страстей они отличаются бдительностью и активностью [Сталь 1809: 98–99]. Итальянское мировоззрение сочетает примеры как великодушия и дружбы, так и злобы и мщения. В Италии всегда восхищались литературой, науками и искусствами [Там же: 99–100]. Волконская и де Сталь состояли в переписке [Арутюнова 2017: 7–8]; напомним, что в Москве Волконскую неслучайно называли «Северной Коринной» [Бочаров, Глушакова 1991: 210].

Статья Волконской — черновик, вероятно, незавершенный. В ней много неожиданных тематических переходов, зачеркваний и исправлений. Приведем лишь несколько фрагментов, которые позволяют судить о мнениях Глаголева и Волконской по ключевым темам: о патриотизме итальянцев, их характере, состоянии наук и искусств, а также уровне преступности.

Глаголев:

Потеряв древнее благородство, они сделались недостойными и древней самобытности. Священное чувство любви к Отечеству, источник блестательных деяний, и гордость великих дум, погасли как бы навсегда в душах их [Глаголев 1827: 320].

Волконская вторит ему:

С тех пор, как варвары, захватившие Италию, разделили ее на разные государства, страна изменила облик. Каждый город обратился против соседа, и тосканцы, венецианцы и римляне видят друг в друге чужаков. <...> Имя итальянцев больше не может быть символом объединения ради дела Отечества, не имеющего ни центра сосредоточения сил, ни преграды от чужеземцев <...>³.

Рассуждая о характере итальянцев, Глаголев нелестно говорит об их религиозности, вызванной избытком воображения:

³ РГАЛИ, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 27. 11 л. В ближайшее время мы надеемся осуществить полную публикацию данного источника. Перевод с французского языка здесь и далее мой. — М.Т.

По-видимому, нет народа набожнее итальянцев, которые молятся и благовременно и безвременно, и дома и на торжищах. Но сия мнимая набожность по большой части есть не что иное, как изуверье, омраченное самым грубым невежеством [Глаголев 1827: 321].

Волконская не обсуждает религиозную тему и выдвигает на первый план тему воображения, которое воспринимается как природный дар и основа искусства:

Ни один народ не достоин населять Италию больше, чем сами итальянцы <...> потому что одаренность, гений и вкус предназначили их для этого поэтического центра. Их воображение напоминает вулканы. Их страсти находятся в гармонии с климатом, и между природой родины и самими итальянцами существует живое соревнование, благодаря которому искусство само уподобляется природе.

Глаголев рассуждает о состоянии наук и искусств:

<...> Науки физическая и врачебная находятся здесь в довольно цветущем состоянии <...>. Университеты гордятся именами Галилеев и Галваниев, а Академии художеств еще и до сих пор не находят достойных соперниц в Европе [Глаголев 1827: 324–325].

Волконская, говоря о том же самом, подчеркивает драматизм и даже трагизм ситуации:

Разделенный, раздробленный, без правителя, без центра, без торговли, угнетенный великими державами — можно ли все же назвать павшим тот народ, который, несмотря на все эти перипетии, остается господином над другими нациями в столь важной сфере цивилизации, я имею в виду в искусстве?

Глаголев связывает высокий уровень преступности с характером итальянцев, княгиня — с общественными обстоятельствами:

Жизнь итальянца по большей части романтическая, которую он часто начинает еще на пятнадцатом году. Любовь <...> и ревность, терзающая его сердце, сопутствуют ему с сего времени до маститых седин <...> [Глаголев 1827: 320].

Ср. в другом месте: *Разбои превращают сию прелестную страну в мрачный вертеп и, подобно язве, свирепствуют от одного края к другому* [Глаголев 1827: 323].

Волконская, соглашаясь с этим, указывает на возможный способ снижения преступности — целенаправленное экономическое развитие:

Убийства в Италии, особенно в Риме, всегда происходят из-за ревности и мести <...>. Если бы промышленность, война или торговля занимали римлян и итальянцев востока и севера, то исчезли бы убийства, разбойничество и другие пороки, порожденные праздностью <...>.

Итак, как видим, Волконская и Глаголев положительно оценивали состояние наук и искусств, сходились относительно вопроса об

уровне преступности. Однако если княгиня видела причину упадка Италии во внешних трагических обстоятельствах, то Глаголев находил ее в психологическом облике народа, испорченном празднотью и изнуряющим климатом. Вместе с тем статья Волконской представляет собой не столько и не только полемический ответ на публикацию Глаголева, но и свободное размыщление о судьбе Италии и ее культуре. В отличие от Глаголева, она не воспринимала итальянцев как народ, обреченный на политическое и социальное бессилие. Для нее Италия оставалась страной, сохраняющей первенство в культуре, тогда как Глаголев связывает это первенство исключительно с Античностью и Возрождением, состояние современной ему Италии он оценивает во многом негативно. Мнение Глаголева соответствовало общественным настроениям. В 1820-е годы открыто восхищаться Италией и ее народом было не принято, поскольку часть страны находилась под властью Австрии — союзницы России [Бочаров, Глушакова 1991: 270]. Княгиня же опиралась как на личные впечатления (см. ее путевые записки [Волконская 1865: 8–14]), так и на идеи Монтескье и мадам де Сталь, сочинения которых в полной мере сохраняли актуальность и вполне адекватно отражали европейскую культурную традицию. Хотя текст сохранился лишь в черновом варианте, он представляет собой редкий документ, отражающий общий подход Волконской к проблеме общественного развития: важнейшим критерием его оценки признавалось состояние искусств, вне зависимости от страны, климата и эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и ее корреспонденты. СПб., 2017.
2. Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская пушкиниана. М., 1991.
3. Глаголев А.Г. Записки русского путешественника А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Ч. 3: Женева. Савойя. Верхняя Италия. СПб., 1837.
4. Глаголев А.Г. Итальянцы // Московский вестник. Часть третья. М., 1827. С. 319–331.
5. Проскурин О. А. Глаголев Андрей Гаврилович // Русские писатели. Т.1. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. С. 570–571.
6. Сайкина Н.В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005.
7. Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской. Париж, 1865.
8. <Сталь А-Л-Ж.> Коринна, или Италия. 1809–1810. Ч.1–2 / Соч. Сталь-Голстейн. Пер.с франц. М., 1809.
9. Токарева М.С. К интерпретации новеллы З.А. Волконской «Славянская картина V столетия» просветительский и романтический аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 10/2. С. 208–213.
10. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. The fourth edition revised and corrected. London, 1773.

REFERENCES

1. Arutyunova-Manusevich B.A. Zhizn' v pis'makh. Knyaginya Zinaida Volkonskaya i yeye korrespondenty [Life in Letters. Princess Zinaida Volkonskaya and Her Correspondents]. St. Petersburg, «Russkaya kul'tura», 2017. 272 p. (In Russ.)
2. Bocharov I., Glushakova Ju. Ital'ianskaia pushkiniana [Italian Pushkiniana]. Moscow, «Sovremennik», 1991. 444 p. (In Russ.)
3. Glagolev A.G. Zapiski russkogo puteshestvennika A. Glagoleva, s 1823 po 1827 god. Ch. 3: Zheneva. Savoyya. Verkhnyaya Italiya [Notes of the Russian Traveler A. Glagolev from 1823 to 1827. Part 3: Geneva. Savoy. Upper Italy]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1837. 388 p. (In Russ.)
4. Glagolev A.G. Italyantsy [Italians]. Moskovsky vestnik [Moscow Bulletin]. Part 3. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1827, pp. 319–331. (In Russ.)
5. Proskurin O.A. Glagolev Andrei Gavrilovich. Russkie pisateli. Vol.1.1800—1917. Biograficheskii slovar' [Russian Writers. 1800-1917. Biographical Dictionary]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1989, pp. 570–571. (In Russ.)
6. Saykina N.V. Moskovskiy literaturnyy salon knyagini Zinaidy Volkonskoy [The Moscow Literary Salon of Princess Zinaida Volkonskaya]. Moscow, Nauka, 2005. 297 p. (In Russ.)
7. Sochineniya knyagini Zinaidy Aleksandrovny Volkonskoy [Works of Princess Zinaida Alexandrovna Volkonskaya]. Paris, Paris i Karlsrue, 1865. 151 p. (In Russ.)
8. Staël A.-L.-G. Korinna, ili Italiya. 1809–1810. Ch.1-2 [Corinne, or Italy. 1809–1810. Part 1–2]. Translated from French. Moscow, Universitetskaya tipografiya , 1809. 174 p., 168 p. (In Russ.)
9. Tokareva M.S. K interpretatsii novelly Z. A. Volkonskoi «Slavianskaia kartina V stoletii»: prosvetitel'skii i romanticheskii aspekty [On the Interpretation of Z.A. Volkonskaya's Short Story «A Slavic Picture of the 5th Century»: Enlightenment and Romantic Aspects]. Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities]. 2024. No. 10/2, pp. 208–213. (In Russ.)
10. Ferguson A. *An Essay on the History of Civil Society*. The fourth edition revised and corrected. London, 1773. 466 p.

Поступила в редакцию 21.05.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 21.11.2025

Received 21.05.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 21.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Марина Сергеевна Токарева — аспирантка кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
marinatok97@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Tokareva — PhD student at the Department of Russian Literature History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; marinatok97@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин и его современники. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2024. 295 с.

М.С. Макеев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; mmakeev@icloud.com

Аннотация: В рецензии рассматривается книга Н.Б. Алдониной, представляющая собой квалифицированное исследование биографии и творчества А.В. Дружинина, которое вводит новую информацию о нем, расширяющую и уточняющую то, что нам известно о его личности и биографии, общественно-политических и эстетических взглядах, и содержащую также ценные наблюдения текстологического характера.

Ключевые слова: А.В. Дружинин; русская литература XIX века; литературная критика; атрибуция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-15

Для цитирования: Макеев М.С. Рецензия на книгу: Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин и его современники. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2024. 295 с. // Вести. Моск, ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 188–193.

BOOK REVIEW: Aldonina N.B. A.V. Druzhinin and His Contemporaries. Samara: Scientific and Technical Center LLC, 2024. 295 p.

Mikhail S. Makeev

Lomonosov State University, Moscow, Russia; mmakeev@icloud.com

Abstract: The review examines the book by N.B. Aldonina, dedicated to a qualified study of the biography and work of A.V. Druzhinin, introducing new information about him, expanding and clarifying the understanding of his personality and biography, socio-political and aesthetic views, and also containing valuable observations of a textual nature.

Keywords: A.V. Druzhinin; 19th-century Russian literature; literary criticism; attribution

For citation: Makeev M.S. (2025) Book review: Aldonina N.B., A.V. Druzhinin and His Contemporaries. Samara: Scientific and Technical Center, 2024. 295 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 188–193.

200-летний юбилей А.В. Дружинина прошел, насколько нам известно, практически незамеченным «широкой публикой». Причина этого понятна — имя Дружинина не на слуху, как беллетрист он считается автором второго ряда, его критические работы, когда-то имевшие большой резонанс, — явление специфическое, принадлежит к литературе «вторичной», интересной только специалистам. Историки литературы занимаются им мало, в результате Дружинин остается одним из малоизученных действующих лиц литературной жизни, представления о котором даже у профессионалов часто ограничиваются идущими еще от К.И. Чуковского очевидно поверхностными или просто неверными определениями его как «англомана», жреца «чистого искусства», «эротомана» (автора «черно-книжных» порнографических стихов). По этой причине всякое квалифицированное исследование, вводящее новую информацию о Дружинине, расширяющее, уточняющее представление о его личности и биографии, общественно-политических и эстетических взглядах, вызывает большой интерес, представляет большую ценность. Это относится и к рецензируемой книге, принадлежащей перу одной из самых «преданных» исследовательниц Дружинина, в своих предыдущих работах немало сделавшей для того, чтобы от пересказа мифов и сплетен перейти к научному изучению его наследия и биографии, уяснению его подлинного человеческого и писательского облика.

Книга «А.В. Дружинин и его современники» представляет собой сборник статей, как ранее печатавшихся, так и публикуемых впервые. На первый взгляд он производит впечатление «пестрого собрания», на самом деле характеризуется единством тем, мотивов, исследовательского стиля, узнаваемого научного «почерка» Надежды Борисовны Алдониной. Большое внимание в книге уделяется уточнению представлений о мировоззрении Дружинина, его эстетических и общественно-политических взглядов. Так, соглашаясь со справедливостью взгляда на Дружинина как прежде всего любителя, знатока и популяризатора английской литературы и культуры, Алдонина стремится внести корректизы и в представления о пресловутой «англомании» критика, приводя примеры его крайне негативных суждений об Англии и англичанах, в частности о колониальной политике Британской империи. Любовь к Альбиону совсем не была у критика слепой и безоговорочной.

Ряд статей, включенных в книгу, показывает, что интересы Дружинина отнюдь не ограничивались «британской» тематикой. В своих статьях и рецензиях он не раз проявлял интерес и незаурядную эрудицию в отношении таких тем, как поэтический строй «Слова о полку Игореве», личность и деятельность Петра Первого, литература и культура Китая. В этих предметах, как показывает Алдонина, Дружинин вполне неплохо разбирался. Наиболее неожиданными оказываются сведения об отношении Дружинина к такому явлению, как война. Как показывает исследовательница, этот воспитанник Пажеского корпуса, офицер Лейб-гвардии Финляндского полка, по своим взглядам был последовательным пацифистом, считавшим войну одним из самых больших общественных зол. Интересны и суждения Дружинина об изображении войны в литературе. Требования правдивости, показа как можно больших подробностей, отражения бытовой стороны войны, предъявляемые критиком к произведениям военной тематики, позволяют лучше понять истоки его высокой оценки произведений молодого Толстого, очевидно соответствовавших собственным эстетическим идеалам Дружинина.

Дружинину-беллетристу в книге внимания уделено меньше. Очень интересна статья, посвященная творческой истории повести «Легенда о кислых водах», которую Дружинин считал своей большой удачей (впрочем, хорошо известно, что он в целом был склонен очень высоко себя цениТЬ). Здесь прослежена не только история изменений произведения по нескольким редакциям, но и выявлена его интереснейшая фактическая основа — скандальная история похищения князем С.В. Трубецким (хорошим знакомым М.Ю. Лермонтова, участником его последней дуэли) жены сына коммерции советника Лавинии Жадимировской. Некоторым чертам поэтики дружининской прозы посвящена заключительная статья — «Природа в жизни и в произведениях А.В. Дружинина».

Дружинин — несомненно, главный персонаж рецензируемой книги, однако и его «современники» занимают в ней немало места. Особенно ценные статьи, посвященные малоизвестным фигурам из окружения критика. Среди них мелькающая в письмах Добролюбова беллетристка 40–50-х годов XIX века Анна Гернер, переводчица сказок Г.Х. Андерсена Ю.-Ш. фон Икскуль, корреспондент журнала «Век» Алексей фон Фрикен. Особенно любопытна фигура медика и ученого П.П. Малиновского, несколько раз упомянутого в дневнике Дружинина в крайне негативном тоне: в книге Алдониной он оказался не только довольно близким приятелем критика, но и прототипом нескольких персонажей его беллетристических произведений.

Ряд статей в книге имеет текстологический характер. Из них работа «К истории создания и публикации “Дневника” А.В. Дружинина» содержит интересный и до сих пор не вводившийся в научный оборот архивный материал, касающийся преимущественно наследников Дружинина, однако не разрешает никаких проблем, связанных с этим важнейшим документом (когда был на самом деле начат дневник, когда завершен, куда исчезли отдельные листы и т.д.). Более принципиальный характер имеют три статьи, в которых предлагается атрибуция анонимно опубликованных произведений, авторство которых до сих пор не удавалось установить. Только в одной из них речь идет об атрибуции текста Дружинину: Алдонина обосновывает принадлежность главному герою своей книги анонимной рецензии в июльской книжке «Библиотеки для чтения» за 1856 год на статью В.К. Бодиско «Из Америки». В двух речь идет о других предполагаемых авторах. В статье «Неизвестная статья Н.А. Некрасова о сборнике стихотворений А.А. Фета 1850 года» знаменитому поэту атрибутируется анонимная рецензия в мартовском номере «Современника» за 1850 год, которая до сих пор приписывалась предположительно В.П. Боткину (такую гипотезу выдвинул Б.В. Мельгунов, однако его поддержали далеко не все некрасоведы). В статье «Об авторе анонимной статьи “Веневитинов” из серии “Русские второстепенные поэты”» Алдонина атрибутирует статью, подписанную криптонимом «А.Л.», вопрос об авторстве которой даже не ставился (очевидно, в силу ее «незначительности» — с этим представлением о статье исследовательница вступает в полемику), также Некрасову. Если в случае рецензии на Бодиско атрибуция Дружинину не вызывает у нас серьезных возражений, то к двум другим мы не можем не отнести более сдержанно. Связано это со спецификой исследовательского метода, используемого Алдониной.

Каких-то новых фактов, новых данных, прямо указывающих на авторство текста, автор не приводит. Атрибуция производится, если можно так выразиться, индуктивным методом на основании уже известных данных. Мысль исследователя развивается таким образом. Сначала выдвигается предположение о том, кто теоретически мог бы быть автором текста (указывается круг сотрудников журнала, которые в это время в нем печатались), из них «вычитаются» те, кто, как заключает исследователь, исходя из имеющихся данных, не имел возможности или времени написать атрибутируемый текст (был за границей, в деревне, занят чем-то другим, не был литератором, не писал критику). В результате такого вычитания остается Некрасов как единственный, кто в это время присутствовал

в Петербурге и имел возможность написать этот текст и оперативно передать его в журнал. Затем производится сопоставление атрибутируемого текста с другими текстами «оставшегося» Некрасова (сопоставляется лексика, состав некоторых фраз, тематика, делающие выводы и т. д.). Обнаруженное сходство и позволяет исследовательнице вынести окончательный вердикт.

Такой метод, как нам представляется, при определенных достоинствах (многие наблюдения над текстами выглядят вполне здраво), имеет и свои недостатки. Для того, чтобы согласиться, что проделанное исследователем «вычитание» привело нас к настоящему автору, нужно быть уверенным в том, что мы располагаем всей полнотой информации о круге сотрудников «Современника» и что оно ведет нас к известной нам фигуре Некрасова, а не к кому-то неизвестному, выступавшему в журнале эпизодически (даже выступившему «одноразово», скажем, по личной просьбе редактора, чье участие не зафиксировано в имеющихся вполне скучных источниках информации). Пробелов в нашем знании о функционировании редакции «Современника» очень много.

Продемонстрированное сходство некоторых элементов текстов также нас не до конца убеждает. Во многом сомнения здесь связаны с тем, что Некрасов как критик существенно ниже Некрасова-поэта. При всех достоинствах некоторых его критических выступлений, они не демонстрируют какого-то ярко выраженного индивидуального стиля и взгляда на литературу и общество. Поэтому то, что атрибутируемые статьи похожи на некрасовские, не является убедительным доказательством того, что их автор — Некрасов. Скорее они доказывают, что известные некрасовские статьи не сильно отличаются от рядовых статей, печатавшихся в «Современнике».

Таким образом мы не готовы были бы в каком-то будущем собрании сочинений Некрасова поместить атрибутируемые Алдониной тексты в корпус некрасовских сочинений. Возможно, их место в разделе «Dubia».

Книга Алдониной является, с нашей точки зрения, важным вкладом в изучение Дружинина и его эпохи. Единственным недостатком представляется отсутствие всякого стремления превратить ее в нечто более цельное с формальной точки зрения, чем сборник статей. Статьи, печатавшиеся ранее, вошли сюда без всяких изменений. Это привело к тому, что в книге нам много раз сообщается о том, что Дружинин был «критиком и писателем», повторяются данные его биографии и т. д. Возможно, автору было важно сохра-

нить тексты в том виде, в каком они публиковались первоначально. В таком случае стоило приложить не только интересные письма Б.Ф. Егорова, но и указатель первых публикаций включенных в книгу работ.

Поступила в редакцию 15.10.2025
Принята к публикации 21.10.2025
Отредактирована 22.11.2025

Received 15.10.2025
Accepted 21.10.2025
Revised 22.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Михаил Сергеевич Макеев — доктор филологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; mmakeev@icloud.com

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Makeev — Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; mmakeev@icloud.com

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: НАУКА И “ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ”: К 95-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА ХАЛИЗЕВА ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВИЧА»

А.А. Липгарт, А.В. Филатов, А.А. Холиков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; *a_lipgart@mail.ru, avphilatov@yandex.ru, kholikovaa@my.msu.ru*

Аннотация: Статья содержит аналитический обзор научных докладов и выступлений мемуарного характера, прозвучавших на прошедшей 25–26 апреля 2025 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Всероссийской научной конференции «Литературоведение: наука и “здравый смысл”: К 95-летию профессора Хализева Валентина Евгеньевича». В мероприятии приняли участие 57 исследователей из разных городов России (Владикавказ, Владимир, Донецк, Дубна, Москва, Нижний Новгород, Петрозаводск, Псков, Санкт-Петербург, Саранск, Тюмень).

Ключевые слова: Валентин Евгеньевич Хализов; литературоведение; теория литературы; история литературы; история и методология науки; теория драмы; аксиологический подход; методика преподавания филологических дисциплин

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-16

Для цитирования: Липгарт А.А., Филатов А.В., Холиков А.А. Всероссийская научная конференция «Литературоведение: наука и “здравый смысл”: К 95-летию профессора Хализева Валентина Евгеньевича» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 194–202.

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE “LITERARY STUDIES: SCIENCE AND ‘COMMON SENSE’: FOR THE 95th ANNIVERSARY OF PROFESSOR VALENTIN EVGENIEVICH KHALIZEV”

Andrey A. Lipgart, Anton V. Filatov, Alexey A. Kholikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; *a_lipgart@mail.ru, avphilatov@yandex.ru, kholikovaa@my.msu.ru*

Abstract: The article contains an analytical review of scientific reports and memoir-like speeches presented at the All-Russian Scientific Conference “Literary

Criticism: Science and ‘Common Sense’: For the 95th Anniversary of Professor Valentin Evgenievich Khalizev” held on April 25–26, 2025 at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. 57 researchers from different cities of Russia (Vladikavkaz, Vladimir, Donetsk, Dubna, Moscow, Nizhny Novgorod, Petrozavodsk, Pskov, St. Petersburg, Saransk, Tyumen) took part in the conference.

Keywords: Valentin Evgenievich Khalizev; literary criticism; literary theory; history of literature; history and methodology of science; drama theory; axiological approach; methods of teaching philological disciplines

For citation: Lipgart A.A., Filatov A.V., Kholikov A.A. (2025) All-Russian Scientific Conference “Literary Criticism: Science and ‘Common Sense’: For the 95th Anniversary of Professor Valentin Evgenievich Khalizev”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 194–202.

25–26 апреля 2025 г. на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в смешанном формате прошла Всероссийская научная конференция «Литературоведение: наука и “здравый смысл”». Шесть секций объединили по программе 57 участников (ими заявлено 55 докладов) из ведущих образовательных и научных центров России: ИМЛИ РАН, ИНИОН РАН, ИРЛИ РАН; МГУ имени М.В. Ломоносова, МГПУ, МПГУ, МФТИ, Московский университет имени А.С. Грибоедова, НИУ «Высшая школа экономики», ПСТГУ, РГГУ, РГСУ, Российский институт театрального искусства — ГИТИС; ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Государственный университет «Дубна», ДонГУ, ДГМА имени С.С. Прокофьева, МГПУ имени М.Е. Евсеевьева, МГУ имени Н.П. Огарева, ННГУ имени Н.И. Лобачевского, ПетрГУ, ПсковГУ, ТюмГУ; а также — столичных школ № 1553 имени В.И. Вернадского и № 1770.

Конференция была посвящена 95-летию со дня рождения Валентина Евгеньевича Хализева (1930–2016) — заслуженного профессора МГУ, заслуженного работника высшей школы РФ, лауреата премии имени М.В. Ломоносова за педагогическую деятельность, профессора кафедры теории литературы. Его мастерство и преданное служение Alma Mater остаются примером для нескольких поколений выпускников. Вся жизнь В.Е. Хализева в профессии связана с филологическим факультетом МГУ. В студенческие годы заметное влияние на будущего ученого и педагога оказали Н.И. Либан, С.М. Бонди, Э.В. Померанцева, В.Д. Дувакин. Благодарную память об учителях и коллегах хранит мемуарное повествование В.Е. Хализева «В кругу филологов» (2011), ставшее биографической редкостью. Ключевую роль в профессиональном развитии Валентина Евгеньевича сыграл Г.Н. Поспелов, под руководством

которого написаны дипломная работа и кандидатская диссертация («Творческие принципы Чехова-драматурга», 1963). По окончании университета (1953) В.Е. Хализев поступил в аспирантуру по кафедре истории русской литературы, после два года работал учителем русского языка и литературы в московской школе, с 1957 г. также преподавал литературу на подготовительных курсах МГУ, сотрудничал на Всесоюзном радио. С 1961 по 2015 г. — на кафедре теории литературы. Сперва — младший научный сотрудник, затем — старший преподаватель (1967), доцент (1975), профессор (1988). Докторская диссертация В.Е. Хализева «Драма как род литературы» (1983) не устаревает и поныне. Признание получили подготовленные совместно с молодыми коллегами монографические аналитические исследования «Войны и мира» Л.Н. Толстого (1983) и «Повестей Белкина» А.С. Пушкина (1989), не говоря уже о самом востребованном в нашей стране классическом университетском учебнике «Теория литературы», выдержавшем 6 изданий (1999–2013). До конца своих дней В.Е. Хализев работал много и плодотворно. Он принадлежал к тем исследователям, у которых разговор о литературе всегда получал человеческое измерение, а занятия теорией и историей органично восполняли друг друга. Прозвучавшие на конференции выступления раскрыли многомерный мир научных интересов и методологических установок ученого, обозначили актуальные векторы поисков его последователей и учеников.

С обстоятельным приветственным словом участникам конференции выступил и. о. декана филологического факультета МГУ профессор А.А. Липгарт. Он сосредоточился на личных качествах В.Е. Хализева как ученого-филолога, отметив научную строгость, организованность мышления, а также стремление к синтезу различных подходов и методов в качестве ключевых ценностных ориентиров исследователя, отразившихся как в его учебных изданиях, так и в общении с учениками и коллегами. Именно эти установки позволили ученому избежать крайностей различных литературоведческих школ и в то же время учесть их достижения в своих оригинальных концепциях, ставших серьезным вкладом в отечественную филологическую мысль.

Первая секция «*В диалоге неполного согласия*» носила характер пленарного заседания и открывалась циклом докладов, в которых комплексно осмыслилось научное наследие В.Е. Хализева. Включенный в программу доклад М.М. Голубкова (МГУ) был посвящен взглядам ученого на русскую классику XIX в. как ценностную основу отечественной литературы, а также предложенными им интерпретациям отдельных произведений. Н.Н. Смирнова (ИМЛИ РАН) рассмотрела методологические взгляды В.Е. Хализева, подчеркнув,

что он одним из первых отметил опасность кардинальной подмены предмета литературоведения, из-за чего эта наука рискует стать служанкой других дисциплин. Вклад исследователя в изучение генезиса и эволюции литературы оценил В.Н. Захаров (ПетрГУ), вспомнив о многолетнем сотрудничестве В.Е. Хализева с журналом «Проблемы исторической поэтики». В центре внимания О.Е. Осовского (МГПУ имени М.Е. Евсевьева) и С.А. Дубровской (МГУ имени Н.П. Огарева) оказалась рецепция идей и личности М.М. Бахтина в трудах литературоведа, тогда как Л.А. Трахтенберг (МГУ) более подробно сфокусировался на одном из ее аспектов — разработанной В.Е. Хализовым концепции смеха, во многом полемичной по отношению к бахтинской теории карнавала. С позиций текстологии научное наследие литературоведа рассмотрела С.А. Мартынова (ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых), проанализировав его записи на полях книги В.Я. Проппа «Морфология сказки», личный экземпляр которой был любезно передан ей семьей ученого.

В рамках этой же секции прозвучали выступления, в которых докладчики, следуя методологическим и мировоззренческим установкам В.Е. Хализева, уделили внимание «вненаправленческим» концепциям, свободным от редукционистских крайностей, а также несправедливо забытым гуманитариям. Доклад О.Г. Ревзиной (МГУ) о когнитивном пространстве художественного текста продемонстрировал перспективы изучения поэтики с позиции дискурсивных исследований и психологии мышления. Проблема определения реализма, представленного рядом конкурирующих между собой подходов, была поднята Т.Д. Венедиктовой (МГУ). К художественным и научным открытиям А. Белого как предшественника не только русского авангарда, но и формальной школы обратился О.А. Клинг (МГУ), тогда как А.В. Марков (РГГУ) раскрыл значение философско-религиозных работ П.А. Флоренского для современного литературоведения. Выступление Д.С. Московской (ИМЛИ РАН) было посвящено трудам ценных В.Е. Хализовым ученых: Н.П. Анциферова, А.А. Золотарёва и А.А. Ухтомского. О близких им по мировоззрению философах-космистах (А.К. Горском, Н.А. Сетницком, В.Н. Муравьёве) рассказала А.Г. Гачева (ИМЛИ РАН), а Т.А. Касаткина (ИМЛИ РАН) обратилась к работам А.В. Михайлова о специфике эстетического восприятия, трактовавшего отстраненность и вовлеченность как координирующие друг друга процессы.

Секция «*Драма как явление искусства*» своим названием отсыпала слушателей к одной из двух фундаментальных монографий В.Е. Хализева о драматическом роде литературы. Участники конференции говорили о разработанной ученым типологии сюжетов и конфликтов, корректирующей положения Аристотеля

и Г.В.Ф. Гегеля (Е.А. Андрушенко (ИМЛИ РАН)), особенностях сценического дискурса, представляющего собой парадоксальный на первый взгляд «нarrатив без нарратора» и наделяющего зрителя функциями этой инстанции (В.И. Тюпа (РГГУ)), соотношении драматического и эпического компонентов в поэме Н.А. Некрасова «Русские женщины» (М.С. Макеев (МГУ, ИРЛИ РАН)), замысел которой, по всей видимости, предполагал указанную межродовую трансформацию. Типологический характер имели выступления И.В. Монисовой (МГУ), раскрывшей ряд параллелей и различий между «новой драмой» рубежа XIX–XX и XX–XXI вв., и В.В. Доценко (МГУ), предложившей общий концептуальный взгляд на современную русскую драматургию как художественное явление.

Секция «*Ценностные ориентации на перекрестке культур*» расширяла опыт плодотворного сопряжения литературоведения с аксиологией, предпринятый В.Е. Хализевым в книге «Ценностные ориентации русской классики» (2005). Методология аксиологического подхода и перспективы его развития стали предметом обсуждения в докладах Е.В. Поповой и О.Р. Миннуллина (ДонГУ; ДГМА имени С.С. Прокофьева). Практическое применение этой исследовательской оптики продемонстрировали И.В. Мотеюнайте (ПсковГУ), которая рассмотрела ценностные ориентации в пушкинском мифе русской культуры, Н.М. Солнцева (МГУ), обратившаяся к художественной аксиологии Н.А. Клюева 1910-х гг., и В.Б. Семёнов (МГУ), проанализировавший жанровые особенности стихотворного рыцарского романа английского Средневековья. К разговору о А.А. Золотарёве вернулась Г.В. Зыкова (МГУ), рассказав о его литературно-критических работах, оставшихся неопубликованными, но сохранившихся в архиве философа и публициста. Неклассические формы лиризма в творчестве И.Ф. Анненского и пути их теоретического осмысления оказались в центре внимания Ю.В. Шевчук (ИМЛИ РАН), а О.Р. Темиршина (РГСУ) предложила новый способ описания и классификации лирических субъектов на основе категории телесности. Интересовавший В.Е. Хализева вопрос о соотношении имманентного и контекстуального подходов в литературоведении стал темой выступлений А.В. Филатова (МГУ) и А.В. Швец (МГУ), доклад которой показал справедливость теоретических выводов ученого и при изучении функционирования художественного текста в цифровой среде.

Секция «*Традиции в движении времени*» носила по преимуществу историко-литературный характер и закономерно открывалась докладом Р.Б. Ахметшина (МГУ) о чеховских темах в исследованиях В.Е. Хализева. Напомним, что свой путь в науке Валентин Евгеньевич начинал как историк литературы со статьи «Русская драматур-

гия накануне “Иванова” и “Чайки”» (1959) о предшественниках А.П. Чехова-драматурга. К чеховской теме обратилась и Е.В. Суровцева (МГУ), рассмотрев рецепцию его творчества в эссеистике И.Г. Эренбурга, С.П. Залыгина и А.И. Солженицына. Другие «вечные спутники» ученого — А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой — стали героями докладов И.С. Юхновой (ННГУ имени Н.И. Лобачевского), изучившей сюжеты «Повестей Белкина» в контексте мировой литературы, и Г.И. Романовой (МГПУ), показавшей, как поэтика «Войны и мира» повлияла на идею В.Б. Шкловского об эстетизации материала и на концепцию остранения. Типы авторской эмоциональности, составлявшие еще одну сферу научных интересов В.Е. Хализева, были затронуты О.А. Богдановой (ИМЛИ РАН), которая сосредоточилась на анализе мироприемлющего начала в усадебном топосе русской литературы, С.В. Шешуновой (Государственный университет «Дубна»), раскрывшей своеобразие идиллического в повести И.С. Шмелева «История любовная», а также О.В. Никандровой (ПСТГУ), рассмотревшей карнавальную и макабрическую образность в маскарадной эстетике Серебряного века. Тему эмоционально-ценостных ориентаций продолжил П.Е. Спиваковский (РГГУ), сопоставивший реализацию категории возвышенного в «Демоне» М.Ю. Лермонтова и «Верном Руслане» Г.Н. Владимира, благодаря чему удалось продемонстрировать ее амбивалентный характер. Лирический род литературы с разных ракурсов исследовался в докладе Л.Г. Кихней (Московский университет имени А.С. Грибоедова) о проблеме жанрообразования в русской лирике, которая предложила ввести понятие «ядро жанра» как альтернативу нормативному канону, и в выступлении Н.А. Дровалёвой (ИМЛИ РАН), выявившей ключевые антиномии визуальной образности в поэзии В.Я. Брюсова. Е.В. Волкова (МПГУ) напомнила о принципах интерпретации художественного текста, которых придерживался В.Е. Хализев, на примере выполненного им разбора стихотворения В.Ф. Ходасевича «Обезьяны». Сразу несколько выступлений были посвящены творчеству М.М. Пришвина, которого ученый ценил не только как писателя, но и как мыслителя-гуманитария. Е.Ю. Геймбух (МГПУ) представила свой анализ произведений «Лесная капель» и «Фацелия», определив их как циклы разножанровых миниатюр, среди которых важное место занимают стихотворения в прозе. Н.П. Дворцова (ТюмГУ) раскрыла связи между пришвинской нравственно ориентированной философией всеобщего творчества жизни и «Теорией литературы» В.Е. Хализева, показав, в каких разделах книги литературовед обращается к наследию М.М. Пришвина. Диалогу М.М. Пришвина с В.В. Розановым на материале уникального «Дневника» писателя был посвящен заявленный в программе доклад

А.А. Медведева (ТюмГУ). Глубокими теоретическими обобщениями, сделанными на широком историко-литературном материале, отличались доклады И.П. Сапуновой (МГУ) о способах разграничения национальных и индивидуальных и авторских мифов, и И.Н. Исаковой (МГУ), которая рассказала о предпосылках появления психологизма в национальных литературах Востока и Запада. Этот аспект поэтики художественного произведения был подробно раскрыт в ряде докладов, касавшихся проблемы разграничения исповеди и исповедальности (О.С. Кудлай (МГУ)), методологической значимости для литературоведения концепции личности (Е.А. Белоусова (МГУ)), а также объема и границ предложенного Е.Г. Эткиндом понятия «психопоэтика» (Е.М. Андреева (МГУ)).

Секция *«От теории — к практике»* высвечивала личность В.Е. Хализева в качестве наставника и учителя. На филологическом факультете он читал общие и специальные курсы, вел спецсеминары, руководил научной работой аспирантов. Своим опытом применения разработок литературоведа в педагогической практике поделились Е.В. Ерошкина (ГБОУ Школа № 1553 имени В.И. Вернадского), проанализировавшая развитие аксиологического подхода в трудах В.Е. Хализева на материале его лекционного курса по теории литературы и разных изданий одноименного учебника, а также И.В. Нестеров (ГБОУ Школа № 1770), рассказавший о том, как изучение ценностных ориентаций персонажей участвует в развитии эмоционального интеллекта школьников на уроках литературы. На учителях самого В.Е. Хализева и усвоенных благодаря общению с ними принципах преподавания подробно остановилась П.А. Федотова (МГУ), обратившись для этого к мемуарной книге ученого «В кругу филологов». Актуальность идей В.Е. Хализева в новейших программах высшего филологического образования, разработанных на кафедре теории литературы, подчеркнул А.А. Холиков (МГУ), чей доклад акцентировал методологическую значимость «вненаправленческого» подхода при обучении магистрантов отбору и анализу прецедентных литературоведческих текстов.

Секция *«От первого лица»* носила характер неформального общения и была пронизана «сообщительной веселостью», которой так дорожил В.Е. Хализев. М.В. Михайлова (МГУ) вспомнила о прослушанном ею специальном курсе «Взаимодействие кино, литературы, театра», который ученый читал на филологическом факультете в конце 1960-х гг., и показала аудитории свои конспекты лекций Валентина Евгеньевича, сохраненные ею с тех лет. Е.Н. Пенская (НИУ ВШЭ, ГИТИС, МФТИ) рассказала о своих беседах с В.Е. Хализовым в 1980–1990-е гг., а также об инскриптах литературоведа на подаренных экземплярах книг, раскрывающих его исследовательский

и человеческий почерк и заслуживающих отдельного изучения. Своими впечатлениями о В.Е. Хализеве как ученом и человеке поделилась Е.А. Тахо-Годи (МГУ), вспомнив о знакомстве с ним в студенческие годы на конференции в Душанбе, а также о своей последней встрече с литературоведом, состоявшейся во время приезда в Москву Б.Ф. Егорова. Подробнее историю многолетней дружбы Валентина Евгеньевича и Бориса Федоровича осветил А.П. Дмитриев (ИНИОН РАН), представивший готовящиеся им к публикации материалы переписки двух ученых, ценивших свое эпистолярное общение столь же высоко, как и личные встречи.

Завершила конференцию презентация новых книг: *Грехнёв В.А. Избранные труды в двух томах / редколл.: И.С. Юхнова (отв. ред.), Л.В. Грехнёва*. Нижний Новгород: ННГУ имени Н.И. Лобачевского, 2024; *Хализев В.Е. Литература как со-бытие: Избранные статьи / под общей ред. А.А. Холикова; сост. О.В. Никандровой*. М.; СПб.: Нестор-История, 2025. В первое издание вошли литературоведческие работы, посвященные исследованию творчества А.С. Пушкина и других писателей XIX века (В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого и др.), а также теории литературного творчества. Их автор, Всеволод Алексеевич Грехнёв (1938–1998), был единомышленником и другом В.Е. Хализева, написавшего о нем мемуарный очерк с красноречивым названием «Свет сильный и яркий...» (1998, 2004).

Книгу избранных статей самого Валентина Евгеньевича составили публикации, большая часть которых создавалась в поздние годы жизни ученого и отражает его неослабевавший интерес к истории отечественного литературоведения в перекличках с культурологией и философией. Композиционная организация сборника подчиняется не хронологии, а логике развития исследовательского «сюжета»: от теории к истории литературы и науке о ней. В приложении дан наиболее полный список трудов В.Е. Хализева. Состоявшееся обсуждение подтвердило востребованность их переиздания и перспективность подготовки посмертного собрания сочинений литературоведа. Конференция, прошедшая под эгидой филологического факультета МГУ, — несомненно, первый шаг в этом направлении.

Поступила в редакцию 28.06.2025
Принята к публикации 21.10.2025
Отредактирована 22.11.2025

Received 28.06.2025
Accepted 21.10.2025
Revised 22.11.2025

ОБ АВТОРАХ

Андрей Александрович Липгарт — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкоznания, и. о. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a_lipgart@mail.ru

Антон Владимирович Филатов — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; avphilatov@yandex.ru

Алексей Александрович Холиков — доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kholikovaa@my.msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey A. Lipgart — Prof. Dr., Professor, Department of English Linguistics, Acting Dean of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; a_lipgart@mail.ru

Anton V. Filatov — PhD, Associate Professor, Department of Literary Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; avphilatov@yandex.ru

Alexey A. Kholikov — Prof. Dr., Professor, Department of Literary Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kholikovaa@my.msu.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В СЛАВЯНСКОМ И БАЛКАНСКОМ КОНТЕКСТЕ»

Е.В. Верижникова, А.Г. Шешкен

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; eluska@mail.ru, asheshken@yandex.ru*

Аннотация: В заметке содержится информация о докладах, прочитанных на Международной научной конференции «Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте», организованной кафедрой славянской филологии МГУ и посвященной 50-летию македонистики в Московском университете. Доклады были посвящены актуальным вопросам македонистики. Подчеркнуто, что филологический факультет МГУ является основным центром преподавания и изучения македонского языка, литературы и культуры в России. На кафедре славянской филологии македонистика сформировалась как отдельная филологическая дисциплина.

Ключевые слова: славистика; македонистика; македонский язык; македонская литература; методика преподавания македонского языка и литературы; Рина Павловна Усикова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-17

Для цитирования: Верижникова Е.В., Шешкен А.Г. Международная научная конференция «Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте» // Вест. Моск. Ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 203–209.

INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE “MACEDONIAN LANGUAGE, LITERATURE, AND CULTURE IN THE SLAVIC AND BALKAN CONTEXT”

Elena V. Verizhnikova, Alla G. Sheshken

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eluska@mail.ru,
asheshken@yandex.ru*

Abstract: This article contains information about the papers presented at the International Academic Conference “Macedonian Language, Literature, and Culture in the Slavic and Balkan Context”, organized by the Department of Slavic Philology at Moscow State University and dedicated to the 50th anniversary of Macedonian studies at Lomonosov Moscow State University. The papers addressed current issues in Macedonian studies. It is emphasized that the Faculty of Philology at Moscow

State University is the main center for the teaching and studying the Macedonian language, literature, and culture in Russia. Macedonian studies emerged as a distinct philological discipline at the Department of Slavic Philology.

Keywords: Slavic studies; Macedonian studies; Macedonian language; Macedonian literature; methods of teaching Macedonian language and literature; Rina Usikova

For citation: Verizhnikova E. V., Sheshken A.G. (2025) International Academic Conference “Macedonian Language, Literature and Culture in the Slavic and Balkan Context”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 203–209.

Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова — центр российской македонистики. Здесь в сентябре 1975 г., всего лишь через 30 лет после кодификации самого молодого в то время славянского литературного языка, впервые в нашей стране, по инициативе заведующего кафедрой профессора С.Б. Бернштейна началось преподавание македонского языка в качестве основной специальности. Тем, что МГУ стал флагманом отечественной македонистики, мы обязаны его ученице, Р.П. Усиковой, которая четыре десятилетия возглавляла подготовку специалистов-македонистов. До сих пор МГУ является единственным вузом страны, выпускающим филологов, основным предметом изучения и профессиональных занятий которых является язык, литература и культура Македонии.

В связи со знаменательным юбилеем 14 октября 2025 г. на филологическом факультете МГУ состоялась Международная научная конференция «Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте», организованная кафедрой славянской филологии. Этот представительный научный форум стал подтверждением широкого интереса к македонистике в нашей стране и активного сотрудничества с македонскими коллегами. На конференции выступили 33 участника, в том числе российские ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми и Воронежа и коллеги из Академии наук и высшей школы Македонии. С приветственным словом к участникам обратились от имени декана филологического факультета профессор О.В. Александрова, посол Российской Федерации в Республике Северная Македония С.А. Баздникин и посол Республики Северная Македония в Российской Федерации Ненад Колев.

В открывшем пленарное заседание докладе заведующая кафедрой славянской филологии проф. Н.Е. Ананьева и ведущий российский литературовед-македонист проф. А.Г. Шешкен отметили, что македонистика как отдельная филологическая дисциплина сформировалась именно в рамках нашей кафедры. За прошедшие полвека накоплен большой методический и научный опыт изучения и пре-

подавания македонского языка, литературы и культуры: опубликованы грамматические описания, словари, учебники и учебные пособия, проведены фундаментальные исследования, защищены магистерские, кандидатские (7) и докторские (2) диссертации, изданы научные труды, прочитаны доклады на международных и российских конференциях, на съездах славистов. И самое главное — подготовлено десять поколений македонистов, способных продолжать и развивать заложенные традиции. Почетный профессор МГУ Максим Карапетян (Скопье) в докладе «Московская македонистическая школа» подчеркнул важность сотрудничества с Московским университетом. Е.В. Верижникова, в настоящее время преподающая лингвистические дисциплины в македонской группе, рассказала о научном и педагогическом пути своего учителья, Р.П. Усиковой (1933–2018), обратив внимание на широту ее научных интересов и бесценный вклад в фундаментальное описание современного македонского языка.

Лингвистическая секция конференции продемонстрировала широту вопросов, которые ставит перед исследователями македонский язык. В результате длительного конвергентного развития в условиях многоязычия и тесных языковых контактов с другими балканскими народами он приобрел специфические черты, кардинально изменившие его морфосинтаксический строй. Являясь генетически славянским, македонский язык входит в ядро балканского языкового союза, типологически сближаясь с неславянскими балканскими языками (албанским, балкано-романскими, греческим), с которыми его объединяют схождения на всех уровнях языковой системы. Закономерно, что ряд докладов был посвящен балканской проблематике. Их авторы продемонстрировали разнообразие подходов и методов исследования (ареальная лингвистика, этнолингвистика, социолингвистика и др.). Академик Витомир Митевский (Македонская академия наук и искусств, Скопье) осветил вклад выдающегося филолога-классика и балканиста Петра Хр. Илиевского (1920–2013) в изучение происхождения и структуры балканлизмов в македонском языке в свете контактных явлений и влияния палеобалканского субстрата. А.Н. Соболев (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Западномакедонские говоры вне Северной Македонии в Атласе балканского языкового ареала» раскрыл различную степень балканизации на западной периферии македонского языка, отметив гибкость славянского языкового типа и влияние унаследованных языковых особенностей на результаты контакта. А.И. Чиварзина (Институт славяноведения РАН, Москва) представила результаты новейших полевых исследований в Республике Албания (г. Корча, сёла Зрновско, Пустец округа Преспы, приграничное с Грецией македонское

село Врбник). Были выявлены архаические явления и влияние иноязычной традиции в сфере семейной обрядности, проницаемость терминологии для заимствований в условиях многоязычия.

Доклад Элки Ячевой-Улчар (Институт македонского языка им. Крсте Мисиркова, Скопье) был посвящен изданному в Афинах в 1925 г. «Букварю» („Abecedar“), предназначенному для македонского меньшинства на территории Греции. Докладчик отметила важность этого издания дляialectологических исследований македонского языка, а также для культурной истории македонцев, поскольку букварь представляет собой первое международное политическое признание македонского языка за двадцать лет до его официальной кодификации.

Оlivер Винисторфер (Цюрихский университет, Швейцария), Анастасия Эшер (Швейцарская высшая техническая школа Цюриха) и Ана Голабоска (Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия, Скопье) обратились к феномену беспредложного обозначения места и направления в южных и юго-западных македонских говорах, в чем проявился балканский характер этого явления. А.В. Харламовой (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Усиление палатальной артикуляции согласных палатальной зоны как общебалканский процесс» была выдвинута гипотеза что это явление — возникший не позднее начала XX века новый фонетический балканизм, зародившийся в македонском лингвистическом ареале и отмеченный ранее А.М. Селищевым.

Грамматический блок докладов затронул актуальные проблемы, тоже связанные с инновационными для македонского языка балканскими явлениями: категория определенности/неопределенности имени и грамматикализованная в македонском языке категория эвиденциальности. Доклад Н.В. Боронниковой и Александра Талеского (Пермский государственный национальный исследовательский университет) был посвящен лингвопрагматическому анализу гипердетерминированных именных групп с семантикой конфликтности и экспрессивности в македонском языке. Используя информационные технологии («Семограф» и SciVi), авторы выявили возможные комбинации демонстративов, их функциональные различия и тенденции конфликтности и экспрессивности. Андриана Павлова (Институт македонского языка им. Крсте Мисиркова, Скопье) поставила до сих пор не решенный в македонской грамматике вопрос: «Прошедшее неопределенное время в македонском языке сквозь призму эвиденциальности: одна парадигма или несколько?». Опираясь на труды З.К. Шановой, Р.П. Усиковой, М.М. Макарцева и др., автор приходит к выводу, что есть все основания выделять несколько парадигм в зависимости от функции и значения

конструкции *сум+л-форма*. Н.И. Муравлева (Высшая школа экономики, Институт славяноведения РАН, Москва) исследовала взаимодействие показателей двух категорий: эвиденциальности и модальности (на примере да-конструкций). Статус да-конструкции до сих пор является спорным в науке. Н.И. Муравлева трактует ее как показатель косвенного наклонения (конъюнктив).

Ряд докладов был посвящен вопросам лексикологии и лексикографии македонского языка. Лиляна Макариоска (Институт македонского языка им. Крсте Мисиркова, Скопье) и Бисера Павлеска-Георгиевска, (НБРСМ, Скопье) посвятили свой доклад лингвокультурологическим аспектам южнославянской фразеологии с зоонимическими и фитонимическими компонентами, уделив особое внимание антропоцентричным идиомам. Эмил Ниами (Институт македонского языка им. Крсте Мисиркова, Скопье) исследовал русизмы, широко представленные в македонских СМИ, в публицистической и художественной литературе, на интернет-порталах, отметив, что многие из них приобрели дополнительные оттенки и коннотации или развили новые значения. Е.В. Верижникова и Н.В. Боронникова рассматривали метаязыковые рефлексивы — единицы (звукоподражания, глагольные интеръекции и т. п.), используемые для десемантизированного изображения человеческой речи.

М.В. Панова (Воронежский государственный университет) и Е.С. Обухова (Русский центр, Скопье) осветили историю изучения македонского языка как учебной дисциплины и как базы для научных изысканий в Воронежском университете. Подчеркнуто значение лексикологической и лексикографической деятельности А.А. Кретова («Македонский словарь омонимов с русскими толкованиями», «Словарь македонских синонимов с русскими толкованиями» (в соавт. с О.Т. Косаренко)).

Доклады в литературоведческой секции были посвящены актуальным проблемам изучения современной македонской литературы, ее популяризации в России, исследованию многообразных связей литературы с фольклором и анализу типологически родственных явлений в македонской и других литературах.

Доклад Наташи Аврамовской (Институт македонской литературы, Скопье) был посвящен анализу поэзии поэта и ученого Катицы Кюлавковой («Македония и современный мир в поэтическом творчестве Катицы Кюлавковой»). Подчеркивается, что творчество поэтессы представляет собой выдающееся явление в македонской поэзии, отличается широким диапазоном звучания, патриотической направленностью, интересными художественными экспериментами и важными открытиями.

В ряде докладов были затронуты проблемы компаративистики. Мишел Павловски (Институт македонской литературы, Скопье) раскрыл точки соприкосновения в постановке и решении проблемы травмы как социального явления на материале прозы Дж. Стейнбека («Гроздья гнева») и драмы македонского писателя Г. Стефановского «Дикое мясо», отметил ряд типологических параллелей и различий («Травма у Джона Стейнбека и у Горана Стефановского»). Поэтесса и переводчица О.В. Панькина (РФ, Македонский культурный центр, Москва; Республика Северная Македония) рассказала о восприятии русским читателем романов популярного у себя на родине писателя В. Андоновского, издание романов которого в течение последних полутора десятилетий существенно расширило представление о македонской литературе в России.

Вопросы мифопоэтики в произведениях македонских писателей рассматривались с разных точек зрения. Органичность народных верований для мировосприятия героев, многообразие их отражения в художественной ткани романа классика македонской литературы С. Яневского были проанализированы в докладе профессора кафедры фольклора МГУ С.В. Алпатова («Мифопоэтические образы неба в трилогии Славко Яневского “Миракли” и македонских народных загадках»). К. Полковникова (аспирант каф. фольклора МГУ) провела сравнительный анализ образа вампира, широко распространенного в южнославянском фольклоре, и его использования в произведениях крупных болгарских (Г. Смолянов, Й. Радичков) и македонских (П.М. Андреевский) авторов. П.Д. Гаврилова также подчеркнула важность верований в потусторонние силы и в целом глубокую связь с народными обычаями для художественной характеристики героев романов 1980–2000-х гг. П.М. Андреевского. Утрата этой связи ведет к потере героями нравственного ориентира и жизненной силы («Оппозиция “город/деревня” в прозе П.М. Андреевского (на примере романов “Пырей”, “Последние селяне”, “Туннель”»)).

В секции «Методика преподавания македонского языка и литературы» было заслушано пять докладов. Весна Мойсова-Чепишевска (Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье) в докладе «Изучение македонского языка пусть будет интересно и доступно всем детям» отметила важную роль образовательной платформы «Правописание для детей», целью которой является эффективное усвоение детьми правил грамматики македонского языка.

Вопросы преподавания македонского языка иностранцам были поставлены в докладах Горданы Алексовой и Биляны Мирческой-Бошевой (обе Университет имени Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье). Г. Алексова («Значение словарей в преподавании македонского языка как иностранного») обратила внимание на необходимость выработки навыков пользования двуязычными и толковыми сло-

варями у студентов, изучающих македонский язык. Преподаватель русского языка проф. Б. Мирческа-Бошева («Использование корпусной лингвистики в преподавании македонского языка: с акцентом на фразеологию») обратила внимание на возможности корпусной лингвистики в процессе изучения иностранных языков, подчеркнув ее эффективность при усвоении фразеологических единиц. Такой подход, считает автор, делает процесс преподавания более динамичным, научно и контекстуально обоснованным, что способствует более глубокому пониманию и правильному употреблению языковых единиц. При преподавании македонского языка рекомендовано использование веб-корпуса CLASSLA, электронного корпуса македонских художественных текстов (135 томов македонской литературы) и инструментов поиска в этом материале, как и нового ресурса «Мультиязычный репозиториум фраземных конструкций в центрально- и восточноевропейских языках» (PhraConRep).

Историю преподавания македонского языка на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского университета проследила А.Г. Мосинец (Санкт-Петербург), которая подчеркнула роль Р.П. Усиковой, делившейся своим опытом с коллегами, а также вклад З.К. Шанновой в преподавание македонского языка, его научное изучение и составление словарей. Лектор македонского языка Христина Ангелеска-Мийоска обобщила воспоминания о работе на кафедре славянской филологии МГУ лекторов разных лет: Димитара Пандева, Красимиры Илиевской, Розы Тасевской и др. («Лекторы и македонистика под московским небом»).

Поступила в редакцию 04.07.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 24.11.2025

Received 04.07.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 24.11.2025

ОБ АВТОРАХ

Елена Владимировна Верижникова — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; eluska@mail.ru

Алла Геннадьевна Шешкен — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Verizhnikova — PhD, Associate Professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; eluska@mail.ru

Alla G. Sheshken — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asheshken@yandex.ru

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 9.
ФИЛОЛОГИЯ» В 2025 г.**

Статьи	№	С.
СТАТЬИ		
Александрова М.А. Пушкинская Татьяна в рецепции Булата Окуджавы	1	48
Александрова О.В., Конурбаев С.М. Опыт построения когнитивной модели анализа традиционных фольклорных структур и их современных адаптаций	5	117
Алексеева М.Г., Фролова В.А. Пародийно-ироническое переосмысление понятия «величина» в литературной сказке Б. Келлермана „Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin“	5	104
Алиева Э.А. Синтаксические конструкции «именительный темы» в языковой структуре очерков М. Цветаевой «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев»	5	20
Алпатова Т.А. «Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста...»: кот в басенном бестиарии И.А. Крылова	4	110
Алташина В.Д. <i>L'un contre l'autre</i> , или Эхолалия в автобымисле Сержя Дубровски	1	213
Андрейчук К.Р. «Человек, увидевший голову Медузы»: творчество Ф.М. Достоевского в шведской критике начала XX в.	5	144
Анапькова Е.С. Первая рукописная книга С.А. Есенина «Больные думы»: истоки, творческая история, поэтика	1	201
Артемова О.Г. Об одном отзыве на маркемологическое исследование, или О правомерности обобщения в науке	6	81
Белавина Е.М. Эссе Луи Арагона «Рифма в 1940»: от истории стиха к дискурсу контрабандного воздействия	3	182
Белов А.М. О филологических конъектурах в поэтике и в герменевтике: к интерпретации Homeri <i>Iliad</i> . (1; 7; 1, 106) и Horati <i>Od. III, 22</i>	1	155
Беляев О.И. Позиционные классы союзов в бартангском языке	2	70
Борисова Д.С. К вопросу о заимствованиях в интернет-языке Таиланда	6	73
Гаврилова П.Д. Женские образы в творчестве македонского писателя П.М. Андреевского сквозь призму архетипа	3	204
Галинская Е.А. Елена Федоровна Васеко	3	18
Галинская Е.А. Особенности употребления и образования действительных причастий в лечебнике XVII века «Прохладный вертоград»	4	43
Германова Н.Н. «Лекции по риторике и изящной словесности» Х. Блэра в России: история публикаций и рецепция	1	182

Статьи	№	С.
<i>Гончаров А.А., Ярошенко П.В.</i> Как описывать имплицитные логико-семантические отношения: опыт создания набора данных на русском языке	6	24
<i>Гуменюк О.Н.</i> Образно-композиционная структура крымскотатарской народной песни печальной любви	2	145
<i>Демахина А.В.</i> Кладбище в «раю Амора»: трансформация куртуазного «земного рая» во французской аллегорической литературе позднего Средневековья	3	196
<i>Дикарева К.А.</i> Стереотипы-коллокации во французском языке (на материале сборника П. Даниноса <i>«Le Jacassin»</i>)	5	96
<i>Добрушина Е.Р.</i> Ихний, толика и рыбова, или Что дают макро- и нанодиахронические методы	3	134
<i>Жираковская А.А.</i> Метафорические и метонимические переносы в образовании номинаций лиц в молодежном сленге	6	36
<i>Заруднева А.А., Панич М.Б., Садковский Ф.А., Архипова М.Н., Федорова О.В.</i> Кумыкско-русская радуга: цветообозначения в речи кумыкско-русских детей билингвов	6	46
<i>Захарченко А.О.</i> Риторическая функция причастий у Тита Ливия (на материале XXI книги <i>‘Ab Urbe condita’</i>)	4	84
<i>Ибрагимова К.Р.</i> Раннее творчество Э. Паунда и У.Б. Йейтс (особенности лирического субъекта в стихотворении «Плач»)	1	192
<i>Иванчина О.Ю.</i> Аббревиация в англоязычной лексике космических исследований	2	88
<i>Изотов А.И., Морозов Д.А.</i> Степени сравнения прилагательных в современном чешском письменном дискурсе	5	85
<i>Казаковцева О.С., Патроева Н.В.</i> Структура и экспрессивный потенциал атрибутивных словосочетаний в панегирике Феофана Прокоповича	4	55
<i>Каменева В.А., Рабкина Н.В., Румянцева А.А.</i> Концепт «жизнь» в языковом сознании кардиологов	5	48
<i>Кедрова Г.Е., Миронова Н.И., Чучупал В.Я.</i> Типичные артикуляционные стратегии китайских студентов при освоении русского произношения и возможности нейросетевого анализа	5	73
<i>Кихней Л.Г.</i> «Приключение в ночь под Новый год» Э.Т.А. Гофмана как претекст «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой	4	93
<i>Клушина Н.И.</i> Автор, языковая личность и искусственный интеллект .	2	20
<i>Князев С.В.</i> Зачем нужна частица <i>ну</i> в южнорусских говорах?	1	125
<i>Колобродова Е.А.</i> Филиация значений слова <i>толико/только</i> в древнерусском языке: местоименное наречие количества — фокусная частица — союз	1	109
<i>Кольцова Н.З.</i> Неомифологический роман 1920–1940-х гг. как жанр русской литературы	2	167
<i>Коржова И.Н.</i> Художественные стратегии изображения войны в романе К.М. Симонова «Так называемая личная жизнь»	3	36

Статьи	№	С.
<i>Коровин В.Л. «Онегин вспомнил обо мне»: к вопросу о «крымской колыбели» пушкинского романа в стихах</i>	1	9
<i>Кривонос В.Ш. Встреча с книгой в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына</i>	3	148
<i>Кротова Д.В. «Легкие миры» и «Невидимая дева» Т. Толстой: повторы или прорывы?</i>	5	175
<i>Крупчанов А.Л., Певак Е.А., Ремнева М.Л., Толмачёв В.М. Наши деканы — участники Великой Отечественной войны</i>	3	9
<i>Кузнецова Е.В. Возлюбленная как проекция творческого субъекта: «Призраки» И. Тургенева и «Небывалая» П. Соловьевой</i>	4	122
<i>Кузнецова М.А. Об этимологии и семантике древнегреческих наименований вида Bos Taurus (на материале эзоповского корпуса и «Илиады» Гомера)</i>	1	171
<i>Лаппо-Данилевский К.Ю. Поэма «Добрый» Н.А. Львова как апология «русского строя»</i>	6	125
<i>Лемаев В.И., Лукашевич Н.В. Выражение эмоций в разных языках: возможности межязыкового переноса моделей распознавания</i>	4	9
<i>Ли Н. Портреты философов в мемуарной трилогии Андрея Белого</i>	4	138
<i>Лифанов К.В. Фонема <з> в истории словацкой письменности</i>	3	91
<i>Луженкова К.В. Метель как мифологема в русской литературе</i>	1	37
<i>Любжин А.И. «Царь Петр» Антуана-Леонара Тома: замысел и европейский контекст</i>	2	110
<i>Мамечков С.Г., Шевелёва М.Н. Об окончаниях творительного падежа единственного числа в языке прозы М.Ю. Лермонтова в контексте предшествующей традиции</i>	2	58
<i>Машкевич С.В. Переводы романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» на итальянский язык: история и сравнительная характеристика</i>	4	147
<i>Меркулов Г.В. Особенности графики ранних румынских манускриптов (на примере Codex Neagoeanus (1620) и Codex Sturdzianus (1580–1619))</i>	2	100
<i>Моисеева В.Г. Герой и автор «лейтенантской» прозы</i>	3	23
<i>Мотеюнайте И.В. Пушкин в анимации и пушкинский миф</i>	1	58
<i>Мухачёва И.В. Особенности реализации валентностей у глаголовликив-дативов с приставкой раз- в синхронии и ближайшей диахронии</i>	3	117
<i>Назарова Т.Б. Общепотребительная бизнес-терминология в языке и речи: системные свойства и адгерентная коннотативность</i>	2	32
<i>Оболенская Ю.Л. Переводы и восприятие произведений А.С. Пушкина в Старом и Новом Свете</i>	1	16
<i>Оболенская Ю.Л., Баканова А.В. Особенности формирования и изучения фольклорной традиции в Испании</i>	6	105
<i>Патроева Н.В., Пашкова Т.В. Относительные местоимения как коннекторы сложноподчиненного предложения в ливовском наречии карельского языка</i>	1	145
<i>Пауткин А.А. Неоконченный роман В.С. Пикуля о войне (взгляд из XXI века)</i>	3	48

Статьи**№ С.**

Пентковская Т.В. Лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева (в связи с проблемой авторства перевода «Летодеяний Церковных»). Часть I	5	9
Пентковская Т.В. Лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева (в связи с проблемой авторства перевода «Летодеяний Церковных»). Часть II	6	9
Петров А.М. Дефектные строки в народном силлабо-тоническом стихе: случайность или закономерность?	5	131
Петрухина Е.В. Объяснительные лингвистические методы И.С. Улуханова	4	190
Петрухина Е.В., Жэнъ Шо. Деривационный потенциал драматического императива в современном русском языке (корпусное исследование)	1	82
Полунина А.А. Лексемы со значением 'фиолетовый' как единицы симптоматического словаря (на материале русского и французского языков)	6	61
Птенцова А.В., Чжэньчжэнь Дуань. Пройдоха, проныра, пролаза: сопоставительный семантический анализ	2	47
Пулатова В.И., Низамова М.Н. Элементы антиутопии в романе К. Иси-туро «Клара и Солнце»	2	156
Рыбина П.Ю. Литература на экране: базовые метафоры современной теории адаптации	3	158
Рязанова В.А. «Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка» как словарь нового типа: синтез прескриптивного и дескриптивного подходов	4	33
Сабанова О.Д. Авторская графика в ранней прозе Э.В. Лимонова на страницах рукописей и изданий разных лет	6	92
Савельев В.С., Дин Пэй. Русские негативные термины: перспективы изучения ...	3	69
Садыкова Д.М., Зарипова А.Н., Акимова О.В. Семантический способ образования шахматных терминов в русском, немецком и английском языках	5	60
Салтовская С.В. Образование притяжательных прилагательных с суффиксами '-j- и -ov/-ev- от имен собственных в древнерусских памятниках письменности	3	82
Сапрыкин М.Е. Экология pragmatики: поэзия Всеволода Некрасова в диалоге с традицией авангарда	5	184
Семёнов В.Б. Английская анонимная поэма-видение XV в. «Остров Дам»: между мифом и китчем	2	129
Сидорова М.Ю., Ли Гуанъяо. Историческое время, субъект истории и субъект-историк: к проблеме текстового представления	2	9
Сидорова М.Ю., Ли Гуанъяо. Языковые средства выражения времени в историческом нарративе (на материале российских учебников по истории Китая)	1	70
Скачкова Е.В. Множественная интенсификация непроцессуального признака в современном русском языке	4	21
Сунь Цзялинь, Кукушкина О.В. Описание эмотивной лексики в русских семантических словарях	1	98

Статьи	№	С.
<i>Супрякова А.О. Возможности мысли в художественной интерпретации А.Р. Беляева («Властелин мира») и С.М. Беляева («Радиомозг»)</i>	4	163
<i>Сюся Д., Голубков М.М. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае</i>	6	138
<i>Токарева М.С. Княгиня З.А. Волконская о статье А.С. Глаголева «Итальянцы»</i>	6	181
<i>Толмачёв В.М. О символизме отца и отцовства в драматургии Х. Ибсена</i>	6	161
<i>Тресорукова И.В. Формирование неологизмов в новогреческом языке: продуктивность форманта -ίλα</i>	4	69
<i>Цзоу Вэньяо. Художественное пространство в романах Гузели Яхиной «Эшлон на Самарканд» и Андрея Платонова «Чевенгур»</i>	5	194
<i>Чиан Ч. Ирония в «библейской трилогии» Леонида Андреева</i>	5	154
<i>Чуева С.Ю. Особенности формирования феминитивов от nominis agentis с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της в древнегреческом языке</i>	3	101
<i>Чуреева О.А. Кириллические алфавитные фразеологизмы в диахрониче- ском аспекте</i>	5	36
<i>Шешкен А.Г. Эпиграф как средство межлитературного диалога: лирика Максима Богдановича</i>	3	213
<i>Юй Сян, Монисова И.В. Трактовки философских идей софистов в траге- диях И.Ф. Анненского</i>	4	174
<i>Ямпольская А.В. Образ города в романе А. Палаццески «Рим»</i>	6	151
<i>Ян Сюди. «Письма династии Минь»: о цикле стихотворений И.А. Брод- ского с китайским контекстом</i>	5	164
<i>Янь Кунь. Феномен метаповествования и его художественное воплощение в романе Р.В. Сенчина «Информация»</i>	3	171
<i>Ясаи Л. О глагольном виде с прикладной точки зрения</i>	3	56
 РЕЦЕНЗИИ		
<i>Гавриков В.А. Рецензия на книгу: Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. СПб.: Скифия, 2024. 608 с.</i>	3	225
<i>Гусейнов В.Н. Горьковский опыт конструирования социального оптимиз- ма. Рецензия на книгу: М. Горький. Письма о литературе / под научн. ред. А.Г. Плотниковой; сост. О.В. Быстрова, Е.В. Кудрина, Е.Н. Ники- тина, А.Г. Плотникова. М.: Литературный институт имени А.М. Горь- кого, 2023. (Серия «Писатели о творчестве»). 368 с.</i>	2	192
<i>Дмитриев А.П. «Проникая в непроницаемую сущность»: Рецензия на книгу: Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е.А. Боратынского. Коллективная монография / общ. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. 448 с. (Серия: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 6)</i>	2	185
<i>Изотов А.И. Рецензия на книгу: полный курс сербского языка / С.С. Зи- модро, С. Миличевич, Е.И. Якушкина. М.: Издательство АСТ, 2023. 560 с.</i>	4	196
<i>Леденев А.В. Рецензия на книгу: Шеметова Т.Г. Переделкино vs Комарово: писатели и литературные мифы. Издательские решения, 2024. 268 с.</i>	4	207

Статьи**№ С.**

- Макеев М.С. Рецензия на книгу: Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин и его современники. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2024. 295 с. 6 188
- Макеев М.С. Рецензия на книгу: Зубков К.Ю. Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с. 5 206
- Мызников С.А., Королькова М.Д. Рецензия на книгу: Баженова Т.Е. (ред.) Лексический атлас самарских говоров: карты и комментарии. Самара, 2021. 80 с.: ил. 2 178
- Пахсарьян Н.Т. Рецензия на книгу: Casanova d'une plume indocile. Essais de philosophie, de morale et de littérature /Edition établie sous la direction de Jean-Christophe Igale et Erik Leborgne. Paris: Bouquins éditions, 2024. 1221 р. 5 215
- Погребняк Ю.В. Рец. на: Юань Яньпин. Образы зодиакальных животных в китайской и русской фразеологии: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты: монография. Волгоград: ООО «Сфера», 2023. 118 с. 1 225
- Савельева О.М. Рецензия на книгу: Славягинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. 3-е издание. Исправленное и дополненное. М.: ФЛИНТА, 2022. 732 с. 2 207
- Солнцева Н.М. Рецензия на книгу: Серёгина С.А. Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой. Науч. ред. С.И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 816 с. 4 201
- Шевчук Ю.В. Рецензия на книгу: Лувэй Цзоу, Михайлова М.В. Женская линия в русской поэзии: до и после А.А. Ахматовой. СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с. 2 202

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Алпатов С.В., Ковпик В.А. Всероссийская научная конференция «Народная культура в городе и деревне: Формы бытования. Взаимодействие. Трансформации», 24–26 октября 2023 г., Москва 1 247
- Бархударова Е.Л., Дементьева О.Ю. Научно-методический семинар «Лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем», посвященный творческому наследию профессора Майи Владимировны Всеволодовой 1 229
- Борисова Е.Г. «Фундаментальная лингвистика» — новый лингвистический журнал 1 236
- Верижникова Е.В., Шешкен А.Г. Международная научная конференция «Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте» 6 203
- Воропаев В.А. Международная научная конференция «Русская классика: история и современность» (к 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя и 255-летию со дня рождения И.А. Крылова) (МГУ, филологический факультет, 12–13 марта 2024 г.) 4 232
- Голубков М.М., Семина А.А. VIII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» 2 219
- 215

Статьи	№	С.
<i>Ивинский Д.П., Куц Н.В. К 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина: две конференции на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова</i>	1	240
<i>Исаев И.И., Коломацкий Д.И. Как сложно устроен язык: лингвистический подкаст «Глагольная группа»</i>	4	226
<i>Липгардт А.А., Филатов А.В., Холиков А.А. Всероссийская научная конференция «Литературоведение: наука и “здравый смысл”: К 95-летию профессора Хализева Валентина Евгеньевича»</i>	6	194
<i>Миронова Н.И., Кедрова Г.Е. Международная научная конференция «Общая и прикладная фонетика: к 100-летию со дня рождения профессора Любови Владимировны Златоустовой»</i>	2	212
<i>Онипенко Н.К. LVI Виноградовские чтения</i>	3	229
<i>Роицктаева Т.Г. Международная научно-практическая конференция МГУ «Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра»</i>	4	213
<i>Уржа А.В., Филатова Г.А. Всероссийская конференция с международным участием «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке»</i>	4	220
 ПАМЯТИ...		
<i>Ананьева Н.Е. Валерия Федоровна Васильева (1939–2025)</i>	4	239
<i>Байич Л. Александра Вранеш (1960–2025)</i>	5	225
<i>Ващенко Д.Ю. Константин Васильевич Лифанов</i>	5	221
<i>Исакова И.Н. Лилия Валентиновна Чернец (1940–2025)</i>	3	246
<i>Кобозева И.М., Кульпина В.Г. Виктор Андреевич Татаринов (1952–2024)</i>	3	236
<i>Соловов А.И. Памяти А.А. Тахо-Годи (26.10.1922–08.09.2025)</i>	5	229
<i>Щербина А.С. Памяти Тамары Фёдоровны Теперик</i>	3	241
 ЮБИЛЕИ		
<i>Черчук О.И. Андрей Иванович Изотов</i>	4	244

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2025. № 6. 1–216.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.